Александр Машошин

БЕЛЫЕ ПЯТНА ТЕМНЫХ ВРЕМЕН

Не все истории еще рассказаны...

ЛЕГЕНДЫ

УДК 82-322.9
ББК 84Р7-445
М38

Художник: Анна Куликова
Редактор: Сергей Когин

Машошин А.В.
М38 Белые пятна Тёмных Времён. Сборник рассказов. — М., 2016 — 225 с.: ил. — (цикл Посредине ночи, № 4)
ISBN —

Давным-давно, в Галактике далеко отсюда…

Об этом не напишут в Голонете. Этого не знала разведка повстанцев и даже вездесущие тайные агенты императора Палпатина…

В сборник вошли рассказы, относящиеся как ко времени действия трилогии «Посредине ночи», так и более ранним временам. Они дополняют основную сюжетную линию и более подробно раскрывают предысторию некоторых событий.

УДК 82-322.9
ББК 84Р7-445

© А.В. Машошин, 2012-2016

Александр Машошин

БЕЛЫЕ ПЯТНА ТЁМНЫХ ВРЕМЁН

Рассказы

Содержание

Церемония.....5
Старшекурсница.....17
Ария тональности форс-мажор.....31
Чёрная смерть.....77
Имперский призыв.....114
Дар на продажу.....155
Стреляющие тени Рилота.....169
Принцесса Альдераана.....205
Необходимое послесловие.....225

Церемония

И полёт журавлика будет прям, как и тысячу лет назад,
Мирозданью плевать, кто в небесный сад, кто на нары.
Всё равно полёт журавлика прям, как и тысячу лет назад,
Так улетай, журавушка, улетай, саёнара…

Олег Медведев

19 ДБЯ. Корусант.

Она спускалась по ступеням исполинской каменной лестницы. Четыре шага вниз, четыре вперёд, четыре вниз, четыре вперёд… За её спиной исполинские статуи в плащах и капюшонах строго взирали вдаль поверх головы уходящей. Осока отлично помнила, как давным-давно, целую вечность назад, впервые увидела эту лестницу, эти изваяния и сам храм – усечённую пирамиду, увенчанную пятью тонкими башнями. Тринадцать долгих лет Храм был её миром, домом, куда можно вернуться после долгих скитаний, её надеждой и опорой, как бы банально это ни звучало. И вот теперь она уходила, оставляя всё это за спиной, как закрытую дверь, как перевёрнутую страницу старинной книги. Странно, должно быть, это выглядело со стороны: победить, доказав свою правоту, развеяв все ложные обвинения… и уйти. Но в том-то и дело, что другого выхода не было. Осока не могла больше доверять Совету джедаев, который так легко, словно чужую, бросил её на произвол судьбы. И ни слабые попытки протеста Магистра Кеноби, ни поджатые губы Великого Магистра Йоды ничего не изменили. Как там сказал Йода? «Согласия нет меж нас, но решение приняли мы»? Нет, Осока по-прежнему верила, как себе, и тому, и другому, но мотивы Великого Магистра постичь невозможно, Оби-Ван же, к несчастью, ещё не весь Совет и, тем более, не весь Орден. Её до глубины души поразило, что подставила и толкнула на растерзание её та, кого она считала своей

подругой. Мимоходом, ради высших интересов… или же того, что таковыми казалось. Одна из самых правильных и дисциплинированных молодых джедаек. Слова арестованной Баррисс были точны. Орден начинал перерождаться во что-то неприглядное, безликое и жестокое. Про себя, разумеется, Баррисс забыла, хотя *неча на зеркало пенять*, как выражаются на Бреге. А ведь то, что сделала она, похуже, чем переход на Тёмную Сторону.

Как после всего произошедшего Осоке было принять приглашение вернуться? Несмотря на извинения Пло Куна и речи остальных Магистров о том, что в этой переделке она продемонстрировала истинный дух и стала настоящим джедаем. Гораздо ближе к правде был её Учитель, Анакин Скайуокер. «Ты нужна **мне**», сказал он. Не хотелось признаваться даже себе, но сейчас Осоке было страшно, страшно до одури, до подгибающихся коленок. Вот так взять и уйти в неизвестный мир от всего, что ей известно, понятно и близко. Что делать дальше? Чем заняться? Вернуться домой, на Шили? Да, вероятно, её бы взяли на какой-нибудь военный транспорт, затем на другой, и так она долетела бы без денег, которых у неё, кстати, нет совсем. Другой вопрос, кто её там ждёт? У матери есть другая, младшая дочь, а её, Осоку, она вычеркнула из своей жизни ещё тогда, отдавая в Орден. Нет, жить нужно самостоятельно, не оглядываясь на прошлое. Но как не оглядываться, как забыть всё то, что долгие годы составляло основу её жизни?

Глубоко задумавшись, Осока не сразу обратила снимание на фигуру, прислонившуюся к балюстраде у самой нижней площадки лестницы, в том самом месте, где кончался собственно Храм, где закончится её, Осоки, прежняя жизнь. Женщина стояла, опустив голову, и, возможно поэтому Осока не почувствовала ветер её внимания. Та, кем она восхищалась с детства, с кого во многом брала пример и на кого старалась равняться, хотя

так уж близко знакомы они не были. Сильная, умная… и чуть-чуть особенная, не вымеренная по линеечке, как остальные. Осоке безумно хотелось подойти, но наперекор этому желанию она приняла решение, что просто пройдёт мимо, если та не заговорит сама. Четыре и четыре, ещё раз и ещё. Осока делала последний шаг по лестнице, когда женщина, словно очнувшись от глубоких раздумий, посмотрела на неё. И столько участия, нежности и одновременно боли было в её глазах цвета осени…

— Прости меня, девочка, — глухо произнесла Айла Секура. — Я вернулась сразу, как только узнала, но мой корабль недостаточно быстр.

— Только не зовите меня обратно, — чуть резче, чем следовало, сказала Осока. Она вдруг поняла, что вот сейчас, если Айла возьмёт её за руку, они просто пойдут туда. Домой, в привычный, родной мир Храма, тёплый и ласковый, несмотря на все интриги последнего времени.

— Ты приняла решение, и я уважаю его, — отозвалась Айла. — Хотя, честно говоря, очень хочется дать тебе подзатыльник и сказать, что ты делаешь глупость.

— Какое неджедайское желание, — Осока выдавила горький смешок. — Нас никогда не наказывали действием.

— Некоторых – напрасно. У меня сейчас возникают ещё более крамольные желания. Например, подняться туда и набить несколько наглых морд. Простенько, по-деревенски, кулаками. Но я сдержусь, пожалуй, здесь я нужнее. Пойдём-ка, просто пройдёмся.

— Только не надо ничего говорить.

— Конечно. Мне просто нечего сказать, не знаю я подобающих ругательств, к сожалению.

Они бродили по улицам между домов, там, где нет открытого пространства, и откуда не виден Храм, такой близкий и одновременно далёкий теперь для Осоки. Молчали. Осока, слегка напрягая чувства, слушала

дыхание Айлы, чувствовала, как Сила мощным потоком струится сквозь неё. Даже Сила казалась сегодня какой-то грустной, что ли, хотя наставники и учили, что она не может нести в себе ни радости, ни печали. Долго ли, коротко ли они бродили, пока Айла не остановилась и не взяла, всё же, Осоку за руку.

— Пойдём со мной в одно место? — попросила она. — Мне очень нужно, чтобы ты была там сейчас. Я не задержу тебя надолго.

— Можно и надолго, — отозвалась Осока. — С Вами так хорошо молчать.

— Там молчания хватает. Впрочем, слова сегодня тоже будут…

Неприметный проход между домами сначала несильно, а затем всё ощутимее понижался и неожиданно закончился глухими металлическими воротами. Секура приложила к створке ладонь, потянула Силой, как магнитом, и створка отошла ровно настолько, чтобы пропустить существо размером с человека. Внутри за небольшим квадратным залом вроде гаража начинался длинный коридор, освещённый продолговатыми лампами-«карандашами». Впереди они горели редко, метров через двадцать друг от друга, но, по мере того, как женщины углублялись в коридор, между дежурными вспыхивали дополнительные светильники, образуя хорошо освещённое пятно, простиравшееся впереди и позади, а затем так же последовательно гасли. Поворот, второй – и новый коридор, затем перекрёсток. Осока обратила внимание, что после первого пересечения характер коридоров изменился. Теперь вместо грубых прямоугольных форм они имели сглаженные углы с узорчатым плинтусом внизу и карнизом наверху. В какой-то момент женщины прошли мимо пары колонн, затем ещё и ещё, теперь поддерживаемые колоннами арки попадались через равные промежутки. Изменились и

светильники: вместо голых ламп овальные плафоны, напоминающие оправленные драгоценные камни.

— Где мы? — спросила Осока.

— Под Храмовым кварталом, — сказала Айла. — По нашим данным, эта часть комплекса построена около пяти тысяч лет назад. Вот сюда.

Они вошли в небольшой круглый зал с двенадцатью толстыми округлыми пилонами, поддерживающими на высоте примерно десяти метров массивное каменное кольцо, из которого падал ровный круг солнечного света. И это не было искусственное освещение-подделка, Осока ясно ощущала. Световое пятно начинало таять точно по границе бежевого круга на каменном полу с буровато-красным центром. Осоке был хорошо, слишком хорошо известен рисунок на полу. Чёрное на бежевом, золото на бордовом. От края к центру, от центра к краю. Стилизованные перистые листья папоротника и всходы злаков. Точно такой же узор украшал зал заседаний Совета. Предупреждая всякие вопросы, Айла приложила палец к кубам. Произнесла тихо:

— Подожди здесь буквально пару минут.

И исчезла в полутьме одного из проходов-арок между пилонами. Осока осталась одна. Одна ли? Она чувствовала, что неподалёку есть живые существа, более того, она знала их поимённо. Щемящая тоска опять навалилась на плечи. Что ещё? Зачем? И в то же самое время сердце Осоки замирало в предчувствии чего-то необыкновенного, что должно вот-вот произойти. Чтобы справиться с волнением, она посмотрела вверх. В вышине, где-то за дальним обрезом уходящего в зенит колодца, ярко сверкало хрустальное зеркало, отражение солнца, как этот катакомбный зал – отражение того, верхнего, зала.

Слабый шорох заставил её на мгновение напрячься, и тут же Осока слегка усмехнулась. Это давали себя знать боевые рефлексы, несмотря на то, что она отлично знала:

поблизости нет никого, кроме тех хорошо ей известных существ. Из полумрака одной из арок в круг света шагнула высокая фигура в плаще. Осока узнала кель дора Пло Куна, того самого, который привёз её с Шили в Храм тринадцать лет назад.

— Осока Тано. Ты проявила Навык, — произнёс он древнюю формулу. — Навык владения Силой во всех её проявлениях. Ты сходилась в дуэлях с выдающимися фехтовальщиками современности, и все они считали тебя достойным противником. Я видел тебя в деле.

— Осока Тано. Ты проявила Отвагу, — изрёк Магистр Кит Фисто, появляясь из проёма по другую руку. — Не только личную, как воин, но и как полководец. Тебе довелось возглавлять операцию флота, и ты с честью выполнила задачу. Я видел тебя в деле.

— Осока Тано. Ты проявила Дух, — сказал, ступая в освещённое пространство, Оби-Ван Кеноби. — Ты заглянула в бездну внутри себя, преодолела смерть, и это тебя не сломило. Я видел это, и горжусь, что был там.

В четвёртом проёме бесшумно возник изящный силуэт, увенчанный лирообразными рожками.

— Осока Тано. Ты проявила Прозорливость, — молвила Шакти. — Раскрыла коварный заговор, способный повлиять на судьбу целой планеты. Сожалею, что не была тому свидетелем. Но я видела, как ты учишься, и ученье дало тебе мудрость.

Низенькая, согбенная фигурка появилась из центральной арки прямо перед Осокой. Пронзительные глаза Великого Магистра, казалось, проникали в самую душу.

— Осока Тано. Ты проявила Стойкость, — сказал он. — Потеряв всё, что дорого тебе, одна оставшись, не отчаялась ты. Не согнулась. Видел это я и горд тем, что видел, — древний джедай сделал паузу и продолжал: — Здесь собрались мы, пять магистров и двое Старейшин,

чтобы сказать: достойна звания Рыцаря-джедая Осока Тано.

— Достойна… — прозвучали хором семь голосов. Осока едва не вздрогнула от неожиданности: за её левым плечом стояла прямая, как струна, Хранительница Библиотеки Джокаста Ню, за правым – опирающийся на палку Главный Инструктор Тера Синубе. Когда они здесь появились? Она не знала ответа, даже не уловила их приближение.

— Подойти можешь, девочка, — произнёс Йода, указывая куда-то в сторону. Осока в первый миг не сообразила, что обращается он не к ней, а к Айле, стоявшей рядом с Оби-Ваном. Да, для Великого Магистра и великолепная Секура тоже всего лишь девочка.

— Твой меч, Осока, — улыбнулась твилека, протягивая оружие. — Пусть служит тебе и впредь.

Рукоять меча легла в ладони привычной, родной тяжестью. Не удержавшись от соблазна, Осока повернула оружие вертикально, нажала кнопку и несколько секунд безотрывно смотрела в гудящее пламя зелёного лезвия.

— Мы не призываем тебя изменить принятое решение, — сказал Кеноби. — Отныне ты – странствующий рыцарь Ордена. Ты вольна сама выбирать себе служение. И имеешь право вернуться в Орден в любое время, когда пожелаешь. Если сможешь, прости меня за всё, что произошло. Я всегда верил тебе. Сожалею, что не проявил достаточной твёрдости.

— Любая помощь Ордена, потребная тебе, немедленно оказана будет. Как всякому Рыцарю, — добавил Йода. Вздохнул, сказал не столь официальным тоном: — Научил многому меня случай этот. Решения столь важные абсолютного согласия требуют. Извинения приношу, прими их.

— Великий Магистр… — Осока, не найдя слов, низко поклонилась главе Ордена.

— Видеть тебя всегда мы рады.

Один за другим Магистры скрылись под центральной аркой. За ними последовали Старейшины. Джокаста вложила в ладонь Осоки маленький комлинк:

— Библиотека в твоём распоряжении в любое время дня и ночи. Увидимся.

Осока и Айла остались вдвоём.

— Не ожидала? — спросила твилека.

— Н-нет, — призналась Осока. — Я не знала, что церемония посвящения может быть **такой**.

— Это очень древний ритуал. Считается, что его перестали практиковать тысячу лет назад, до Руусана. Признаться, и я так думала до сегодняшнего дня. Джокаста сказала, что подобная тайная церемония не проводилась вот уже сто двадцать три года.

— «Вольна выбирать себе служение», — повторила Осока слова Оби-Вана. — Получается, я могу делать, что хочу?

— То, что подсказывает тебе совесть, — поправила Айла. — Столь высокая степень доверия доступна не каждому. За последние тридцать лет ты третья, кто удостоен такой чести.

— Третья, Вы сказали? А кто остальные двое?

— Рам Кота, ты его должна знать лично, и Ларант Тарак.

— Ларант? Которой с таким скандалом отказались назначать падавана? — изумилась Осока.

— Скандал был больше показной, чем действительный. На самом деле, Ларант не так плоха, как её хотели представить. Говорю не потому, что мы соплеменницы…

— О, могли бы об этом не упоминать. Я-то знаю Вашу объективность. А Рам Кота? Он же официально служит в Ордене?

— Так было не всегда. Некоторое время он посвятил странствиям, затем решил возвратиться в Орден. И ты всегда сможешь это сделать, когда захочешь.

— Понимаю.

— Ну, что, идём?

— Идёмте.

Теми же коридорами они направились к выходу. Внезапно Осока ощутила впереди смутно знакомое присутствие. Человек был одет в тёмно-зелёную форму республиканского флота.

— Адмирал? — брови Осоки поползли вверх от удивления.

— Поздравляю, рыцарь Тано, — улыбнулся в усы старинный Осокин сослуживец. — Я никогда в Вас не сомневался. Кстати. Вот Ваш второй меч. Мои спецы отыскали его на нижнем уровне. Пришлось надавать по башке одному торговцу оружием, но это детали.

— Хоть кто-то получил сегодня по морде за свои художества, — проворчала себе под нос Айла.

— Благодарю, адмирал, — Осока зажгла лезвие, полюбовалась переливами зеленовато-золотого велморитового огня, сфокусированного осколком *шарда*, убрала меч на место. Кажется, день заканчивался не так плохо, как начался.

— Позвольте узнать: чем Вы намерены заняться дальше? — поинтересовался адмирал.

Осока покосилась на Айлу. Та сделала нарочито-невозмутимое лицо, пошевелила лекками: мол, ты у нас теперь странствующий джедай, начинай думать сама.

— Пока не знаю, — призналась Осока.

— В случае, если решение не придёт быстро, рекомендую зайти по этому адресу, — продолжая дружески улыбаться, адмирал протянул квадратик жёсткого флимсипласта с отпечатанными координатами. — Там как раз набирают команду для небольшой

экспедиции, месяца на четыре, может быть, чуть дольше. За это время, глядишь, и на Корусанте всё поутихнет, и здесь, — он коснулся пальцами виска, — мысли улягутся. Впрочем, я не настаиваю.

— Благодарю Вас, обязательно подумаю над этим предложением.

— Было приятно служить под Вашим командованием. Честь имею, — адмирал повернулся и скрылся в ответвлении коридора.

Женщины вышли на открытый воздух. Солнце село, на угольно-чёрном небе мерцали многочисленные огни, громады окрестных зданий переливались подсветкой, мерцанием рекламы и слабыми огоньками окон.

— Пожалуй, поеду к подруге и попробую выспаться, — сказала Осока. — Столько всего навалилось за последние двое суток…

— В сенатский квартал? — понимающе улыбнулась Айла.

— Куда же ещё? Среди рабочих и служащих я пока что друзьями не обзавелась. Спасибо Вам, Айла.

— Всегда пожалуйста.

Осока хотела попрощаться чинно, как и подобает только что произведённой в Рыцари особе, а вместо этого повисла у Айлы на шее и расцеловала её в щёки. И суровая Секура ласково гладила её по голове.

— Не смей пропадать, — сказала она на прощание. — Как со мной связаться, ты знаешь.

Выспаться толком Осоке, конечно, не удалось. Почти до самого рассвета они проговорили с Чучи о событиях последних дней. И лишь когда небо за окнами апартаментов начало светлеть, уснули в обнимку в углу мягкого дивана гостиной. А ещё через несколько часов Осока приехала по координатам, которые дал ей адмирал. Обычная платформа монорельса, выход в город, прямо в проход между двумя зданиями, теряющимися в синевато-

серой вышине неба. Вперёд и направо за угол. Здесь. Она остановилась перед скромной раздвижной дверью из тёмно-серого металла, справа от которой тускло поблёскивала небольшая табличка:

СЛУЖБА ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Старшекурсница

8 ДБЯ, Среднее Кольцо, Брег.

Университетский городок бурлил обычной утренней жизнью очередного учебного дня. Сейчас была перемена между третьей и четвёртой «парой», самая длинная и расслабляющая. Кто-то из студентов уже успел пообедать в столовой, кто-то заканчивал эту приятную процедуру за столами на многочисленных лужайках между корпусами. Мягкая погода местной весны и льющийся с неба солнечный свет благоприятствовали трапезе на свежем воздухе. Попутно студенческие компании, нередко состоящие из слушателей самых разных факультетов, обменивались новостями, обсуждали вчерашние игры чемпионата сектора, только что закончившуюся Неделю Моды в Центре и много всякого разного. Некоторые уже строили планы на вечер, очевидно, решив, что лекции второй половины дня можно и прогулять. Компаниям не было дела до проходящих мимо одиночек, но если бы случился здесь по-настоящему внимательный наблюдатель, хорошо знающий студентов старших курсов, он непременно обратил бы внимание вот на ту девушку, в задумчивости идущую по вымощенной диким камнем дорожке. Отличница и душа любой интеллигентной компании, она сегодня была как-то непривычно задумчива, если не сказать меланхолична. Голова, увенчанная полосатой «короной» из пары изящно изогнутых кожистых рожек и трёх длинных хвостиков-*лекк*, два из которых затейливо вились по плечам и груди, наклонена вперёд, яркие синие глаза изучают дорожные камни…

— Эни! — окликнули её с лужайки.

— Да? — сойдя с дорожки на траву, она улыбнулась знакомым.

— Поехали в город? — предложила одна из подруг. — По торговым рядам пройдёмся, в кафе посидим, ребята угощают.

— Всё за наш счёт! — подтвердил рослый твилек, трёхсложное имя которого друзья сократили до короткого «Нер». Эрдени тихонько вздохнула. Нер был неплохим парнем, но… неисправимым гулякой и дамским угодником. Кредиты на его карте долго не задерживались. Не иначе, опять написал домой на Рилот письмо в духе «Вышли сала, здравствуй, мама», и родители перевели ему очередную сумму, а то ведь на Бреге такая дорогая жизнь.

— Нет, ребята, сейчас не поеду, — отказалась она. — На геральдику сходить хочу. Вот вечером бы с удовольствием. Может быть, лучше сходим на озеро, искупаемся, а после лекций в город?

— Да, да, ты ещё нас на этой скучище сидеть поагитируй! — студент из местных и закадычный приятель Нера Мить Равлик поднялся и подошёл к Эрдени. — Ты раньше профессора Реб-Лазара тоже недолюбливала, нет?

— Было дело, — не стала спорить с очевидным девушка. — Пока он про загадки рассказывать не начал. И выходит, что история, и ваша, и наша, гораздо древнее, чем описана в учебниках.

— Да Реб на своём символизме совсем съехал, а ты веришь в его байки.

— Может, и не верю, а интересно, — парировала девушка.

— Ну, как хочешь. Слушай, Эни, у тебя всё в порядке? — поинтересовался Мить тоном ниже. — Ты что-то последние пару дней смурная какая-то, или мне кажется?

— У девушек это бывает, физиология, знаешь ли, — съехидничал всеслышащий Нер. И тут же заработал звонкую затрещину от одной из студенток.

— А если серьёзно, — добавила другая подруга, — увлечение криптоисторией до добра не доводит. У меня есть соседка, в школе была нормальная девочка, а потом накопала в Голонете статей о Сеятелях, о покинутых астрогородах, теперь тусуется с такими же повёрнутыми, ищет следы древних цивилизаций. На Центропункте чуть не заблудилась. Два раза попадала в Имперскую безопасность за то, что лазила на какие-то военные объекты…

При упоминании об Имперской безопасности Эрдени торопливо распрощалась с друзьями и пошла дальше по дорожке. Не хватало ещё, чтобы подруги заметили её эмоции. Она и раньше не имела оснований любить императорскую охранку, а теперь и подавно. Вчера утром в новостях Голонета короткой строчкой прошло сообщение, что на планете Шили по политической статье арестована профессор Корвальского университета. Её мать. Эрдени была абсолютно уверена, что предусмотрительная и сверхосторожная мама не связана ни с каким Сопротивлением и пострадала за компанию с кем-то из знакомых, как всё чаще бывало в последнее время. А может, всё это из-за сестры? Например, кто-то в имперской канцелярии раскопал, что есть и вторая дочь, решил её разыскать и проверить. Эрдени знала: в руки Лорда или Инквизиторов ей попадать ни в коем случае нельзя. То, что могут сделать с ней там, хуже самой мучительной смерти. Как бы то ни было, отсюда, с Брега, девушка не могла выяснить никаких подробностей. Да и с какой стати наводить справки? По документам её фамилия Амар, она дочь сельского богача и к профессору имеет не больше отношения, чем любая другая уроженка Шили. Отвратительное чувство собственной беспомощности

захлестнуло девушку вновь, как вчера у компьютерного терминала, когда она прочла ленту новостей. Вот если бы сестра знала… Мама всегда говорила о ней в прошедшем времени, считала, что она погибла тогда, во время жуткой Чистки. Или же старалась убедить в этом дочь. Но Эрдени, знавшая сестру лишь по старым записям Голонета, хоть и соглашалась с матерью на словах, не верила никогда. И повторяла про себя: жива, жива! Империя почти всемогуща, но Галактика слишком велика, в ней достаточно укромных уголков, где можно укрыться даже от имперских ищеек. Даже от Инквизиторов.

Девушка шла всё вперед, не разбирая дороги. Вскоре ноги сами привели её на неприметную тропику, петляющую в прибрежном кустарнике. Ещё десяток-другой шагов, и перед девушкой открылась сверкающая гладь озера. Сюда, на крохотный пляж, а вернее, песчаный пятачок у берега, мало кто заходил. Большой компанией тут было не разместиться, и загорать не очень удобно, посещали это место, в основном, любители порыбачить на утренней и вечерней зорьке. Эрдени постояла немного, любуясь солнечными зайчиками на поверхности воды, потом присела на обрубок старого бревна. Положила на колени планшетку, тронула экран. Под её руками развернулась флюоресцирующая виртуальная клавиатура. Поначалу звуки, издаваемые синтезатором, мало напоминали музыку, слишком уж в расстроенных чувствах находилась девушка. Испытанное средство против грусти пока не помогало. Порывистый ветер гонял по воде слишком хаотичную рябь, и девушке никак не удавалось уловить мелодию волн. Ноты не лились, не летели, они рассыпались и раскатывались, как горох, рождая какофонию. Она сосредоточилась на плеске воды у самого берега, тут было более спокойно, едва различимый прибой шевелил прибрежную траву, перебирал песчинки и мелкие камешки, словно касаясь их невидимыми

пальцами. Нет, тщетно, слишком сильны переживания. На солнце набежало небольшое облако, ветер сильнее зашелестел листвой и камышом. Как вдруг…

Что-то произошло. Здесь… или где-то. Эрдени внезапно ощутила, как подступившая комком к горлу тревога начала утекать, прорвав невидимую преграду.

— Всё будет хорошо, мамочка, — прошептала она, — всё уже хорошо. Я **знаю**…

Мелодия вдруг получилась. Прерывистая, неровная, и, всё же, мелодия. Ветер и вода, звон капели и слабый посвист, бубенцы и горн… Это напоминало «Таинственный квадрат», старинную мелодию, не раз слышанную ею здесь, на Бреге. И девушка, продолжая правой рукой поддерживать фоновую тему, левой робко, а потом всё увереннее повела основную мелодию.

Облако уходило, сквозь его обрывки брызнуло солнце, отчётливо плеснула на песке ласковая волна. И девушка, повинуясь внезапному порыву, сразу, без паузы, сменила темп, заиграла «Огненные дороги». Как она раньше не поняла, вот же он, ритм воды и ветра, мерцание бликов и шелест травы, он был рядом всегда, вон там, чуть подальше, над глубиной, это она за своими волнениями его не разглядела! Музыка текла свободно, то возносясь к облакам, то замирая в ветвях, и казалось, Эрдени не играет на призрачных клавишах, а дирижирует волнами и листвой деревьев. Девушка улыбнулась собственной мысли. Глупо, конечно, ну, кому может быть такое по силам? Просто именно сейчас именно эта мелодия так удачно вплелась в дыхание озера. Музицирование успокоило девушку, привело в порядок мысли, всепоглощающая тревога улеглась, уступив место обычному естественному беспокойству. Она по-прежнему не понимала, откуда знает, что всё образуется, и, тем не менее, уверенность не ослабевала. Будто некто большой и сильный простёр над ней и её мамой надёжную тёплую

руку. Свернув клавиатуру синтезатора, Эрдени поднялась с бревна. И направилась обратно в парк, по дороге легонько касаясь свободной рукой благоухающих ветвей *золотики*, растущей вдоль дорожек. Ей нравился этот весенний аромат, пряный, как запах метёлок шилианской травы *туру*, и, в то же время, сочный, лишённый горьковатой сухости пыльной степи.

Невдалеке от общежитий в парке тоже были оборудованы лужайки для отдыха. Ни скамейки, ни столы, как возле учебных корпусов, администрация тут не устанавливала, оставив побольше места, чтобы и мяч погонять, и летний театр устроить, и раскинуть палатки во время студенческого фестиваля. Вот и сейчас на одной из лужаек что-то происходило. Зная, что в таких местах, подальше от строгих профессорских взоров, часто собираются разные интересные компании, Эрдени подошла чуть поближе. И настроение у неё опять испортилось. Сборище из двух десятков людей и *хуманов*, то есть, сходных с людьми видов, рассуждали о политике. Нет, строго говоря, ничего крамольного, никто не хвалил Сопротивление, не призывал к борьбе против власти. Но выступали очень эмоционально.

— Я не понимаю, — горячился один из парней, чагрианин, — зачем власти нашей Империи дискриминирует всех, кто не принадлежит *базовой линии*? Негуманоиды ладно, звёзды бы с ними, у них сам принцип мышления может отличаться. А вот нас, нас за что? Мы честные граждане, не бандиты, не мятежники и тоже хотим жить и делать карьеру.

— А женщины чем хуже мужчин? — поддержала его местная студентка Лисава, Эрдени хорошо её знала. — Из военного флота почти всех поувольняли, даже диспетчеров и врачей! Остались одни секретарши. И в администрациях так же, будь ты хоть семи пядей во лбу, а дальше мелкой чиновницы не продвинешься.

— Вот и я говорю, — воодушевлённо воскликнул чагрианин. — Неужели Палпатин не видит, что творят его моффы и губернаторы?

— Наивный чампальский юноша, — скептически хмыкнул юноша-киффар. — Неужели ты думаешь, что в столь серьёзных вопросах решения принимают какие-то там губернаторы? Или что они **поголовно** сговорились за спиной Императора?

— Ты хочешь сказать… — начал чагрианин. Эни чувствовала, что диспут принимает опасный оборот. Ещё чуть-чуть, и эти трое наговорят себе на арест. А заодно загребут и всю остальную компанию. Как маму.

Усилием воли собрав в ближайшем фонтанчике маленькую, с фасолину, каплю воды, Эрдени примерилась и с расстояния в десяток метров опустила её за шиворот чагрианину. Раздавшемуся воплю позавидовал бы гигантский ракопаук в брачный период. Эрдени спряталась за дерево и, отодвинув от правого уха лекку, вслушивалась в какофонию поднявшегося переполоха. Публика выясняла, с какого дерева могла сорваться капля, и не липкая ли это смола, которая трудно отстирывается. В итоге компания диспутирующих решила сняться с места и перейти куда-нибудь на открытое место. Некоторые вспомнили, что у них есть неотложные дела, на что, собственно, и рассчитывала коварная Эрдени, и отправились восвояси. И, всё же, девушка была не вполне довольна результатом. Отвлечь всю компанию от темы не удалось. Оставшиеся могли усесться где-нибудь ещё и продолжать копать самим себе яму. Придётся, видимо, засветиться.

Она быстрым шагом обогнула компанию по большой дуге и возникла перед ними, будто и шла навстречу. Напустив на себя жутко деловой вид, спросила:

— Народ, вы не встречали тут доцента Чевич? Мне сказали, она где-то на территории общежития.

— Да что ей здесь делать? — махнул рукой бреганский студент по фамилии Троец. — Небось, она дома уже.

— Не знаю, — пожала плечами Эрдени, — ребята будто бы видели где-то неподалёку. Она с тобой, кажется, поговорить хотела.

Ей даже лгать не потребовалось: доцент Чевич действительно была недовольна Тройцом и не далее как вчера грозилась устроить ему разнос. Не беда, если разговор состоялся, Эрдени-то откуда об этом знать? На этот раз ей повезло: Троец забеспокоился.

— С чем связано, не знаешь? — поинтересовался он.

— Ну-у… — протянула девушка, чувствуя, как напряжение передаётся чагрианину, кифару и Лисаве. — Я только краем уха слышала слово «вытворяет».

Вариант беспроигрышный, за большинством студентов имеются какие-то грешки, есть они и у самой Эрдени, а уж на Тройце их – что репьёв на шкуре банты. Сейчас девушка явно попала в точку, парень скривился и пробормотал:

— Вот непруха, неужели дознались? А я и курсовую не доделал ещё.

Остальным тоже не улыбалась перспектива попасться на глаза недоброй и весьма бдительной Чевич. Лекции, надо признать, она читала здорово, не заснёшь, даже если очень хочется спать. Но к любым нарушениям вплоть до мелких шалостей относилась нетерпимо. Заметит что-нибудь – всё, *пиши пропало*, как здесь выражались. Нет, в администрацию она сообщать не пойдёт никогда, будет действовать своими методами, а это порой ещё хуже. Особо злостные у неё переделывали работы по пять-семь раз, а экзамен сдавали с третьей попытки, как ни старались и ни выучивали материал. Разговаривая с ней, даже маститые профессора смотрели чуть в сторону. Выдержать пристальный взгляд льдисто-

голубых глаз доцента могли немногие, кое-кто вообще звал её «Вейдер в юбке». Поэтому компания начала стремительно таять. С чувством выполненного долга Эрдени свернула на тропинку, ведущую к её общежитию.

А ночью ей приснились звёзды. В свои неполные двадцать два года девушка лишь несколько раз летала в космосе, но снились полёты ей очень часто. Подруги говорили, виной всему красочные «Путешествия» Голонета, которые Эрдени всегда смотрела с удовольствием, и её собственное бурное воображение. Она даже не была уверена, существуют ли где-то планеты и звёзды, что она видит во сне, или это плод её фантазии. Иногда сны приходили смазанными, туманными, почти сказочными, иногда – чёткими, яркими, почти реальными. Вот как сегодня. Мириады разноцветных немигающих точек, именно таких, какими они бывают в открытом пространстве, и ощущение холодной бесконечности, окружающей тебя со всех сторон. Висящую в пустоте планету девушка на этот раз узнала сразу, несмотря на то, что диск был повёрнут тёмной стороной, и на нём виднелись лишь редкие огоньки городов. Шили, её родина. *Виласса*, центральное светило системы, выплывало из-за планеты сверкающим полумесяцем, и юная наблюдательница сочла это добрым знаком. А потом вдруг осознала, что поверхность планеты стремительно приближается. Диск заполонил полнеба, превратился в вогнутую чашу, очерченную по краям мерцающей дымкой атмосферы. Блистающее крыло света смахнуло ночную тьму – терминатор остался позади, а впереди, на горизонте, возникло быстро растущее пятнышко. Вот уже можно разглядеть знакомые с детства очертания самых высоких зданий *Корвалы* – столичного города, где выросла Эрдени. Ощущение стремительного падения стало таким отчётливым, что девушка на мгновение задохнулась… и проснулась.

Не было ни родной планеты, ни полёта, ни падения. Холодный свет бреганской луны узкой полосой лежал на полу комнаты общежития. Что могло означать это видение? Она скоро отправится на Шили? Или же кто-то другой прилетит и поможет маме? Эрдени не знала, что и думать. Только странная уверенность, что всё, так или иначе, будет хорошо, не покидала её. Долго ещё девушка лежала без сна, глядя в потолок, и перед глазами у неё вновь и вновь вставала последняя увиденная во сне картина. Пегая степь с разбросанными то тут, то там зонтичными деревьями *кашт*, косые лучи утреннего солнца, подёрнутого вуалью перистых облаков, и призрачная серебристая тень, скользящая по волнам травы в направлении башен столичного космопорта.

Наутро, при свете солнца, яркость ночных видений немного поблёкла. Да и дел, как обычно, было много. Принять душ, одеться, подкраситься и бегом в столовку, чтобы успеть позавтракать и не опоздать на занятия. Первым часом семинар, его пропускать нельзя, сегодня срок сдавать работу. Потом две лекции, за ними – пустой час в расписании. Пожалуй, надо сходить в библиотеку и доделать ещё одно задание, на завтра. В общем, за привычными студенческими делами Эрдени почти позабыла про свой сон. До той минуты, пока на библиотечном крыльце её не окликнул незнакомый голос:

— Эни!

Она обернулась. Мужчина. Человек. Одет в лётную короткую куртку и брюки, на ногах массивные башмаки, какие любят космонавты. Костюм незнакомца сразу напомнил девушке о ночных видениях.

— Мы знакомы? — спросила она.

— Нет, пока нет. Подождите буквально минутку, — человек приблизился и, понизив голос, продолжал: — Вас разыскивает Ваша мама.

Эрдени мгновенно подобралась. Угрозы от мужчины она не ощущала, но его слова… Где находится Эрдени, маме было прекрасно известно, она и устраивала её сюда – через третьих лиц, под чужой фамилией. Вдобавок, она сейчас в тюрьме.

— Вы ошибаетесь, — холодно произнесла девушка. — Моя мама не может меня разыскивать. Ни при каких условиях.

— Вы просто не в курсе дальнейших событий, — сбивчиво заговорил человек. Эрдени подметила ещё одну странность: акцент у него, вроде бы, местный, а говорит он на базик. Будто не знает, что в университете обучают на словиоски. А может, забыл? Например, от долгой работы в имперских учреждениях? На счастье Эрдени, следом за ней из библиотеки вышла компания ребят: вчерашний герой Троец, его приятель по фамилии Ятровка, долговязый твилек Неркафи Кру, незнакомый киффар и с ними две девушки с младшего курса.

— Мальчики, помогите, пожалуйста, — торопливо заговорила она. — Я что-то не пойму, чего хочет от меня этот тип. Привязался, старый извращенец!

— Ну, какой же я старый! — растерялся тот.

Между тем, парни, нахмурившись, обступили его. Нужно скорее уходить, пока мужчина не вырвался, и где-нибудь спрятаться. По крайней мере, до прояснения ситуации.

— Эрдени, подожди! — крикнул мужчина. Собственное имя ударило девушку, как невидимым бичом. Давно, очень давно никто не звал её так. Нельзя, нельзя реагировать! В то же время, она чувствовала, что вот сейчас, через несколько секунд, случится нечто невероятное. Что-то, что ей никак нельзя пропустить. И обернулась.

Другая тогрута вмешалась в спор между парнями, растолкав студентов. Эрдени смотрела на неё практически

со спины и готова была поклясться, что никогда раньше не видела этих рожек, но вот полоски на них почему-то были знакомы. А в следующий миг услышала голос. Он тоже был знаком до боли в сердце. Голос из старых республиканских хроник, тех, что в восемьдесят первом мама стёрла и с домашнего терминала, и с обеих дек. Единственная копия, которую мама не нашла, до сих пор хранилась на маленьком кристалле в медальоне на шее у Эрдени. Позабыв, как дышать, девушка следила за происходящим.

— Та-ак, — сказала тогрута. — Предлагаю исчерпать конфликт и мирно разойтись по своим делам.

— Вот ещё! — возразил Неркафи. — Нечего трогать наших девушек!

— Ты трогал? — спросила Осока у мужчины.

— Пальцем не, — заверил тот.

— Отошли бы Вы, дамочка, — посоветовал твилек. — У нас к этому субъекту накопились вопросы.

Тогрута хмыкнула. Медленно повернула голову, обводя забияк взглядом:

— Смелые мы, значит? Храбрые, да? *Семеро одного не боимся и на печке не дрожим*, так? Ладно же. Вот ты, — она указала двумя пальцами на Неркафи, и в голосе её вдруг прорезались колокольно-гулкие ноты. — Сейчас ты набьёшь им всем морды.

— Сейчас я набью им всем морды… — покорно повторил тот. Остальные заржали, думая, что приятель шутит. Но долговязый Неркафи не шутил. Он, как сомнамбула, повернулся и со всего размаха ударил в лоб Кузима Ятровку.

— Бежим! — приказала тогрута, одним прыжком преодолевая все пять ступеней крыльца. Она и мужчина подхватили Эрдени под руки и потянули прочь. Она не сопротивлялась, заворожённо разглядывая белые линии на лице тогруты, известные ей с детства до уголка, до

последнего изгиба, глаза, которые, конечно же, ничуть не изменились с тех пор… А когда угол здания скрыл от них крыльцо библиотеки и разгорающуюся там потасовку, высвободила руки. И первым делом бросилась сестре на шею.

Ария тональности форс-мажор

7 ДБЯ, где-то во Внешнем Кольце.

Младший лейтенант имперского флота сидел в кресле своего истребителя, плотно стиснутый привязной системой поверх пустотного костюма, и отсутствующим взглядом смотрел в обзорное окно. Руки его не касались управления, просто висели в невесомости перед грудью. Один. Он скривился. Опять один, вот непруха! Это уже становится дурной привычкой. Полчаса назад он, офицер из лучших выпускников Академии, являлся составной частью авиазвена патрульного корвета «Секвенция». И вместе с другим младлеем, *корунна*ем по фамилии Олама выполнял «стандартный эскорт». Ничего сложного: двигаться вместе с корветом и одновременно кружить вокруг него наподобие сателлитов, развернув сканер дальнего обнаружения в сторону траверза. Так, по мысли теоретиков, повышается безопасность носителя от внезапной атаки на больших курсовых углах. Может, для какого транспорта это и так, но патрульный фрегат имеет «глаза и уши» со всех сторон, и нарезать круги – вернее, спираль – вокруг него занятие довольно-таки идиотское. Кроме, конечно, случая, когда вахтенный слухач заснёт на посту и проморгает появление цели. Лощёные выходцы из знатных семеек именовали это задание «делать ДНК», ребята попроще – «сверлить космос». МББ, то бишь, маленькие большие боссы звена – первый лейтенант Прус и лейтенант Каллок – такой ерундой не занимались, выпуская вместо себя ведомых. Сегодня старшим пары назначили Оламу, и того буквально распирало от чувства собственной важности. У этого парня вообще всё было напоказ – и зависть, и особенно чванство. Что-что, а оно у него сейчас хлестало через край, ведь он застолбил

клеточку ведомого не у кого-нибудь, а у командира звена! Другие пилотяги на базе судачили, что это – отличительная черта чернокожих выходцев с Харуун Кэла, или дрянной характер отдельного человека? Младший лейтенант стоял на стороне первых. Коруннаев он в жизни встречал несколько раз, и спесь, больше или меньше, была свойственна каждому. Несмотря на эти досадные мелочи, настроение у младшего лейтенанта было приподнятое. Накануне с базы пришло сообщение, что его по результатам комплексного отбора зачислили-таки в магистратуру. Оставалось лишь отлетать вторую половину обязательной стажировки на истребителях, а там год учёбы, погоны «полновесного» лейтенанта и диплом пилота, допущенного к управлению и навигации на кораблях до фрегата включительно. Пилот-магистр, выдумают же такую хрень! Но младшего лейтенанта, по большому счёту, не очень беспокоили официальные наименования, главное – возможность летать на чём-то посолиднее бомбардировщика.

Когда это произошло, до области входа в гиперпространство – в этой системе их насчитывалось аж пять штук – было рукой подать. Скоро поступит команда «к стыковке», можно будет повесить машину на кронштейн, торчащий из-под плоскости корвета, перебраться внутрь и расслабиться часика на три, три с половиной, до следующей точки. *Горотские дьяволы*, сглазил! Режущая слух и одновременно торжественная мелодия тревоги – кто их только сочиняет? – загремела в наушниках как раз в тот момент, когда пилоты ожидали обычной в таких случаях команды выдвинуться вперёд и «обнюхать» область перехода. Надтреснутый голос вахтенного офицера проскрипел:

— Истребителям занять штатную формацию, готовность – оранжевая.

Каких-то две минуты, и СИДы Каллока и Пруса, отсоединившиеся от своих кронштейнов, уже в свободном полёте. Младший лейтенант заученно пристроился к истребителю Каллока со стороны правого ионизатора, пеленгом, то есть, чуть позади ведущего. На комбинированной информационной плоскости обзорного экрана уже подмаргивала метка цели, из-за которой поднялся кипеж, и поясняющий текст. Небольшой, в три раза короче их фрегата, транспорт типа «М» лоронарских верфей, шлёпающий от одной точки перехода к другой. Истребителям пришлось поднажать, чтобы не отстать от меняющей курс «Секвенции», когда корвет направился на перехват. Младший лейтенант подумал, что сейчас наверняка будет шмон: транспорту прикажут заглушить двигатели, корвет пристыкуется переходником, и взвод штурмовиков пойдёт щупать за вымя экипаж, груз и бумаги на него. Судно, на котором младший лейтенант провёл «босоногое детство», потрошили не два и не десять раз, и, бывало, имперские штурмовики внаглую куражились над командой, не иначе, от скуки. Особенно рьяные заставляли экипаж вскрывать подряд «подозрительные» панели внутренней обивки от одной переборки до другой и фальшиво изумлялись, что все они крепятся вплотную к дюрастиловой стене. Будто не могли проверить наличие пустот детектором, что висит на поясе у каждого второго солдата. Младший лейтенант вздохнул и поморщился, отгоняя неприятные воспоминания. С прошлой жизнью покончено раз и навсегда, даром, что ли, он так упирался, чтобы поступить в Академию и закончить её с нормальным баллом?

Однако, приказания «купцу» ложиться в дрейф так и не последовало. Вместо него из-под брюха корвета вдруг выпали несколько одноразовых кассет, и из них стартовали самонаводящиеся ракеты средней дальности.

Что это с капитаном Бероуном? Приступ мигрени или несварение желудка?

— Истребители, — теперь в наушниках звучал густой баритон старпома, — выдвигайтесь на прикрытие, десять часов.

Прикрытие от кого? Ах, вон оно что! Транспорт тоже сопровождали. Младший лейтенант потряс головой: если прицельный комплекс не сошёл с ума, навстречу шла восьмёрка «грифов», машин с дройдным мозгом вместо пилота. В Академии их изучали по истории в разделе Войн Клонов, последний раз они были в деле почти двенадцать лет тому назад. Эти, по всему видать, где-то хранились, и сохранились неплохо. Младшему лейтенанту стало не до раздумий. В космической «карусели» завертелись восемь машин разом. Дройд-файтеры то ли кто-то хорошо запрограммировал, то ли грамотно отдавал команды в реальном времени, по даталинку. Имперское звено могло похвастаться отменной слётанностью, Прус не зря гонял их на тренировках до седьмого пота, но и дройды дрались как единый механизм. Именно в такие минуты лётчик-истребитель особенно остро жалеет, что у него нет глаз на затылке, тем более, что у противника они, как раз, имелись! Пилотов, пока что, спасало шестое чувство, интуиция… да канониры с корвета, лупившие в белый свет как в мишень и, тем не менее, вынуждавшие «грифов» отворачивать с линии атаки. Каллок, изловчившись, повредил одного «грифа». Заорал, как дикарь, от восторга Олама, срубив другого, и в ту же секунду пискнул даталинк. На блистере зажглись новые отметки. Ещё четверо? Многовато. А один из «грифов», улучив момент, выстрелил в корвет. Не из пушек. Плазменными торпедами. То есть, эти железяки ещё и в неймодианском исполнении? От сдвоенного удара кормовой дефлекторный щит корвета лопнул, как мыльный пузырь. Дело начинает плохо пахнуть.

— Все на борт, покидаем систему! — приказал старпом.

Истребитель Оламы, находившийся ближе всех к корвету, судорожным финтом вывернулся из свалки и успел зацепиться за кронштейн. Больше никто не сумел. Капитану Бероуну, как и всем остальным, хотелось жить. И корвет, резко ускорившись, исчез в гиперпространстве. Имперский флот следовал чёткому правилу: когда на кону боевой корабль, истребители – расходный материал. В Империи миллион планет, добровольцев пруд пруди, академии исправно выплёвывают свежеиспечённых пилотов. А машины вроде этой на заводах баронов Сиенских клепают сотнями тысяч. Корветы, фрегаты и крейсера восполнять труднее, строятся они куда дольше. В общем, тройке оставшихся истребителей ничего не оставалось, кроме как подороже продать свои жизни. Три против семи. Рассмотрев на сканере параметры нового противника – прощальный привет сбежавшей с поля боя «Секвенции» – младший лейтенант попытался протереть глаза, забыв, что он в шлеме. «Эта-2», кодовое название «Актис»? Богато живут «купцы»! Эти истребители имелись и в имперском флоте, весьма и весьма недурные машины. Только слишком дорогие, из-за чего и прекратили их выпуск, перейдя «более технологичные», а на самом деле – сильно удешевлённые СИДы. На лекциях по истории в Академии ему обычно не спалось, и фрагменты голозаписей времён Войны Клонов тогдашний кадет просмотрел немало. Но сейчас происходящее напомнило ему бредни режиссёров «космических опер»: дройд-файтеры, прикрывающие истребители республиканской постройки, в дурном сне не привидится! Среди этой дикой картины младший лейтенант увидел в прицеле брюхо летающего дройда. Импульсы лазерных пушек проткнули обшивку, и «гриф» взорвался, разлетевшись облаком обломков. Доворот, очередь по

крылатому яйцу «актиса»… Младший лейтенант не успел выругаться, за него это сделал Прус. Задницу врага прикрывало дефлекторное поле, у оригинальных «эта-2» его не было, как и у имперских машин. Куда ж они его там впихнули, пилот, что ли, летает верхом на генераторе?? Придётся стрелять только длинными. Каллок тоже понял это и, повиснув на хвосте своего врага, давил гашетки до тех пор, пока защита не лопнула мыльным пузырём, а ионный двигатель «актиса» заискрил и заглох. Сбоку уже мчался «гриф». Лазерный луч, как бритвой, срезал часть ионизаторной панели, и всё же, на этот раз Каллоку удалось увернуться. Буквально в миллиметрах пропустив под собой ещё одну очередь, ведущий неуклюже развернул побитую машину… и влетел прямо в обломки уничтоженного «грифа».

Младший лейтенант выдохнул сложносочинённое нецензурное ругательство. На такой скорости любые предметы превращаются в дьявольскую шрапнель. А где Прус? Вот он, совсем близко, всаживает длинную очередь в очередного дройда, от того летят ошмётки. Ещё чуть… но в этот момент повреждённый ранее «гриф», сложив выносные пилоны, как настоящий хищник, саданул машину Пруса прямо в блистер кабины, наискось, сверху вниз. И ушёл дальше, медленно, как в кошмарном сне, разваливаясь на части. Да выключи увеличение, болван кибернетический! Младшему лейтенанту совершенно не хотелось видеть то, во что превратилось кресло командира звена вместе с хозяином. Имперский пилот закусил губу и врубил форсаж. Может, у него и не было родителей, но во славу родной планеты он просто обязан достать хотя бы одного живого пилота, прежде чем его самого отправят к праотцам. И он почти сделал это, отстрелив неприятельскому истребителю крыло, но в это время за спиной грохнуло, машина содрогнулась и потеряла ход. Торпедой, тварь! Индикаторы на пульте горели красными

россыпями. Истребитель слушался, но… Повреждённый двигатель выдавал от силы двадцать процентов мощности.

— Может быть, сдашься, солдатик? — осведомился в наушниках женский голос. Младший лейтенант испытал мгновенный гнев: говорившая употребила слово, которым называют игрушечные фигурки бойцов, отлитые из алюминия.

— Спокойно, спокойно, — говорившая будто угадала его чувства. — Ты великолепный пилот, к чему кончать самоубийством?

«С бандитами не торгуюсь!» — хотел браво рявкнуть младший лейтенант, но тут некстати опять накатили воспоминания. Бандиты, говоришь? А сам ты кем был до Академии? Ну, обстоятельства, понятное дело, а всё равно из молитвы слова не выкинешь. К тому же, ему было галактически интересно, кто это такие.

— Ладно, — вздохнул он. — Ваша взяла.

На экране он наблюдал, как ковылял, спотыкаясь и выравниваясь, повреждённый истребитель, как к другому, подбитому им, примчался буксир, переоборудованный из спасательной капсулы, и поволок. И вот теперь его, словно банту на верёвочке, другой буксир тащил к флагману странного конвоя. Им оказался вовсе не маленький лоронарец, а куда более внушительных размеров транспорт из тех, что использовала Торговая Федерация. С виду он был почти новым, однако, намётанный глаз младшего лейтенанта различил на корпусе следы мелких метеоритов и даже солидную пробоину, заделанную композитом – неестественно ровная клякса на фоне шершавого борта. На носу виднелся след от длинной надписи, прежнего названия, поверх которого шли крупные буквы Высокогалактического алфавита. «П-И-Р-Х-А», прочитал младший лейтенант и хмыкнул. Грамотеи, писали бы уж аурбешем, а то, вон, букву «Р» изобразили наоборот. На окраинах такие ошибки попадались часто, то «Н» перевернут, то «К», или

вот «Р», как здесь. Младший лейтенант ещё до Академии гордился способностями к языкам и Высокий выучил не хуже родовитых дворянских сынков.

В передней части трюма хозяева транспорта поставили переборку, отгородив пространство для полётного ангара. Туда и втащили истребитель младшего лейтенанта. За стенкой силового поля в кабину ворвался воздух, и пилот с наслаждением откинул забрало шлема. Хорошая машина имперский СИД, шустрая, манёвренная, да вот экономили конструкторы на всём, чём можно и нельзя, в том числе, и на герметичной кабине. Лучше бы сами попробовали шуровать рычагами в пустотном костюме! Пока техники снаружи открывали люк, младший лейтенант отстегнул от снаряжения кобуру с казённым бластером и, как только строгий голос предложил сдать оружие, отозвался:

— Конечно. Поберегись, бросаю. Могу отвязаться?

— Отвязывайтесь и выходите. Без резких движений.

На него были направлены два бластерных ружья. Державшие их в руках люди носили незнакомую униформу синевато-серого цвета. Бледно-голубой оттенок кожи свидетельствовал, что ребятки родом с одной из вронианских колоний. Третий в униформе, очевидно, офицер, произнёс тем самым строгим голосом:

— Запасное оружие есть?

— Не ношу, — как можно дружелюбнее улыбнулся младший лейтенант. — Я пилот, а не коммандо.

Тем не менее, офицер всё же проверил его сканером. Разумная предосторожность, сам бы пилот поступил точно так же. Двое техников – эти выглядели вполне стандартно, их, пожалуй, можно было принять за персонал обычного имперского корабля – помогли младшему лейтенанту освободиться от шлема, сняли с него снаряжение.

— Ну, ведите, что ли, — сказал младший лейтенант.

— Смотри-ка, ещё командует, — удивился один из техников.

— Весёлый паренёк, — отозвался второй. — Разговорчивый.

Что касается солдат, они и ухом не повели, будто ничего не слышали.

— Следуйте за мной, — распорядился офицер.

— Подождите, Тоннос, — к ним приближалась молодая женщина в грамотно подогнанном комбинезоне технического специалиста. Именно её голос младший лейтенант слышал в наушниках. А она ничего. Симпатичное пухлое лицо, зелёные глаза, каштановая причёска каре, прижатая ободком складного компьютерного визора. Совершенно не похожа на мандалора, только характерное произношение и выдаёт.

— Мэм! — откозырял двумя пальцами офицер.

— Вот, значит, кто разобрал на гайки моего «грифа», — молвила девушка.

— А Вы, простите, при них механик? — поинтересовался младший лейтенант.

— Программист.

А, ну, это ещё ничего. Младший лейтенант было подумал, что у дамочки в жизни вообще всё хуже некуда. Потому что мандалор, устроившийся механиком, это примерно как вуки, добровольно чистящий выгребные ямы. Натянув на лицо самую обезоруживающую из арсенала своих улыбок, он спросил:

— Тогда это Вас я должен благодарить за спасение жизни?

— Отчасти. Ребята очень хотели изрешетить Вашу «двустволку». Но мы здесь решили, что это будет излишняя жестокость.

— Приятно слышать. Надеюсь, казнить пленников у вас тоже не принято? Как-то, знаете, хочется ещё пожить.

— Ни казнить, ни продавать в рабство, — ответил за мандалорианку офицер. — Прошу простить, мэм Даала, у меня приказ доставить арестованного в каюту.

— Выполняйте, — кивнула та.

Взаперти его продержали почти двое суток. Еду младшему лейтенанту носили две вооружённые бластерами девицы в форменных комбинезонах. Одна, более изящная, с голубой кожей, стояла в дверях, вторая, мускулистая спортсменка, мелированные волосы которой были стянуты на затылке плотным пучком, ставила на стол поднос. На попытки заговорить с ними девицы не велись, лишь один раз, выходя, перекинулись между собой парой слов, явно чтобы он слышал.

— Думает, что неотразим, — сказала спортсменка.

— Бедняга, — сочувственно вздохнула вторая.

Младший лейтенант сделал вид, что это не про него, и на следующий раз всё так же улыбался и пытался завязать разговор. Уж удары он держать умел о-го-го, и физические, и моральные.

Заключение окончилось неожиданно. Открылась дверь, вошли солдаты и незнакомый офицер. По длинным безлюдным коридорам его привели в небольшой кабинет, где за столом сидела красивая женщина в форме. Она посмотрела на младшего лейтенанта добрым взглядом профессионального контрразведчика, и пилот подумал, что вот сейчас-то он все военные тайны и выдаст. Женщина была зелтроном, а они чувствуют неправду куда лучше всяческих детекторов. Будешь долго вилять и запираться – вколют химии, и скажи спасибо, если не очнёшься дураком, чего младший лейтенант не хотел категорически. Невзирая на серьёзность момента, младший лейтенант не мог не отметить, что женщина весьма красива. А волосы такой длины и ухоженности он вообще как-то считал атрибутом актрис Голонета и избалованных аристократок, а не сотрудниц космических служб. Во всяком случае, распущенными свои гривы дамочки в космосе носили крайне редко.

— Присаживайтесь, — произнесла женщина. — Ваше имя, чин и место службы?

— Соло. Хан Соло. Младший лейтенант. Патрульный корвет «Секвенция» 32-й эскадры флота Галактической империи, авиазвено.

Зелтронка кивнула. И продолжала, не отрывая взгляда:

— Хотелось бы задать Вам всего один вопрос, лейтенант Соло. Но… не стану. Вы ведь и сами не знаете на него ответа.

— Почему капитан Бероун сразу атаковал ваш конвой? — озвучил незаданный вопрос Соло.

— Точно, — она снова кивнула. — Это ведь противоречит стандартной процедуре.

— И рад бы Вам помочь, но… — младший лейтенант сделал точно такую же паузу, как собеседница, развёл руками. — Меня ведь и на борту-то не было, я космос сверлил. Могу лишь пуститься в предположения.

— Давайте попробуем, — чуть улыбнулась зелтронка.

— Возможно, с корабля заметили ваш истребительный эскорт?

— Исключено. Истребители стартовали после ракетного залпа с корвета.

— В таком случае, остаётся самый неприятный вывод: предварительные разведданные. Иными словами, в вашей повстанческой организации завёлся «крот».

— У нас **коммерческая** организация, — поправила зелтронка. — Причём, абсолютно легальная. А ваш корвет, получается, совершил на нас пиратское нападение.

— Хо-хо, кем я только не был за свою бурную юность, а вот пиратом становлюсь впервые, — Соло по привычке старался говорить весело, но кого он тут пытался обмануть? Природную эмпатку?

— О, лично Вы всего лишь выполняли приказ, — успокоительно сказала зелтронка. — И к Вам у нас претензий никаких.

— Гораздо важнее, есть ли претензии у меня самого, — ответил он. — Когда до армии я работал на Илезии, я тоже всего лишь возил грузы, но это не значило, что я не понимал, в какой навоз вляпался.

— Вы работали на Илезии? Пилотом? — оживилась собеседница.

— Да, довелось.

— Одну минуту, — зелтронка положила руки на сенсорный экран, вмонтированный в стол, и быстро набрала сообщение. Видимо, получив ответ, удовлетворённо кивнула. И неожиданно спросила: — Что Вы знаете о Дзигало?

— Дзигало? — младший лейтенант поскрёб в затылке. — Планетка в секторе Уайл, ничего примечательного, кроме буйной атмосферы, как и на Илезии.

— А могли бы Вы совершить посадку на эту планету?

— Имеется в виду, без приводных маяков и не угробив при этом корабль? Вполне. Но, откровенно говоря, летать туда постоянно я бы не согласился ни за какие деньги. Хватит с меня илезианских циклонов.

Обратно в каюту его сопровождал всего один солдат, и то, скорее, не конвоировал, а провожал, чтобы младший лейтенант не вздумал шататься по всему кораблю. Соло был в раздумьях. Глубоких. Розовокожая коммерческая дамочка сделала ему весьма заманчивое предложение. Слетать на означенную Дзигало и привезти оттуда лабораторное оборудование одного профессора. После чего его ждали девять тысяч кредитов (счёт в банке Кореллии на предъявителя) и убедительная отмазка для командования. Он прикинул в уме цену вопроса. Получалось, что за пять-семь дней работы он получит вдвое больше, чем платили ему в месяц тланда-тили на Илезии. Это если считать с премиальными, которых он, кстати, тогда так и не получил. Ничего так халтурка, в общем. Альтернатива вдохновляла куда меньше. Зелтронка

не преминула сказать, что благотворительностью они не занимаются, и, если младший лейтенант не согласен – вольному воля, однако, и возиться с ним никто не будет. Высадят в ближайшем теневом порту, и объясняйся с начальством, как сумеешь. А в этом случае лучше уж сразу податься в бега, в трибунале шутить не любят, попасть за измену присяге на виселицу очень даже недолго. Соло, конечно, постарался сохранить лицо и попросил время на раздумье, хотя уже понимал, что согласится. Но не раньше чем через пару часов, когда конвой причалит к базе.

Единственное, что он не мог взять в толк, это почему фирма ухватилась за него, Соло? Своих высококлассных пилотов нет? Ну, так можно же легально нанять кого-то, предложений полна Галактика, есть из чего выбрать. Нашлись бы, наверняка, и не хуже Соло. Всё, что он смог надумать – ребятки сильно не хотят афишировать свой интерес к Дзигало и не больше того желают, чтобы полёт на неё вскрылся впоследствии. А в данном случае гарантии у них железобетонные. Наёмный пилот, сколько ни заплати ему за молчание, может и проболтаться случайно кому-то в кантине за кружечкой крепкого. То ли дело младший лейтенант имперского флота. У него от молчаливости сильно зависит не то что карьера, а здоровье и сама жизнь. Сболтни лишнее, и командование обязательно спросит: а какого ж ты, поганец, вместо несения службы Императору вкалывал «налево»? Ну-ка, где у нас заседает ближайший трибунал?

Детали предстоящего не вполне законного для офицера, но очень выгодного контракта с ним обсуждало другое официальное лицо – вронианец или панторанец, кто их тут разберёт. Он был довольно представительного вида, в возрасте и слегка расплывшийся в толщину, с благородной сединой в тёмно-бордовых волосах и густыми усами. Имени своего мужчина не назвал,

предложил величать его «господин Исполнительный Директор». Администратором господин Исполнительный был, по всей видимости, неплохим, сразу взял нерфа за рога и спросил, какой корабль Соло предпочитает для этой работёнки.

— А что у вас есть? — вежливо ответил вопросом на вопрос младший лейтенант.

— Наши возможности довольно широки, — сказал Исполнительный Директор. — Есть корабли постройки Куат, Лоронар, кореллианские…

— Так, кореллианские поподробнее, если можно.

— Прошу, — Исполнительный Директор произвёл быстрые манипуляции на датападе и протянул Соло. Список был длинный, на весь экран.

— Вот этот меня устроит, я думаю, — Соло ткнул в одну из строчек – недавно выпущенный «потребительский» вариант знаменитого YT-1300. Младший лейтенант много чего лестного слышал об этой серии и всегда хотел испытать, так ли уж она лучше, чем знакомая ему модель «пять четвертей».

— Сразу видно специалиста, — кивнул Исполнительный Директор.

— Сколько пассажиров? — деловито спросил Соло.

— Пассажиров как таковых не будет, — взгляд мужчины стал хитровато-весёлым, — но, чтобы не отправлять Вас на столь сложное задание в одиночку, с Вами полетит Хонс.

— Э-э… Хонс это мужчина или женщина?

— Леди Хонс.

Ага, значит, Соло не ошибся. О наёмнице с такой кличкой он слыхал не меньше, чем о кораблях 1300-й серии. Слыхал разное. Кто-то говорил, что она полная отморозь, кто-то – что наёмница с принципами, вроде мандалоров, только на свой лад. Лучше бы, конечно, второе, принципиальных младший лейтенант любил

больше, с ними легче найти общий язык, чем со стукнутыми на всю голову.

Хонс на вид оказалась вовсе не такой страшной, как о ней говорили. Ну, не в смысле некрасивой – о её внешности рассказчики как-то не упоминали вовсе – а не такой крутой, что ли. Высокая, хотя и не каланча, скорее, изящная, чем мускулистая, с неплохой фигурой, и ладно сидящий пятнистый комбинезон этот факт подчёркивал. Соло подумал, что прозвище её, скорее всего, происходит от старинного слова, обозначающего «рог». Рога у неё, и правда, имелись, да ещё какие: не голые костяные, как у большинства гуманоидов, у кого они вообще растут, а обтянутые кожистыми чехлами в сине-белую полоску, как и свисающие с висков хвостики-лекки. Раньше Хан имел дело с тогрутами всего один раз, в период занятий «карманной тягой» – давно, ещё по малолетке. Тогда он подрезал поясной кошель у молоденькой девицы этой расы. Кто ж знал, что она студентка, и там вся её стипендия и новенький комлинк, присланный папашей в подарок? Девица подняла визг, прибежали её одногруппники общим числом три человека и два нечеловека, и устроили на Хана настоящую облаву. Короче, с Паквалиса им тогда пришлось срочно рвать когти. Младший лейтенант до сих пор с неудовольствием вспоминал тот случай: ограбить студента это всё равно, что у нищего котомку спереть.

— Чего стоим, кого ждём? — поинтересовалась тогрута, устраиваясь в правом пилотском кресле. — Катапульты в ангаре не предусмотрено.

— Не стоим, уже летим, — покладисто отозвался Соло, отрывая корабль, носивший название «Ропал», от палубы транспорта и тут же перебрасывая тумблер посадочных опор в положение «убрано». Итак, что мы имеем? Система Убы. Чудесненько. «Коммерческая организация» была предусмотрительна и выгрузила их в открытом космосе,

да ещё и после гиперпрыжка, чтобы не раскрывать местоположение своей базы.

— Курс на Атчорб, — распорядилась Хонс.

— Э-э… Прошу меня простить, но это несколько не в ту степь, — сказал Соло. — До сектора Уайл лучше всего добираться через систему Маллордиан.

— У нас там будет небольшое дельце в филиале корпорации «Макрокод».

— И, подозреваю, встретят нас там с распростёртыми объятиями? Послушайте, милая, мне не говорили, что придётся лезть в задницу к Синему Быку!

— Ну, кому «милая», а кому и когда как, — огрызнулась тогрута. И добавила более миролюбиво: — Нам нужна информация, лейтенант. Не обшаривать же эту хаттову Дзигало квадрат за квадратом в поисках лаборатории?

— Секунду, барышня, у нас, что, нет её точного местоположения?

— У нас есть проверенная информация, что в департаменте криптографии «Макрокода» пытаются расколоть личный кристалл сотрудника лаборатории. А там координаты точно были.

— Дайте угадаю: ключ к шифру у вас имеется?

— Не у меня, у нашего системного администратора. Переправим данные ему и получим координаты.

— Ну, хоть так.

Департамент криптографии не зря носил такое громкое название. Ещё подлетая к космопорту, они увидели над городом три внушительных размеров небоскрёба. Хонс указала на один из них и пояснила, что шифровальщики занимают там нижние сорок этажей.

— Надеюсь, Вас снабдили планом здания? — спросил Соло.

— Нет, но приблизительно объяснили, как добраться до серверного узла.

— Приблизительно?? *Любимцы Ксендора!*

— Не волнуйтесь, я знаю, что я делаю.

Нехорошее предчувствие не обмануло младшего лейтенанта. Едва они приземлились и перевели в местный банк полагающуюся сумму за стоянку в течение суток, тогрута, как нечто само собой разумеющееся, предложила Соло собираться в рейд.

— Дождёмся ночи и проникнем в башню, — заявила она.

— Послушайте, Хонс, я ведь по чужим небоскрёбам лазить не подряжался! — возмутился он. — Я пилот, а не коммандо.

— Да неужели? — прищурилась она. — Напомнить, как вы на Илезии разнесли целую фабрику по производству наркоты? А было вас – ты, наёмник-тогорянин и женщина, Брия Тарен, если мне не изменяет память.

Младший лейтенант кашлянул. Вот хатт побери, откуда они об этом-то узнали? На Илезии Хан Соло выступал под совершенно другим именем. Нехило у них разведочка работает, что твоя имперская. А наёмница продолжала:

— Нет, можешь остаться и на корабле, не вопрос. Уходя, включу тебе систему защиты, и сиди. Попробуешь запустить двигатели – на ёмкостях с энергоносителем взорвутся термитные заряды. Откроешь люк – то же самое. В сапёра ты, надеюсь, играть не любишь?

— Ладно, ладно, понял, был неправ, вспылил, — примирительно сказал Соло. Сидеть на пороховой бочке ему совсем не улыбалось. Ведь если эту Хонс повяжут или прикончат, он покойник без вариантов.

— Ну, так готовься к выходу! В электронике хорошо разбираешься?

— Был лучшим на курсе, — чуть преувеличив, сказал он. — Не хотел бы так сильно стать пилотом, наверное, пошёл бы в хакеры.

— Превосходно. Значит, с замками будешь иметь дело ты. Вот универсальный инструмент, — и вручила ему разрядник, каким на малой мощности отбиваются от агрессивных животных, а на большой – выжигают электронные замки и сигнализации.

— Бластер хоть дайте, что ли.

— Бери, — Хонс мазнула пальцем по кодовому замку чёрного дюрастилового контейнера с оружием. — И маску дыхательную не забудь. Если в здании люди, придётся их усыплять.

Сама она повесила на пояс не бластер, а мореллийский пулевой пистолет, оружие архаичное, но не менее эффективное, чем жуткие *верпы* из системы Роче. Пуля его была диаметром с винную пробку, и большинство силовых щитов персонального класса от него не спасало, так же, как броня имперских штурмовиков, хотя пропаганда об этом предпочитала умалчивать.

Ночь висела над городом-портом Сачфа лёгким прозрачным покрывалом. Верхние этажи домов были ярко расцвечены весёлыми огнями реклам, там же в высоте проносились летательные аппараты, а внизу царила темнота. В отличие от собственно порта, магазины, магазинчики, лавки и лавчонки в цокольных этажах деловой части города работали преимущественно днём. Сейчас клиентуры не было, массивные щиты закрывали витрины, не светились голографические вывески, и редкие фонари не могли рассеять мрак. Растущие между пешеходными дорожками причудливые деревья угадывались, как застывшие изваяния каких-нибудь чудищ или сами чудища, окаменевшие после заката. Хан Соло подумал, что в такое время здесь даже грабителей, наверное, нет, кого тут грабить-то? Впереди на очередном перекрёстке, пыхтя вакуум-насосом и побрякивая разболтанными деталями, неторопливо прополз механический уборщик, и всё опять стихло. Здание

«Макрокода» отыскалось легко: две громадные стелы-вывески высились по бокам короткой лестницы, ведущей ко входу. В каждой из них плавало изображение галактической спирали, вокруг которой медленно поворачивалась распахнутая старинная двустворчатая дверь, являющаяся атрибутом всех корпоративных эмблем компании.

— Не туда, ваша милость, — ехидно одёрнула младшего лейтенанта Хонс, когда тот направился было к лестнице. — Извольте со служебного входа.

Тьфу, повёл себя, как болван! На этой площади они словно голые, любой полицейский патруль с усилителями изображения заметит за километр. Служебный вход для тайного проникновения подходил гораздо больше. Ряд прозрачных раздвижных дверей, штук, наверное, двадцать, чтобы не создавать толпы, выходил на боковой проезд и был перекрыт прозрачным навесом. Одна сторона широким языком уводила к площадке, где мерцали посадочные знаки для спидеров, другая прямиком шла ко входу в станцию *маглева*.

— Как вскрывать будем? — поинтересовался младший лейтенант. — Щитов нет, а сигнализация точно имеется.

— Погоди, — тогрута повернулась ко входу, чуть наклонила голову и замерла, будто прислушиваясь к чему-то. Через несколько секунд сообщила: — В здании никого нет. Живых, во всяком случае.

— То есть, на нас в худшем случае могут напасть ходячие мертвецы? — уточнил Соло.

— В лучшем, — совершенно серьёзным тоном отозвалась тогрута. — Худшим будут боевые дройды. Не путайся под ногами, лейтенант.

Она приложила руку к одной из прозрачных стен между двумя парами дверей. Кажется, в ладони её был какой-то хитроумный приборчик, потому что стена вдруг бесшумно вздрогнула… и рассыпалась мелким крошевом

осколков. А датчики сигнализации остались висеть в углах на неповреждённых участках. И не сработали. Во всяком случае, шума и трезвона в здании не поднялось. Тем же манером Хонс вскрыла вторую и третью стену. И, не мешкая больше ни секунды, рванула вперёд. Соло едва поспевал за этой длинноногой бестией. Похоже, план здания ей, всё же известен. Несколько раз на перекрёстках коридоров тогрута тормозила, опять будто прислушивалась и снова уверенно бежала вперёд. Они преодолели несколько лестниц, поднимаясь по каждой на один-два уровня, а затем без видимой причины переходили по коридорам на другую.

— Лабиринт какой-то, — запыхавшись, прошептал младший лейтенант при очередной остановке.

— Можно было пойти прямо, — отозвалась наёмница. — И попасться на первом же охранном датчике. Хорошо, что они тут такие скупердяи и не перекрыли всё сплошняком.

До самого последнего момента Соло не был уверен, правильно ли они идут. Но, увидев в тупиковом коридоре дройда-охранника, сомневаться перестал. Возможно, «Макрокод» и ограничился минимумом датчиков по зданию, зато ключевые места усилил максимально. Старый дройд-телохранитель 86-й серии в Империи был разрешён к применению в службах безопасности компаний. Он был достаточно интеллектуален, чтобы не только «не пущать никого и ничего», но и проверять пропуска и вести сложные диалоги с посетителями.

— Предъявите ваши ночные допуска, будьте добры, — проскрипел он.

— Да-да, приятель, конечно! — сказал Хан, засовывая руку в один нагрудный карман куртки, в другой. — Да где же он?

Ещё пара шагов, и дройда можно будет успокоить разрядником. Ш-шарк! Полыхнуло пламя, и дройд

прекратил существование. И это был не выстрел из бластера. Тело дройда было не сожжено, а разрублено практически на равные половины от макушки до основания корпуса. Младший лейтенант по праву гордился своей молниеносной реакцией: все призы за скоростную стрельбу в Академии доставались ему. Тем не менее, даже он едва успел различить стремительно мелькнувшую наискось спицу золотистого огня.

— Куда ты лез? — прошипела тогрута. — Ждал, пока он подаст сигнал тревоги? Сказала же, не путайся под ногами.

— Опасная у Вас игрушка… леди, — он впервые назвал её так, и наёмница беззвучно хмыкнула.

— Вторая ещё опаснее, — заверила она. — Где твой разрядник? Выжигай замок.

Сама она задержалась лишь на мгновение, прикрепив к останкам дройда две небольшие капсулы. Тотчас от них по металлу потекли не то ручейки сероватой жидкости, не то струйки дыма. Саранча, жуткое изобретение учёных-микронщиков! Крошечные роботы разлагали большинство сплавов, из которых делались современные машины, превращая дюрастил и медь в ржавый окисел, алюминий – в мелкодисперсную пыль. А после выполнения задачи сгорали сами, их тела состояли преимущественно из магния. Жертва, неспособная защититься, была обречена. Некоторые, самые совершенные штаммы могли размножаться, поедая огромные конструкции. Хорошо ещё, что защита от саранчи была совсем несложной – электромагнитный импульс средней силы или разряд шокера легко выводили их из строя.

— Впечатляет, — сказал младший лейтенант. — В Академии хранилище в несколько раз меньше.

Длинный зал был разделён стеклянными перегородками на узкий проход по центру и два помещения у стен. Вдоль них и тянулись ряды

накопительных стоек, в каждой, если он правильно помнил, по сотне кристаллов памяти большого объёма управляющие схемы и контрольные индикаторы. А вот, похоже, и инженерный терминал. Он должен быть подключён к хранилищу напрямую, чтобы можно было обслуживать его при отключённом *нете*. Соло достаточно разбирался в компьютерах, чтобы понимать, зачем они пришли именно сюда, а не воспользовались любым терминалом в кабинетах. За сетью следят серверы, вернее, запущенные на них программы безопасности, подобрать пароль или запустить «червяка» не позволят. А Хонс именно это, кажется, и делала. Вставила накопитель и стала ждать. Неожиданно индикаторы на стойках замерцали и стали один за другим гаснуть, словно ветром задутые.

— Ты… ты что наделала?? — вытаращился Соло на тогруту. — Ты сейчас всё постираешь к хаттам!!

— Остынь. Идёт обычный перезапуск, — спокойно ответила она. — Главное, не упустить момент.

И точно, по стойкам всего лишь бежала тёмная полоса, там, где она прошла, сигнальные огни загорались вновь. Но тогруту это не беспокоило. Она пристально смотрела на терминал. И в какой-то момент резко дёрнула из порта накопитель. Экран стал фиолетовым. Системная ошибка! Под текстом, объясняющим, что именно посыпалось, появилась сетка клавиатуры.

— А теперь вот так… — улыбнулась Хонс, нажимая комбинацию из четырёх клавиш. — И запускаем оболочку.

Что она делала дальше, младший лейтенант понимал прекрасно, сам сколько раз проделывал в компьютерном классе. Поиск информации. Тогрута вводила ключевые слова, пролистывала списки. Недовольно морщилась: не то.

— Не находит? — спросил он.

— Нет. Видно, заголовки такого рода они как-то кодируют. Ну, ладно. Попробуем вот так…

— Оно?

— Да. Копирую.

— А почему ж ты сразу этого не сделала???

Тогрута посмотрела на Соло. Очень выразительно. Ну и глаза! Как двуствольный бластер. А бывают вообще двуствольные бластеры? Соло не был уверен, единственное, что он знал – спорить с обладательницей этого взгляда ему расхотелось напрочь.

— Я только что спалила наше доверенное лицо, — медленно сказала она. — Теперь ей придётся бежать из компании. Не факт, что успеет. Да и мы тоже. Всё, бежим!

Палить в них начали сразу, как только они завернули за угол. Не тратя время на слова, Хонс сделала подсечку, и Хан, грохнувшись на бок, проехал на штанах и куртке поперёк смертельно опасного коридора за другой угол. Какой здесь, однако, скользкий пол, он сразу и не заметил! Наёмница метнулась следом, на ходу отмахнувшись огненным клинком раз, другой. И выстрелы из бластера, отразившись от пылающего лезвия, умчались обратно к тем, кто их выпустил. Вдали что-то солидно грохнуло и затрещало. Другой рукой Хонс сорвала с подвески пистолет и в последний миг перед тем, как скрыться за углом, дважды выстрелила по преследователям. Сунула оружие на место. В руках её появился цилиндрический предмет. Щелчок, тонкое не то жужжание, не то шипение электростатического моторчика принудительной продувки, и из цилиндра ударила струя угольно-чёрного дыма. Ого, нестандарт, армейские дымзаряды раза в два покрупнее будут.

Дальше было не до охранных датчиков. Выскочив на лестницу, они понеслись вниз, затем наёмница толкнула младшего лейтенанта в дверь на очередной этаж. Дверь

оказалась запертой, сработала система безопасности. А шокер на что?

— В конце коридора окно, — на бегу говорила Хонс. — Разобью – прыгай. Там метра два вниз, и крыша.

Соло не поверил своим глазам. Окно из прочнейшего транспаристила наёмница выбила просто ударом кулака! Впрочем, удивляться было некогда: в следующую секунду они летели вниз с высоты не двух, а целых четырёх метров. Хорошо, что такие прыжки были Хану не в диковинку: доводилось заниматься этим спортом в детстве, удирая от копов. Бег по крышам закончился на соседней улице. Хонс просто сиганула с края вниз, а младший лейтенант, прикинув высоту, предпочёл сделать пару лишних движений: повис на руках, а потом уж спрыгнул. Не хватало ещё переломать ноги на финишной прямой!

А в пустынном зале космопорта их ждал сюрприз. Неприятный, конечно. Хонс ненадолго задержалась возле общественного терминала на подземном уровне, чтобы отправить «доверенному лицу» условный сигнал тревоги, и они уже направлялись к лётному полю, как вдруг обнаружили, что у выхода дежурят трое полицейских в тяжёлой амуниции.

— Похоже, придётся прорываться, — мрачно сказал младший лейтенант. Убивать или калечить копов не хотелось, они же не виноваты, что работа такая. А в данном случае они вообще не при делах.

— Не надо прорываться, — отозвалась тогрута. — Пройдём как по маслу. Держись за мной.

И направилась прямо к полицейским.

— Мэм, предъявите… — начал старший патруля.

— Я Навь, Рука лорда Вейдера, — низким гулким голосом произнесла наёмница. — Мне и пилоту нужно на поле. Мы улетаем.

— Вы улетаете, — повторил полицейский. — Проходите, леди.

К тому моменту, как из дверей здания порта высыпало полицейское подкрепление, их корабль уже был в воздухе. На низкой орбите их попытались перехватить, но как-то без энтузиазма. Пара стареньких, хотя и существенно модернизированных перехватчиков «Торрент» вышла на пересекающийся курс и открыла огонь с дальней дистанции.

— Маневрируй, — сказала тогрута и бросилась в глубину корабля, к пушечной турели. После первых же ответных выстрелов «торренты» начали отставать, выходя из зоны поражения, и выпустили по «Ропалу» четыре ракеты. Младший лейтенант тут же остановил маршевый двигатель и быстрым кувырком развернулся навстречу опасности. Дружный огонь турели и носовых пушек быстро оставил от ракет рожки да ножки. Новый переворот – а эта птичка изумительно слушается управления! – и снова полная тяга. Больше их не беспокоили.

— Значит, Навь, Рука лорда Вейдера? — спросил Соло, когда звёзды, растянувшись в линии, слились в серую муть гиперпространства.

— Неплохо получилось, правда? — невинно улыбнулась Хонс, вновь занимая своё место в рубке. — Мне с детства говорят, что у меня прекрасные актёрские данные.

Хан ухмыльнулся. Он считался неплохим игроком в сабакк и знал, что такое хорошо преподнесённый блеф. Главное, правильно оценить клиента. Вон как подействовали на ленивых портовых копов слова «Рука Императора»! Ну, и он, Соло, тоже не сплоховал, ещё перед посадкой озаботился занять стоянку поближе к зданию. Да, такие места недёшевы, но своя шкура дороже.

Сообщение «из Центра» они получили по выходе на досветовую скорость.

— Вот и координаты, — сказала тогрута. — Так, и он пишет, в записях есть пометки. «Остерегайтесь туманов», «Только маневровые», «Грозозащита».

— Непонятно, — Соло потёр подбородок. — Спросить бы у него самого.

— С духами общаться не умею, — развела руками Хонс. — По нашим данным, он умер в шахтах Кесселя два года назад.

— В любом случае, маневровых у нас нет, у нас управляемый вектор тяги.

— Что ж, за неимением гербовой пишем на простой, — выдала непонятную фразу наёмница.

Карта Дзигало в компьютере корабля имелась. Нормальная карта, обычно приходится довольствоваться меньшим. Во всяком случае, навигационный компьютер легко нашёл ориентиры и привязал к ним координатную сетку. Ландшафт планеты можно было назвать «среднегористым»: небольшие равнины чередовались с горными поднятиями, от которых во все стороны разбегались прорезанные реками ущелья. Океан здесь тоже был, и приличных размеров, почти в четверть поверхности, разлапистой кляксой растёкшийся возле одного из полюсов.

— Странно, — Хонс задумчиво теребила головной хвостик. — Координаты указывают вот на эту лощину. Чушь какая-то.

— Почему? — спросил младший лейтенант.

— Она же сплошь затянута туманом!

— И что тебя смущает?

— Профессор строил установку на **солнечной энергии**! Не кажется тебе, что здесь не больно-то подходящее для неё место?

— Туман может быть не постоянным.

— Ох, сомневаюсь. Смотри, сейчас середина дня, а он висит, и рассеиваться не собирается.

— Чего гадать, надо садиться.

— Надо.

— Пристегнись, сейчас будет весело.

Уже в стратосфере дал о себе знать мощный ветер, дующий от экватора к полюсу. А в нижних слоях началась настоящая свистопляска. Поверхность нагревалась звездой неравномерно, воздушные потоки отклонялись и завихрялись горными массивами, и корабль швыряло, словно пустую банку в канализации. Соло не позволял себе расслабиться ни на миг, погружал «Ропал» всё глубже, стараясь, чтобы тащило их приблизительно в нужном направлении. Как и на Илезии, самым паскудным было то, что невозможно предсказать, куда направлен ветер в следующем по счёту из бессчётного числа воздушных слоёв. Часто приходилось подпрыгивать, уходя в верхние, уже известные течения, но и они преподносили нежданчики, меняя направление как заколдованные. Уже несколько раз корабль проносился над нужной котловиной, а потом ветры опять выбрасывали его в сторону, за один из окружающих хребтов, не давая возможности снизиться. Младший лейтенант был очень благодарен своей спутнице, что она помалкивала и не лезла с умными советами. Ну, ещё немного, ещё самую малость… И вдруг болтанка кончилась. «Ропал» оказался в спокойном воздухе над котловиной, прикрытый от господствующего ветра горной цепью.

Соло победно посмотрел на тогруту:

— Как снижение?

— Двенадцать баллов из десяти возможных, — похвалила наёмница. — Остаётся совершить посадку. А радар сквозь этот туман не берёт, я уже пыталась.

— Что говорит карта?

— Приблизительные высоты, с точностью до сотни метров.

— Понятно. Ладно, опустимся ещё.

Он хотел аккуратно войти в туман и чуть-чуть углубиться, пока будет различимо светило в небе – может, радар, всё же, схватит какой-нибудь элемент рельефа? Однако, у тумана на этот счёт было собственное мнение, и высказал он его чётко и недвусмысленно. Стоило «Ропалу» приблизиться к мглистому слою, как из него снизу вверх в днище корабля хлестнула молния. Системы управления поперхнулись, внешние сенсоры показали какую-то несусветную чушь, и корабль опасно просел.

— Горотский дьявол! — Соло «хватил на себя», задирая нос корабля, и до упора толкнул рукоятку маршевого двигателя.

Бах! Бабах! Щёлк! Тррр… Сразу несколько новых молний, сильнее предыдущих, впились в днище и корму. В кабине завоняло жжёным пластиком. Из электронных систем, кажется, работала только пожарная система, диким визгом сообщавшая о многочисленных возгораниях.

— Заткнись! — прорычал Соло, грохнув кулаком по приборной панели. Надёжные гидравлические приводы позволили ему не потерять контроль над кораблём, и теперь они мчались в спасительную высоту, подальше от тумана. И тут новый удар! На этот раз мягкий, словно в борт впечатался мешок с песком. Резким рывком рукояток управления младший лейтенант остановил кувыркание и выругался ещё раз: ему казалось, что он привёл корабль к горизонту, на самом же деле они оказались вверх тормашками! Торопливо, пока ураганный ветер опять не отнёс их хатт знает куда, Соло сбросил высоту и только тогда вернул «Ропал» в нормальное положение. Противопожарная система уже не вопила и не мигала тревожными огнями – автоматике удалось ликвидировать

очаги горения. Одна за другой оживали дублирующие системы. Ну, можно считать, обошлось.

Переведя дух, младший лейтенант повёл корабль над котловиной на приличном расстоянии от границы опасного тумана. Теперь он, кажется, понимал, о чём, пусть неграмотно, предупреждал в записках ассистент. До изобретения «двустволки» ионные двигатели были очень громоздки, и в качестве маневровых при них ставили плазменные. Те менее эффективны, требуют больше энергии, но имеют одно второстепенное свойство, о котором не все помнят: они не дают статического заряда на корпус корабля. У «Ропала» привод комбинированный: горячая плазма – она ведь тоже ионизирована – доразгоняется электрическим полем в предсопловой камере. И он, Соло, как глупая банта, сам притянул к кораблю молнии, когда врубил форсаж.

— Похоже, с включённым двигателем нам к этому туману подходить противопоказано, — подала голос наёмница.

— Я, собственно, могу спускаться и без двигателя, на одних репульсорах, — задумчиво сказал Соло.

— Да-да, пока не напоремся брюхом на скалу. Твой соотечественник Кейран Килиан любит говорить: «При плохой видимости нельзя искать поверхность. А то можно и найти».

— Вот сам бы и летел, если такой умный!

— Сложные планеты не его конёк. Он больше по астероидным поясам специалист.

— Да слышал я об этом Килиане, — отмахнулся Соло, — знаю, что он не планетчик. Вообще, где-то в чём-то он и прав.

— Послушай. А что, если сесть где-нибудь в горах? Выше тумана? Я прогуляюсь до лаборатории, установлю маяки, найдём окно прозрачности, тогда и на репульсорах можно будет спуститься.

— Другого выхода не вижу, — согласился он.

Интересная, всё-таки, штука жизнь. Только подумал, что на этой планете, хотя бы нет гроз, как получил по заднице молнией. Только сказал, что нет другого выхода, как вот он, наклёвывается. Ближе к скалам плотный туман начал редеть, и сквозь него проступили очертания деревьев внизу.

— Сдаётся мне, этот лес не самое приятное место для прогулок, — заметил он. — Поэтому мы лучше полетаем.

— Что ты делаешь?? — воскликнула наёмница, когда они пронеслись в паре метров от верхушек крайних деревьев.

— Свою работу, — отозвался он. — Кто-то умеет драться и выбивать головой окна, а я умею хорошо летать. И я тебя довезу к самому порогу, не будь я Хан Соло.

— Хорошо, хорошо.

Подлетая к заданным координатам, младший лейтенант сбавил скорость до пешеходной и включил посадочный свет.

— Любимцы Ксендора! Только не говори мне, что вот эта громадина и есть та самая установка, — обратился он к спутнице, указывая в направлении правого борта. — К нам она не влезет.

— Ха! Установка – вот там, сверху, а всё остальное – аэростат. Вот как он пользовался солнечной энергией! Поднимал её на тросе выше тумана!

— А как мы её достанем?

— Запросто. Пошли.

За бортом было промозгло и сыро, как в климатической камере во время испытаний на влагу. Комбинезон Соло сразу стал влажным и липким, будто в воздухе висел не туман, масляная эмульсия. Хонс решительно направилась к аэростату, вытащила огненный меч и быстрыми взмахами вспорола обшивку в нескольких местах.

— Эй, эй, ты что, очумела? — закричал младший лейтенант. — А вдруг там был бы водород?

— Это и есть водород, — невозмутимо пожала плечами тогрута. — Да не дёргайся, при таких условиях он не должен загореться.

— Уверена?

— Так нас учили по физике.

— Ах, ты ещё и физику учила??

— Я много чего учила. И не подначивай, а то и двинуть могу, не посмотрю, что ты такой пилот.

— Э-э… не кажется ли леди, что установку всё равно придётся как-то размонтировать? — максимально вежливо осведомился Соло. — Она по площади больше нашего корабля.

— Не разберём, так разрежем, — беспечно махнула рукой Хонс. — Ребята и Блика её снова соберут. А пока газ рассеется, давай-ка поглядим, не осталось ли каких-нибудь записей или мемокристаллов.

— Где?

— А вот там, — она посветила дуговым фонарём, и младший лейтенант увидел среди деревьев замаскированный сухими стволами купол быстросборного домика. Как только она его разглядела? В темноте видит, что ли?

Внутри продолговатого купола царила разруха и запустение. Всё здесь носило следы поспешного отлёта, почти бегства. Соло уже знал от Хонс, что произошло. Когда-то очень давно профессор-отшельник подхватил перемежающуюся лихорадку. Как известно, до конца её вылечить невозможно, эта пакость годами может не трогать человека, а потом ка-ак прихватит, чуть запоздаешь с лекарством, и заказывай надгробие. Приступы лихорадки можно задавить простеньким растительным препаратом, и рано или поздно она опять затихнет до поры до времени. Но если порошка нет,

средство не загнуться только одно – мощный антибиотик из армейской полевой аптечки и скорее в госпиталь, где ту же вытяжку коры «монашьего дерева» введут внутривенно. Четыре года назад обострение лихорадки у профессора затянулось, лекарство стало подходить к концу, и перепуганный ассистент-тионец, погрузив бесчувственного патрона в аварийную ракету, стартовал с планеты, бросив лагерь и опытную установку. Профессора спасти не успели, слишком слаб оказался гражданский антибиотик, которым его пытался поддержать ученик. А самим ассистентом занялась Имперская Безопасность, пытаясь выудить информацию о том, что же такое изобрели они на Дзигало. Но ничего не добилась: тионец уверял, что профессор мало во что его посвятил, и во время допросов с пристрастием тоже не сказал ничего нового. Итог известен – Кессель и скорая смерть на рудниках.

Приладив фонарь на плечевом ремне так, чтобы он смотрел в потолок, создавая освещённость за счёт отражения и рассеивания от светлой поверхности, Хонс осматривала столы, полки, ящики. Соло держал свой фонарь в руке, расфокусировав луч, так ему было привычнее. У учёных мужей имелось довольно много литературы, по большей части, в виде стандартных кристаллозаписей, хотя попадались и книги, отпечатанные на флимсипласте. Соло заглянул в одну из них, чтобы понять, какая-такая там информация, что её нельзя просмотреть на экране. Книга раскрылась, один из листов развернулся гармошкой. Схема. Довольно большая. Да, на экране такую целиком рассматривать неудобно, либо частями, либо получится слишком мелко. В Академии и штабах для таких вещей ставили большие голопроекторы, а тут особо не развернёшься. Или у них просто не было средств. Намётанный глаз младшего лейтенанта подмечал в этом доме странные признаки нищеты. Древний, как

мир, угольно-шихтовый фильтр для воды вместо ионного, химические светильники, какими бросили пользоваться, должно быть, и на самых захудалых планетках. По соседству с нормальными компьютерами и вполне продвинутыми лабораторными приборами это выглядело дико.

— Кристаллы с записями забрали с собой, — задумчиво говорила тогрута. — Вот тут и там тоже, видишь, пустые места. Но неужели они совсем ничего не писали на флимси? Учёные обычно доверяют листам больше, чем деке.

Младший лейтенант невольно усмехнулся. В Академии их приучали к правильным, казённым словам, как «датапад», например, но между собой многие всё равно говорили по-простому, как сейчас Хонс – «дека». И тут луч фонаря наткнулся на что-то бурое, бесформенное. Вот они, записи, точнее, то, что от них осталось. Рядом валялась горелка. Тионский ассистент был человеком аккуратным, и как ни торопился, а бумаги сжечь не забыл. Наёмница пошевелила носком ботинка сплавившуюся, обугленную массу и вздохнула:

— Ну, на нет и суда нет. Пойдём.

Вернувшись к установке, они приступили к изучению её на предмет разборки или, по выражению наёмницы, «как бы это половчее разломать». Здесь им в который раз повезло. Круглое двадцатиметрового радиуса поле приёмника излучения состояло из небольших, размером с рабочий столик в офицерской каюте, толстеньких панелей, соединённых замками, а в радиальном направлении ещё и патрубками для прохода жидкости или газа. И легко разнимались, когда знаешь, как. Они не знали, поэтому одну из панелей Соло сломал, но дальше пошло веселее. Панели складывали стопками и увязывали такелажной лентой. Стопки Хонс делала побольше, поскольку таскать их на себе не требовалось: в трюме дожидалась приказа

пара стандартных грузовых дройдов IW-37. Тогрута предложила сперва расчистить проход к центру установки, где возвышался в человеческий рост её главный агрегат. Взявшись за него вдвоём, дройды аккуратно потащили его к кораблю. Затем вернулись, подхватили по пачке элементов и так же неторопливо унесли.

— Что-то жрать охота, — пожаловался младший лейтенант. — Пусть пока таскают то, что связано, а мы перекусим, а?

— И куда в тебя столько лезет? — проворчала тогрута. — По-моему, не жевал ты только в гостях у «Макрокода», да сейчас, при посадке. Лопнешь же.

Она, конечно, преувеличивала. Младший лейтенант строго соблюдал режим питания и перекусывал лишь трижды в день: между завтраком и ланчем, ланчем и обедом, обедом и ужином. И в меру. Пяток крекеров с паштетом и банка тоника – разве это еда? Но он решил не обижаться и парировал:

— Древняя мудрость гласит, что солдату еда и сон всегда впрок.

— Ага-ага. У нас говорили иначе. Солдат всегда хочет три вещи: жрать, спать и…

— Не без этого, — хохотнул он.

— Последнее точно шиш тебе. У меня муж имеется.

— И кто у нас муж?

— Путешественник, — после секундной паузы ответила Хонс. И добавила: — Исследователь Неизвестных Территорий.

Заканчивали демонтаж после обеда. Соло чувствовал себя как выжатый фрукт, но старался не подавать вида. Не мог же он спасовать перед дамочкой! Впрочем, неутомимая Хонс тоже начала проявлять признаки усталости.

— Тебе не кажется, что стало темнее? — спросила она, закончив скреплять очередной пакет элементов.

— Да тут с самого начала было темно, как у корунная в… подвале, — отозвался младший лейтенант.

— И всё же, темнеет. Видимо, заходит местное светило. Надо поторопиться. Вяжем быстрее.

Далёкий протяжный рёв подтвердил справедливость её слов. Пусть день в долине под пологом тумана мало отличался от ночи, ночные хищники, похоже, предпочитали придерживаться суточного цикла. А твари, что охотятся ночью, как правило, бывают намного неприятнее дневных. Уо-о-о-о, вок-вок… Уо-о-о-о, вок-вок-вок… Кажется, неизвестное животное приближалось. Вдали ему откликнулось второе. Соло торопливо стянул лентой последнюю пачку элементов, снял с пояса фонарь и посветил в том направлении, откуда недавно слышался рёв. Вот оно. Тварь напоминала земноводное. Гладкая лоснящаяся кожа, покрытая желтоватым маслянистым налётом, уродливая голова без шеи, зато с огромным ртом, выпученные глаза. Размером тварь была с матёрого фермерского кабанчика, каких он видел однажды на Дарни.

— Что смотришь, уродина? — плавным движением вынимая бластер, произнёс он. — Нравлюсь? Поужинать мной хочешь?

— Стой! — удержала его тогрута. — Я разберусь. А ну, пошёл отсюда! Быстро!

Гигантская жаба издала утробное ворчание. Затем неуклюже повернулась, показав скрученный спиралью на спине тонкий хвост, и короткими бесшумными прыжками пошкандыбала прочь.

— Впечатляет, — уважительно сказал младший лейтенант. — Как это тебе удалось?

— Люблю животных. Потом, это же был самец, — пожала плечами Хонс.

Соло впервые в жизни не нашёлся, что ответить. А вскоре выяснилось, что жаба приходила поужинать вовсе

не ими, а деликатесом совсем другого рода. Висевшие на ветках деревьев продолговатые предметы, которые Соло в потёмках принял было за плоды, начали трескаться один за другим, и из них появились крупные, примерно с ладонь, светящиеся насекомые. Не светляки – у тех светится одно брюшко. Эти сияли целиком, мягким золотистым светом, как джоралланские опалы, когда на них попадает в полутёмной комнате солнечный луч. Голова, брюшко, усики, лапки и пара тоненьких нитей-хвостов, расположенных сзади, всё это выделялось на фоне тёмной коры деревьев, словно на бархате в ювелирном магазине. И сияние усиливалось, это постепенно расправлялись прозрачные крылья, освобождённые из-под твёрдой скорлупы. Насекомых становилось всё больше. Вот их уже десятки, а вот сотня или, может быть, две. На деревьях оставалось ещё очень много коконов, только они почему-то не спешили открываться. Видно, не пришло их время. Насекомые светились всё ярче, странным образом не освещая почти ничего вокруг. Внезапно одно из них взлетело, и секунды спустя в воздух поднялся весь рой. Из глубины леса к нему присоединились ещё несколько десятков порхающих огней, и начался брачный танец. Медленно взмахивающие эфемерные крылья рождали причудливые переливы света, а когда парочки сходились близко-близко в воздушном поцелуе, мерцание становилось хаотичнее, выбиваясь из общего ритма, будто золотистые летуны спешили поведать всем окружающим о своих чувствах друг к другу.

Это напоминало то огненные фонтаны и звёздочки фейерверков на праздновании, то мерцание далёких уличных фонарей сквозь листву парка, когда неощутимый ночной ветерок пробирается в ветках, то небо в дни падающих звёзд. То что-то ещё, памятное лишь смутно, возможно, со времён раннего, почти забытого детства. Уж

на что Соло считал себя человеком рано зачерствевшим и нечувствительным, а и он глядел на это действо, разинув варежку. Что творилось с тогрутой, трудно передать. Синие глаза распахнулись, словно два бездонных озера, тонкие брови, очерченные светлыми линиями поверх, приподнялись, губы сложились в мечтательную улыбку. И не стало сейчас в её лице ни ехидства, что он так часто видел за последние дни, ни напускной каменной строгости. Она была светла и прекрасна, как ангел небесный. Если, конечно, бывают ангелы с рожками.

Жаль, всё очень быстро кончилось. Несмотря на то, что светящиеся насекомые избегали яркого центра светового пятна, в котором лежал сдувшийся аэростат и остатки конструкции опытной установки, некоторые из них перелетали слабо освещённую дорожку к кораблю, уже изрядно натоптанную механическими грузчиками. На дройдов, как и на живых разумных, они не обращали ни малейшего внимания, всецело поглощённые друг другом. И в какой-то момент одно из них, пролетая, случайно коснулось длинными нитями хвоста аккумуляторного ящика за спиной «тридцать седьмого». Раздался очень знакомый щелчок. Трёхметровый дройд замер… и тяжело рухнул на землю грудой безжизненного металла.

— Ох ты, хаттово отродье! — воскликнула Хонс. — Они напичканы электричеством под завязку!

Выражение счастья и благодушия словно ветром смахнуло с её лица. Мгновение – и вместо романтической девушки рядом с Соло был собранный, готовый к любым неожиданностям боец.

— Ложись! — прошипела она.

Дважды упрашивать Соло не требовалось.

— Свет, — сказал он. — На яркий свет они не вылетают.

— Значит, нужно повернуть прожекторы. Спрячься за пачками, а я побегу к кораблю.

Наёмница вскочила и рванула в направлении трапа, так что ветер засвистел. Увернулась с дороги одного пролетающего насекомого, поднырнула под второе и, уже взбегая по пандусу, успела врезать по аварийной кнопке второго дройда, как раз выходившего из-за посадочной опоры. Тот остановился, медленно опустил манипулятор, опёршись им о землю, жёлтая подсветка его оптического сенсора погасла, затем начала медленное ленивое мигание, обозначая ждущий режим. Прожектора «Ропала», тем временем, задвигались, опасно сужая световое пятно вокруг младшего лейтенанта. Зато тропинка к кораблю осветилась так же ярко, как оставшиеся стопки ячеек.

— Пошевеливайся, Соло! Или ты там уснул с устатку? — крикнула тогрута.

— С этими жуками уснёшь, такую иллюминацию устроили! — проворчал младший лейтенант, быстро, но стараясь не потерять остатки достоинства, направляясь к «Ропалу».

— Проверь системы и готовься к отлёту, — распорядилась Хонс. — Я пока подберу оставшиеся связки.

— Не дури, оставь, второго грузчика угробишь.

— Спокойно. Я знаю, что я делаю. Зря мы их разбирали, что ли? И дройда надо вытащить, ребята его починят.

— Ну, ты и…

— Что-что?

— Хозяйственная, говорю.

Откинув панели фальшпола, младший лейтенант углубился в изучение систем. Повреждения оказались не слишком сильны, дублирующих контуров потребовался самый минимум. А вот это поддаётся быстрому ремонту. Выдернув сгоревший типовой элемент, Соло выбросил его наверх, вылез сам и нашёл в стенном шкафчике запасной. Вот этот ещё наверняка пригодится… Действительно, в

схеме оптоэлектронного увеличителя тоже выгорел входной каскад. На погрузочной платформе трюма залязгало и заскрежетало: это грузовой дройд втащил тушу погибшего товарища. Загудели приводы лифта. Похоже, она закончила. Ну, здесь тоже почти всё. Из любопытства Хан напоследок заглянул и в отсеки, где крепились ёмкости с энергоносителем для корабельных генераторов. Никаких термических зарядов там не было и в помине. Он уважительно покачал головой: леди Хонс блефовала ещё лучше, чем он предполагал, раз напугала даже его.

Тогрута всё ещё стояла на середине трапа, глядя на танец порхающих огоньков. Основные прожектора были погашены, и электрические насекомые вились в паре метров от «Ропала», отпугиваемые только лампами пандуса.

— И, всё-таки, до чего же они красивы… — девушка снова улыбнулась той мягкой мечтательной улыбкой, что так впечатлила недавно Хана.

Ровно и мощно задышали генераторы, слабое жужжание репульсорного привода передалось по корпусу корабля, и «Ропал» начал всплывать вверх, в полосу тумана. Как только очистился горизонт, и в небе проступили мерцающие точечки звёзд, Соло осторожно включил маршевый двигатель, не доводя ручку до деления, на котором активируется ионная камера, задрал нос корабля и начал набирать скорость. А вот сейчас, пожалуй, можно и форсаж! На околозвуковой скорости воздушные течения были уже не так страшны, а корабль поднимался всё выше и выше, в открытый космос.

— Куда прикажете теперь, миледи? — дурашливо спросил младший лейтенант. Многочасовое напряжение отпускало, и серьёзным быть не хотелось совершенно.

— Тьфу, всю дорогу *закудыкал*! – поморщилась Хонс. — Сектор Атривис, система Молток. Там нас будут ждать.

Их действительно ждали. Неподалёку от области перехода висел совсем небольшой – побольше их грузовика, но поменьше транспортов среднего класса – кораблик. Подлетая к нему, младший лейтенант дождался, пока индикатор оптических сенсоров из синего станет зелёным и включил увеличение. То, что он увидел, слегка его удивило. Серебристый кораблик вытянутой формой гранёного корпуса напоминал быстроходные курьеры. Строили его явно сиенские верфи и явно с оглядкой на современные военные технологии: ионизаторные панели точь-в-точь повторяли формой те, что устанавливаются на имперский истребитель-перехватчик. С другой стороны, светлая окраска, сверкающие чистым металлическим напылением пояски продольной и поперечной отделки создавали впечатление дамской безделушки, драгоценной брошки в виде корабля. Да это какая-то яхта, стилизованная под военный корабль! Правда, оборонительная турель у неё всё же имелась, в центре, за круглым блистером рубки. О, и внизу, в корме – ещё одна.

— Какие роскошные суда, оказывается, есть у вашей компании, — заметил младший лейтенант, покосившись на тогруту.

— Это не компании, это личная собственность. Сближаемся.

Решив блеснуть красивым манёвром, Соло направил «Ропал» впритирку к щегольскому кораблику. За семь секунд до встречи он повернул свой корабль вокруг вертикальной оси на манер волчка и дал короткий импульс маршевым, гася скорость. Пилот «щёголя» кореллианцем не был, тот бы хладнокровно остался на месте, давая маневрировать подходящему. Но он и не шарахнулся в сторону, как просчитал Соло, а вытворил совсем уж неожиданную вещь: отодвинулся. Да-да, ровно на три метра вверх, и опять завис. На пульте вспыхнул

голопроектор, отобразив фигуру темноволосой женщины в светлом комбинезоне.

— Пилот, Вы, что, обезумели? — возмущённо заговорила она, уперев руки в бока и сверля младшего лейтенанта выразительными карими глазами. — Вы мне весь корпус *покорябаете*!

Последнего слова кореллианец не понял и решил, что это какая-то крутая нецензурщина.

— Спокойно, дамочка, не надо выражаться! — ухмыльнулся Соло. — Я знаю, что я делаю.

— Что? — при этой немудрящей фразе с женщины почему-то разом слетел весь гнев. Она перевела взгляд на тогруту: — А вы сработались, я вижу. Оставайтесь на месте, буду подходить я.

Толчка от соприкосновения он не ощутил, как ни старался, просто вспыхнули лампы контакта стыковочного узла, затем герметичности. Кем бы ни была впечатлительная брюнетка, тонкое маневрирование у неё получалось виртуозно.

— Вот и всё, — сказала тогрута. — Твоя миссия окончена. Дальше «Ропал» поведёт постоянный экипаж.

— Жаль. Полюбилась мне эта скорлупка. Выйду в отставку – может быть, куплю себе такой же.

— Кстати, пока не забыла. Вот номер твоего счёта. Там **десять** тысяч, одна – от меня лично. Вряд ли без твоей помощи всё прошло бы так спокойно и гладко.

Для неё это «гладко»? Однако… Конечно, вслух Соло этого говорить не стал, сказал совсем другое:

— Благодарю. От честных денег я не отказываюсь никогда, — и, не удержавшись, добавил: — Видать, неплохо тебе платят твои наниматели, а?

— Наниматели? — переспросила Хонс и расхохоталась: — Нет-нет, я тут не на контракте. Видишь ли, когда моя подруга создавала эту контору, я добыла для

них кое-какое оборудование. И меня записали в учредители. Теперь я, вроде как, обязана…

— Ну, дивиденды с акций – это тоже неплохо.

— Да, на прожить хватает. Так, теперь слушай внимательно. Сейчас возьмёшь спасательную капсулу и полетишь вот на этот сигнал. Там твой истребитель. А скоро прилетят и твои спасители. За остальное можешь не переживать.

— Понял. Ну, может, ещё увидимся когда?

— Вряд ли. Высокой пустоты!

Менее чем через сутки корабль хвостатых космических бродяг *рин* вышел на досветовую скорость в системе Иридонии, где располагались флотские базы, и запросил транспорт для спасённого офицера и его истребителя. Рин объяснили, что подобрали пилота в космосе две недели назад. Что характерно, это ведь была чистая правда, за исключением одного – даты! Но и тут придраться было не к чему: при медлительном гиперприводе скитальцев они и должны были добраться сюда за девять-десять суток. Скоро регулярным рейсом младшего лейтенанта доставили в расположение родной эскадры. Олама, за тот случай получивший чин полного лейтенанта – вот что значит вовремя смыться! – долго тряс ему руку. Говорил, мол, да если бы не ты, да братан, да я за тебя всегда… Да-да, конечно-конечно. Командование, изучив сохранившиеся записи бортового самописца, по достоинству оценило поведение Хана Соло в бою. У него даже не стали вычитать из жалования за время отсутствия в строю, щедрость неслыханная. Командующий эскадрой адмирал Рэнд Телро лично пил с ним каф и сказал несколько похвальных слов, что младший лейтенант оценил по достоинству: адмирал был честный и добросовестный служака, его в эскадре весьма уважали, а одобрения от него добиться посчастливилось не каждому.

Перед самым возвращением младшего лейтенанта в академию на Карриде на базу прибыл напыщенный коррелианский чиновник, из той породы людей, что любят пространно порассуждать о «расе звездоплавателей» и «галактической значимости Кореллии», но сами летают исключительно пассажирами. С ним прилетел представитель Комитета ветеранов – убелённый сединами, заметно хромающий, но всё ещё прямой, как гвоздь, гранд-капитан. Он и вручил Соло награду администрации сектора – лампас «кровавая полоса» второй степени.

— Молодец, что не застрелился, — сказал ветеран.

— Предпочитаю барахтаться до самого конца, — ухмыльнулся Соло.

— С таким оптимизмом и везением можешь очень далеко пойти, парень. Если, конечно, не прокинешься на очередной раздаче.

— Это уж как водится. Благодарю Вас, сэр.

Много позже, уже после того, как имперский флот послал его далеко-далеко, бывший лейтенант флота Хан Соло рассказал эту занимательную историю своему компаньону. Компаньон Чубакка, огромный мохнатый вуки, при упоминании о девице с мечами неожиданно разволновался и забормотал так быстро, что Хан, неплохо разбиравший шривуук, едва его понимал.

— Что? А-а. Да откуда мне знать, как её звали на самом деле? — пожал плечами Хан.

Чубакка нетерпеливо покачал головой, требовательно рыкнул.

— Как выглядела? Ну, ростом чуть выше среднего, лицо такое круглое, голубые глаза, рожки и хвостики вместо волос, как у всех тогрут.

Вуки поморщился и проревел длинную фразу, помахав пальцами перед лицом.

— Ах, узор! — коррелианец поскрёб затылок. — Я, честно говоря, уже не помню точно. Кажется, линия по центру лба к переносице, сюда и сюда над бровями. Выше глаз, кажется, квадратики, а на щеках... Как бы поточнее описать?

Чубакка тявкнул и прогудел несколько слов.

— Крылья бабочки? Как поэтично! Где ты этого набрался, романтик шерстистый? Да, похоже.

Ответом был возбуждённый рёв. Соло скорчил удивлённую мину, затем расхохотался:

— Джедай??? Ты веришь в эти басни? Значит, если кто-то умеет управляться с антикварными лучевыми мечами, он сразу джедай? А вот просвети необразованного, разве джедаи не обязаны были носить плащи из дерюги и монашеские рубахи?

Чубакка покачал лохматой головой и объяснил, что женщины, не все, но многие, надевали хламиды только на церемонии, а в остальное время ходили кто в чём. Вон, в имперском флоте тоже…

На это Хану возразить было нечего. Имперские уставы, строгие к мужчинам, дамочкам вне строя позволяли не надевать ни ремень, ни головной убор, а вместо стандартных сапог носить любую обувь, лишь бы чёрного цвета и без финтифлюшек.

— Хорошо, уел, — согласился он. — Ну, а как быть с оружием? Джедаи, насколько мне известно, не должны были пользоваться бластерами. Что? Да, пулевик не совсем бластер, но тоже убивает на расстоянии.

Вуки хохотнул и прогудел короткую фразу.

— Удачно обошла букву Кодекса? — хмыкнул Соло. — Ну, знаешь, так всё, что угодно, можно объяснить. Нет-нет, пожалуйста, верь, во что хочешь, — добавил он, увидев, как шевельнулись мохнатые брови его друга. — Хотя, по-моему, это всё из серии сказок о благородных

рыцарях, спасающих принцесс от драконов и злых волшебников.

Чубакка только рукой махнул. Что он подумал, никто так и не узнал, потому что вуки был очень воспитанный. А рассказывать о своём знакомстве с тогрутой и признаваться, как по-детски сглупил тогда, оказавшись в клетке у трандошанов, ему до сих пор не хотелось.

Чёрная смерть

Шаг. Навстречу. Осторожно.
Ведь сближенье невозможно,
Только бой.
Словно зеркало напротив:
Ты ко мне вполоборота.
Ты - другой.
Как похожи две монеты!
Три клинка, два силуэта,
Две судьбы.
Мы созвучны словом, взглядом,
Мы бы шли по жизни рядом...
Если. Бы.

Светлана Никифорова

7 ДБЯ

Квадрат вечернего света лежал на узорчатом полу, рассекая почти надвое центральный круг с чётким узором. Чёрное на бежевом, золото на бордовом. От края к центру, от центра к краю. Стилизованные перистые листья папоротника и всходы злаков. Набегающие на небо серые облака делали освещение странным, словно солнце горело из последних сил, наливая серую хмарь мрачными сизыми красками грядущего ненастья. В самом центре светового пятна полукругом стояли шестеро. Пять Магистров и самый молодой из Мастеров-наставников Ордена. Седьмой, маленький зелёный, но древний, как серебряные деревья *галек*, Великий Магистр являлся как бы фокусом этого полукруга. Напротив, на самой черте света и тени, замерла та, ради кого собрались эти семеро здесь и сейчас. Ученица, обвинённая в преступлениях и смертном грехе предательства, бессудно изгнанная, отданная на судилище военным, которым срочно был нужен жертвенный *бэрв*. А теперь – оправданная по всем статьям, поскольку была найдена истинная предательница.

— Осока. Я так сожалею, — первым нарушил молчание Анакин Скайуокер, её наставник. — Обо всём.

— Прими наши глубочайшие извинения, Осока, — сложив руки перед грудью в ритуальном жесте, произнёс сквозь маску магистр Пло Кун. — Совет ошибочно обвинил тебя.

— Ты показала такую стойкость и убеждённость в своей борьбе за признание себя невиновной… — подхватил магистр Сэси Тийн и не закончил фразы. За него договорил цереанин Ки-Ади-Мунди:

— Это признаки истинного рыцаря-джедая.

— На самом деле, это было испытание, — гулкий голос убеждённого, как обычно, в своей правоте магистра Мэйса Винду разнёсся под сводом зала. — Теперь мы это видим. Пути действия Силы неисповедимы. И в результате этого испытания ты – более зрелый джедай, чем была бы, сложись всё иначе.

Слушая Винду, Осока скрестила на груди руки. Выдержала взгляд чернокожего Магистра. Иного она и не ожидала. Великий талант не сказать ни слова лжи, но выразиться так, что можно понимать, как угодно. Испытание. Да, это было испытание, но не только для неё. И, пожалуй, как ни крамольно это могло прозвучать, некоторые члены Совета джедаев его не выдержали. Включая самого Винду.

— Назад в Орден ты можешь вступить, — подытожил сказанное древний Великий Магистр Йода.

— Мы просим тебя вернуться, Осока, — шагнул вперёд Анакин. Снял левой рукой с пояса свой меч, протянул ей. — Теперь он твой. По праву.

— Но… — пролепетала она. Анакин ободряюще улыбнулся, его светлые голубые глаза смотрели весело и бесшабашно:

— Обидеть хочешь?

Он не оставлял ей выбора. Осока взяла меч из его руки. Спросила растерянно:

— Но как же…

— Себе я возьму один из твоих, если не возражаешь. Когда мы найдём их на нижних уровнях. Так будет справедливо.

— Со своей стороны, — негромко, но так, что услышали его все присутствующие, произнёс Оби-Ван, — вношу предложение в Совет рассмотреть вопрос о посвящении Осоки Тано в рыцари-джедаи.

Осока вздрогнула. Не ожидала она, что всё это будет вот так. А Мэйс Винду нахмурился, как будто и не говорил только что об успешно выдержанном Испытании.

— Не думаю, что это своевременно. Она не вполне готова… — в третьем лице, словно самой Осоки тут и не было, возразил он.

— Об этом я и предлагаю поговорить на заседании Совета, — мягко парировал Оби-Ван. — Уточнить, каких ещё испытаний Вам, — он с едкой иронией склонил голову в сторону корунная, — досточтимый Мэйс Винду, недостаёт, чтобы признать зрелость нашей юной коллеги. И, буде мы сойдёмся во мнении, что, всё же, нужно что-то ещё, назначить эти испытания на самое ближайшее время.

И старый упрямец уступил, отвёл взгляд.

— Не думаю, что потребуются дополнительные испытания, — ответил он. — Однако, пада… кандидату Тано необходимо время на размышления, осмысление и подготовку к церемонии посвящения. Дадим ей, скажем, три дня на подготовку детального отчёта обо всём произошедшем, а затем Совет сообщит дату и время церемонии. А сейчас прошу нас извинить, членов Совета ждут дела.

— Видишь, Шпилька, как всё хорошо вышло? — радостно сказал Анакин, когда они вдвоём вышли из зала. — Скоро ты будешь полноправным рыцарем. А мне,

может быть, найдётся местечко в Совете. Всё же, мы с тобой вывели на чистую воду эту мерзавку.

— Мы? — хмыкнула она, машинально вертя в пальцах подаренное оружие. — Всё сделал ты, учитель. А я лишь шла туда, куда меня вела она, как *банта* на верёвочке.

— Ну, ну, не скромничай! Ты склонила к сотрудничеству Вентресс, а это высший пилотаж. К тому же, тебе не кажется, что она уже не такая гнусная тварь, как когда-то?

— Времена меняются, и мы вместе с ними. Так говорила мне Джокаста Ню.

— О, начинаешь цитировать древние изречения? Действительно, зрелый джедай! — рассмеялся он. И положил руку ей на плечо.

От этого простого действия Осоку будто пронзило молнией. Перед глазами её одна за другой вставали яркие, жуткие в своей ирреальной реальности картины. Пылающий зиккурат Храма. Трупы, трупы на мозаичном полу холла, на лестницах, на балконах второго этажа. Техники и фельдъегеря, с оружием в руках умирающие у входов в главный ангар, огненные клубки сбитых спидеров, так и не успевших унести прочь их семьи. Разрубленная световым мечом Илси Кеанор. Клоны, повинуясь приказам офицеров, цепью идут по залу и стреляют в каждое лежащее на полу тело. Контрольный в голову, чтобы не осталось свидетелей. Солдат без шлема, с безумными глазами, подталкивает трёх перепуганных девочек к чёрному прямоугольнику тайного хода. Плазменные плевки рвут в клочья защиту «Философа», но толстая броня старого корабля держится, и он с грохотом рвётся вверх, унося сокровища знаний Великой Библиотеки. Смертельно раненный гвардеец, последний из Невидимой Стражи, отражает пикой удары меча человека в чёрном и падает, сражённый. И она, Осока Тано, занимает место павшего воина.

— *Пойдём со мной. Ты нужна мне*, — голосом канцлера говорит бывший учитель, правой, неживой своей рукой протягивая ей… косичку падавана. — *Мы будем править Галактикой вдвоём, как учитель и ученик*.

— *У ситов есть лишь слуги, соперники и враги*, — слышит она свой голос. — *Друзей у них не бывает. А на кой чёрт мне твоя Галактика, если в ней у меня не будет друзей*?

Голубой меч, которому суждено учинить Резню в храме, жёг ей руку. Она выпустила его, и оружие покатилось вниз по лестнице, подскакивая на ступенях, куда-то вниз, в тёмную бесконечность.

— Экая ты неловкая! — усмехнулся учитель. — Беги подбирай! Э… да что с тобой? Что стряслось?

— Пока ничего, — улыбкой на улыбку ответила она, пересиливая боль, огненной иглой зародившуюся где-то глубоко в позвоночнике от созерцания картин будущего. Но боль всё усиливалась, через мгновение она стала невыносимой, разрывая мозг. Осока схватилась за голову, мучительно застонала.

И проснулась.

* * *

Ощущение угрозы не проходило. Осока дотронулась до связной панели:

— Пилот?

— Слушаю, Мастер!

— Подготовиться к экстренному выходу на досвет!

Несколько секунд тишины, чёткий лязг силовых переключателей, соединяющих энерговоды, затем доклад:

— Схема собрана.

— Замыкание!

Мерное жужжание инверторов перешло в надрывный стон. Транспорт задрожал, с каждым мгновением всё сильнее и сильнее. При штатном

завершении прыжка в гравитационном поле звезды инверторы гиперпривода заблаговременно, то есть, за тысячную долю секунды до финиша, отсоединяются от генераторов и растрачивают значительную часть накопленной энергии на преодоление кривизны метрики, затем, в точно рассчитанный момент, гасятся окончательно. Сейчас, в глубоком космосе, все мегаватты энергии изливались через шунты, уходя в тепло. Корабль тряхнуло особенно сильно, он вывалился в нормальные три измерения, и тут же взвыли насосы, прогоняя *инерт* из цистерн через готовые расплавиться вместе с радиаторами шунт-блоки. К этому моменту Осока успела одеться, сунуть ноги в мокасины и, бесшумно ступая по пластиковому полу, поспешила в рубку, думая о том, как, всё-таки, быстро привыкаешь к хорошему. Она начала уже подзабывать, насколько рискованной может быть процедура срочного выхода на досвет: могучий двухконтурный регулятор «Амидалы» просто перебросил бы такое количество энергии обратно в накопители, не вызывая ни тряски, ни таких козлиных прыжков, как сейчас.

А в рубке молодой пилот-панторанец боролся со стремлением судна рыскать сразу в трёх плоскостях. Трубки безмоментного сброса были не такими уж безмоментными, более того, их паразитная тяга колебалась случайным образом, а вокруг транспорта расплывалось разлапистое облако нагретого газа.

— Повреждения есть? — спросила Осока.

— Вроде, нет.

— Тогда не сиди, давай тягу, колебания станут меньше.

— Понял, — пилот передвинул рукоятку главных досветовых двигателей, и «Погонщик комет» уверенно перешёл в набор скорости.

Осока уселась в правое кресло, окинула глазами пульт и блистер. Щиты и противорадарные модуляторы

включены, близких объектов сканеры не регистрируют, в общем, тишь да гладь. И, тем не менее, что-то всё же было там, впереди, более того, прощупывать это в Силе не хотелось категорически. Похожее чувство уже возникало у неё недавно, тогда причина была вполне определённой. Что ж, подлетим ближе – выясним. В рубке, тем временем, один за другим начали появляться другие начальники. Командир «Погонщика» Джарви Эксойн, Технический директор Дайрам Ги и Натуа Хисс, играющая в этой экспедиции ключевую роль.

— Что? — коротко спросил Ги.

— Впереди опасность. Скорее всего, засада, — объяснила Осока. — Увидим, когда проколем астросферу.

Фронт «звёздного ветра» транспорт преодолел через час с небольшим. И на экранах системы отображения, преобразующей данные от стереосенсорных пар, сразу высветилось множество отметок. С расстояния в несколько миллиардов километров не все из них поддавались идентификации, однако, типы имперских звёздных разрушителей высветились тотчас же. Шесть единиц. Более скромных размеров корабли, «предположительно, класса крейсер», присутствовали в количестве двух дюжин. Прочую мелочь, вроде фрегатов и корветов, отсюда различить было невозможно: мала стереобаза, недостаточна чувствительность приёмных усилителей.

— Мы вышли бы в самой гуще имперского флота, — Эксойн потеребил пальцами ус. — Ну, и чутьё у тебя, Мастер!

— Иногда оно срабатывает слишком поздно, — вздохнула Осока. — Сейчас нам повезло.

— Не могу понять, что происходит, — Натуа машинально перебирала пальцами длинные волосы, лежащие на плече. — Для чего здесь такие силы?

— Версию восстания, думаю, можно отмести сразу? — Осока покосилась на неё через плечо.

— Да, слишком маловероятно. Планета под жёстким контролем Синдиката, а Зитон Мож всячески демонстрирует лояльность Императору.

— Узнать бы, какой это флот, возможно, появятся предположения.

— Связист! — позвал Эксойн. — Что на гиперволнах?

— Глухо, командир, — отозвался тот. — Полагаю, ведут обмен по радио, малой мощностью.

— Тогда отсюда мы их не услышим. А лезть самим хатту в пасть глупо. Они наверняка досматривают каждый прилетающий корабль.

— И наша экипировка их, мягко говоря, насторожит, — сказал Ги.

— Очень мягко говоря, — кивнула Осока. С того времени, как Империя начала насаждать «мир во всём мире», в Галактике пышным цветом расцвела контрабанда и бандитизм всех мастей, поэтому оборонительными точками на гражданском корабле трудно было кого-то удивить. Да и сенсорами военной модели, особенно, не самых новых версий, тоже. А вот маскирующие модуляторы в схеме дефлекторных щитов и станция связи на «глубоких» гиперволнах непременно вызовут у имперцев неприятные вопросы.

— Так что же, Мастер, уходим? — спросил пилот.

— Не проведя даже разведку? — усмехнулась Осока. — Не по-джедайски как-то. Ну-ка, глуши маршевые.

Панторанец передвинул рукоятку главных двигателей в нейтральное положение. Стих передающийся по корпусу звук турбонасосов, и счётчик скорости на пульте тотчас же начал неторопливый, но неуклонный обратный отсчёт: на такой скорости летящий по инерции корабль заметно тормозился трением о межзвёздный газ.

— Имперцы досматривают любой **прилетающий** корабль, — продолжала джедайка. — Значит, надо взять

корабль, который систему не покидал и вообще примелькался. Доворот по курсу плюс восемьдесят, по тангажу минус тридцать!

— Ловец астероидов! — расплылся в улыбке капитан Эксойн, разглядывая слабую, едва заметную метку, высвеченную стереосенсорами. — Всего в десяти миллионах километров. Меняем вектор, идём на сближение!

Маленький корабль-ловец производства компании «Телгорн» попытался удрать от «Погонщика», и это, несомненно, ему удалось бы, успей он достичь плотного облака обломков, повисшего на месте недавнего столкновения двух небесных тел, скорее всего, астероида и крупной кометы. Но четыре автоматических истребителя «Гриф» ловко зажали его в клещи.

— Дай-ка, — Осока забрала у пилота управление и повела транспорт по сложной кривой, чтобы не оказаться со стороны брюха ловца. Подходить к нему с этой проекции избегали и грамотно запрограммированные «Грифы».

— Турелей, похоже, нет, — заметил Эксойн.

— Да, только два горных лазера под кабиной, — подтвердила Осока. — Небогато живёт владелец. Лазерная счетверёнка копейки сто́ит, и место под турель у дэ-икс пятого есть, ставится очень просто.

— Видимо, он или она полагались на защиту «Чёрного солнца», — заметила Натуа. — И решили не занимать место в грузовом отсеке.

Так и оказалось. Двое с ловца были чрезвычайно удивлены, что их взяли на абордаж.

— Вы будете иметь большие неприятности с местными властями! — с порога пригрозил коренастый широкоплечий *катар*, морща нос так, словно собирался оскалиться или зарычать.

— Уточним: с властями или вашей бандитской «крышей»? — таким же резким тоном ответил Эксойн.

— Мы работаем на влиятельных бизнесменов…

— Это я уже понял по содержимому грузового отсека, — покивал капитан. — Драгоценные минералы и золото – бизнес серьёзный. Владелец корабля – Вы?

— Я, — вступил в разговор второй член экипажа. Он был повыше ростом, но не столь массивен, судя по цвету кожи и отсутствию на лице татуировок – выходец с какой-то из независимых мириаланских колоний: — Зевен Кёль, к вашим услугам. Извините мистера Дзоргана, он слегка несдержан. Нам, прежде всего, следует вас выслушать.

— Правильное решение, — сказала Осока. — Мы не собираемся вас грабить. Нам всего лишь нужен ваш корабль, в аренду, на один рейс. С соответствующей оплатой. Попутно можем сдать ваш груз и привезти вам за него деньги.

— Ну, да, за вычетом комиссии, — проворчал для порядка катар Дзорган, впрочем, было видно, что гнев его проходит. Кёль дёрнул напарника за полу куртки:

— Перестань, Хоув! Тебе же сказали, грабить – не будут, — и обратился к Осоке и капитану: — Я согласен, господа, при одном условии. Мы не должны быть втянутыми ни в какой конфликт с… местными. В противном случае, лучше убивайте сразу, у фоллинов весьма изощрённые методы казни.

— За это не волнуйтесь, — улыбнулась джедайка. — С фоллинами у нас нейтралитет. Не будь в системе имперского флота, мы бы вас не побеспокоили вовсе.

Кёль облегчённо вздохнул… и принялся торговаться по поводу суммы аренды корабля.

Два часа спустя ловец астероидов – он назывался старинным морским словом, которое можно перевести как «Анкерок» – направился к свободному пространству «ниже» пояса астероидов, откуда можно было совершить микропрыжок непосредственно к обитаемой планете. Кёль и Дзорган всегда так делали: на борту не хватало инерта,

чтобы разгоняться до высоких скоростей, а тратить на перелёт целый месяц было чересчур расточительно, время-то деньги. В разведку летели втроём. Сама Осока в качестве пилота, чернявый бортинженер Жозе Форено с планеты Вохаи и Натуа Хисс. Форено занял единственную каюту с правого борта, фоллинка устроилась в салоне, Осока же решила остаться в рубке. Отключила освещение, растянулась на скамейке-лежанке возле двери. До прыжка, с которого начнётся настоящее дело, оставалось несколько часов, и следовало немного отдохнуть, а заодно прислушаться к Силе, возможно удастся ощутить ещё какие-то предостережения.

В расчерченный переплётом купол огромного блистера смотрели звёзды, внимательно смотрели, не мигая. И достичь нужной степени «расслабленной концентрации» никак не удавалось. «Телгорн DX-5», «Горгулья», её старый корабль. Именно так выглядела та рубка, когда Осока экспроприировала едва живую посудину на астероидной базе в системе Троган и, бесстыдно воспользовавшись своим обаянием, заставила механиков Лантиллиса отремонтировать её. Это потом, поднакопив деньжат, она поставила дополнительные баки, турели «Аракид»… А маскировочную систему пришлось прикручивать буквально на живую нитку. Сложность заключалась в том, что стигиевые ядра «ятаганового» семейства рассчитаны на корабль стреловидной формы с сумасшедшей задней центровкой, не зря и «Амидала» похожа на наконечник стрелы. А «Горгулья»… металлическое насекомое с коротенькими лапками посадочных опор. Ядро на ней работало, но как-то криво: чтобы затаиться, требовалось отключать почти всё электрооборудование, оставляя одни генераторы дефлекторных щитов. Ну, да с этими неудобствами можно было мириться. Аляповатый кораблик прослужил Осоке долгих шесть лет, время от времени ломался, но всегда

выносил её из самых серьёзных передряг. На его борту, вот в такой рубке, она познакомилась со своим… Ну, со **Своим**, одним словом. Официально они не были женаты до сих пор, да это и запрещает Кодекс джедаев, но так ли уж важна официальная церемония? Он не был первым её парнем, далеко не первым. Осока помнила и того мальчика, что пытался ухаживать за ней в последний год обучения в Храме, и яркую, как вспышка, первую влюблённость в Учителя, до сих пор вспоминая её светлой и радостной, несмотря на всё, что произошло потом. Не сразу Осока начала понимать, что Анакин, конечно, великолепен, но несколько не тот, с кем ей хотелось бы быть по-настоящему рядом. Потом был красавчик Бонтери, такой благородный, самоотверженный, возвышенный… на вид. К счастью, Осока сумела разглядеть, что под внешним лоском скрывается беспринципный приспособленец, изворотливый карьерист, словом – оформившийся мерз… в смысле, политик. Который даже романтические отношения умеет поставить на службу карьере. И его решение связаться с Пре Визлой и Стражами Смерти было не ошибкой, как Осока думала тогда, а рассчитанным ходом в политической игре, только вот Визла оказался более беспринципен и переиграл Бонтери. Были и другие парни, уже в Тёмные времена. Ни одного из них она не любила всерьёз, да, нравились, да, было приятно проводить время, и не более.

С Алексом всё получилось иначе. Странный человек, которого она встретила на необитаемой второй планете системы Таркения, едва не умер от аллергического бронхоспазма, вызванного пыльцой местных растений. Спасти его было долгом любого уважающего себя *спейсера*. К тому же, он не знал ни слова на *базик*. Слава звёздам, что его язык напоминал один из тех, которые Осока изучала ещё юнлингом, и они смогли как-то объясняться. Тут-то и обнаружилось, что спасённый

ровным счётом ничего не знает о Галактике и населяющих её народах. А собственная его планета то ли находится за пределами населённых областей, то ли давно не существует. Ну, как не помочь бедняге освоиться в новой для него обстановке? Не по-джедайски это. Осока и в самом деле собиралась лишь немного помочь. Сначала. Пока не почувствовала, что новый знакомый становится ей другом. Настоящим и искренним, совсем как Чучи, единственная во всей Галактике, кого Осока могла назвать подругой в полном смысле этого слова. За годы постоянных перелётов она начала забывать, что это такое – нормальное ежедневное общение, а с Алексом им всегда находилось, что обсудить. Из-за этого Осока даже допустила небольшой просчёт: вместо того, чтобы активнее учить спутника галактическому языку, сама говорила на его родном. На нём как-то проще и точнее выражались сложные мысли. Она до сих пор считала себя отчасти виноватой в том, что Алекс не совсем чисто говорит на базик, и его часто принимают за уроженца Брега, Дальны или Ильмены.

А потом был «Эксис», заброшенная джедайская станция в системе умирающей оранжевой звезды Тидио. И чёрный стреловидный корабль на пыльном полу, такой маленький по сравнению с гигантским залом ангара. И их первый случайный поцелуй в корабельной гостиной. В тот день Осока узнала от лейтенанта Пятерни, кем в действительности является Дарт Вейдер, Тёмный Лорд ситов. От накатившей боли она выплеснула через себя такое количество Силы, что чуть не повредила корабль, и Алекс нашёл блестящий способ привести её в чувство. Осока немного растерялась… а вскоре осознала, что вновь влюблена, впервые за столько лет. Какая горькая ирония, что потом они с Алексом чуть не поссорились из-за напыщенного поганца. Хорошо, что Падме каким-то образом удалось успокоить Алекса. Как всё удивительно

переплелось! Не будь его, Падме так и осталась бы спящим призраком в компьютере корабля на «Эксисе», а не будь её, он и Осока, скорее всего, разругались бы вдрызг. Осока улыбнулась в полутьме. Миляга Алекс называет Падме «сестрицей», и та, кажется, ничего не имеет против. А ведь, если приглядеться, есть в них что-то общее, и внешне, и в характере. Оба вечно скромничают, «а я что, разве это моя заслуга, всё само получилось», и оба говорят правду в глаза, невзирая на лица. Алекс, повстречай он Вейдера, наверное, и тому бы высказал, какое свинство с его стороны так поступить с собственной женой. Не говоря уже о друзьях…

Вновь возвратившись мыслями к Вейдеру, она больше не сомневалась, о чём предупреждает её Сила. Пока в системе его нет, но очень скоро явится. Осоке не нравилось, что они сталкиваются буквально нос к носу вот уже второй раз за последние несколько месяцев. Не значит ли это, что им предстоит сразиться? Она приподнялась на лежанке и постаралась откинуться обратно в максимально расслабленной позе. Закрыла глаза, прислушалась **внутри**, затем **вовне** и **вдаль**. Нет, Сила по-прежнему не давала никаких намёков на рисунок возможного поединка. Как и в предыдущий раз. И это не просто так. К примеру, в кантине «Пьяный банта» на Орд Мантелле Осока заранее распознала, что мордобоя избежать не удастся. И закономерно случилась драка. Здесь – ничего, как и в прошлую встречу в системе Фэдье. Следовательно, поединка не будет, если она сама не станет *лезть на рожон*, как глупая школьница. А полезет – не исключено, что её ожидает вот это самое. Ноль. Чёрное ничто. Ну, уж нет! Это раньше она могла, не задумываясь, рискнуть жизнью ради уничтожения конкретного злодея, но только не теперь.

Осока отвлеклась всего на мгновение, и тотчас, будто искра проскочила между рожками, Сила на

мгновение открыла ей совсем другую картинку. Джунгли или болото на неизвестной планете, а на переднем плане Падме, наклонившись вперёд, беседует с кем-то, кого за туманным краем видения невозможно разглядеть.

— М-м, и что это было? — пробормотала она вслух, открывая глаза. Предвидения Силы, как всегда, отличались своенравностью и возникали по своему собственному разумению. Осока в который раз пожалела, что ей не дано так же чётко работать с образами, как делал Великий Магистр Йода или другие мастера. Картинка, вроде бы, не была тревожной, вот в случае, если она станет повторяться в разных вариациях, нужно насторожиться. Постаравшись как можно точнее воспроизвести в памяти видение, Осока отработанным «внутренним щелчком затвора» зафиксировала его в деталях и не стала продолжать медитацию. Образ *не в кассу* всегда означал, что Сила сказала своё слово, и спрашивать дальше – пустая трата времени. А времени, как раз, и не оставалось. Осока буквально кожей ощущала, как буравит метрику пространства исполинский клин Имперского звёздного разрушителя «Вымогатель». Скоро он выйдет на досвет в этой системе.

Осока поднялась, включила голографическую лоцию. Судя по ней, до свободного пространства, где отсутствуют опасные гравитационные завихрения, оставалось порядка шести миллионов километров. Чуть больше получаса хода при этой скорости. Вновь устроившись на лежанке, она опять обратила взгляд внутрь, затем вовне и придала себе свойства ничтожной песчинки в Силе, мелкой живности, едва заметной даже на близком расстоянии. Тратить энергию на создание полной прозрачности нужды не было: возле густонаселённой планеты бывший учитель и так не сможет её различить среди шестисот миллионов других разумов. Так. Вот об учителе сейчас вспоминать нельзя, можно *накликать*, как

выражается Алекс. Она сделала небольшое усилие, будто проворачивая барабан древнего стробоскопического театра, и перед мысленным взором поплыли другие картины. Планет, где она бывала, надолго не задерживаясь, существ, что она встречала, близко не знакомясь. Сейчас именно такие воспоминания подходили лучше всего. Главное – не зацикливаться, но и не заснуть совсем…

Шорох отодвигаемой двери. В рубку вошла Натуа.

— По моим подсчётам, скоро прыгаем, — сказала она.

— Да, выходим из пояса.

Преодолевая тошнотворное ощущение воздушного шарика – тонкая оболочка и пустота внутри – Осока без резких движений поднялась с лежанки, уселась в неудобное пилотское кресло и начала подготовку к микропрыжку.

— Я уже здесь, — сообщил, входя, Форено.

— Как вовремя, — усмехнулась Осока одним уголком рта. — Я, как раз, уже закончила.

— Целимся в планету?

— Да. Свои способности я использовать сейчас не смогу.

— Могу спросить, почему?

— Тёмный лорд летит сюда.

— Да? Что-то очень серьёзное затевается здесь, — покачала головой фоллинка. — Мне это не нравится.

— Хорошего мало, — согласилась Осока. — Ну, да мы с тобой и не в такой обстановке работали, верно? Прыгнем – разберёмся.

Мгновенный просверк светлых штрихов смазанных звёзд – и «Анкерок», взбрыкнув, как норовистое верховое животное, повис в пространстве вблизи планеты Фоллин. Навигационная система ещё не успела рассчитать точные координаты по данным реперных спутников, а на пульте засвистел сигнал: сообщение от центральной диспетчерской.

Оно было довольно длинным и сообщало, что терминалы «Аурек» и «Креш» закрыты, установлена зона, запретная для полётов, в форме конического цилиндра, внутри которого и находился имперский флот. Следом поступил запрос идентификации. Бортинженер отправил ответ. Диспетчер код принял, как они и рассчитывали.

— Какой терминал выбран точкой сбора? — спросила Осока фоллинку.

— К счастью, «Е». Хорошо, что не выбрали «С», а вначале предлагали. Как более безопасный.

— Ага. Абсолютно безопасный, — хмыкнул Форено. — Ну, значит, «Е». «Зона зеро», как раз, на курсе. С какой стороны обходим?

— Сверху, Жозе, сверху, — сказала Осока. — Проходим над самой внешней границей. Так больше увидим.

Чтобы выполнить такой манёвр, требовалось предельно снизить скорость и двигаться в соответствии с законами орбитальной механики. Выглядело это вполне естественно и подозрений у имперцев не вызвало. Впрочем, офицеры у них были опытные, и, едва «Анкерок» приблизился к запретной зоне, один из сторожевиков «Гоцанти-М» переместился в более высокую позицию, отслеживая движение ловца астероидов. Форено запечатлел его на кристалл памяти: от известных кораблей этой модификации он отличался четырьмя трубчатыми кронштейнами на днище, на каждом из них висело по истребителю.

— Это уже, видимо, «М2», — прокомментировал он.

Осока смотрела на звёздные разрушители. Внешне они с такого расстояния казались абсолютно одинаковыми металлическими клиньями с вынесенными вверх Т-образными надстройками боевых рубок, однако, она безошибочно определила среди них «Вымогатель». Многие существа говорили, что присутствие Вейдера

вызывает у них безотчётный страх и холод, и она знала: большинству из них это не кажется, они на самом деле чувствуют средоточие Тёмной стороны, слишком уж её много в этом человеке. Для самой Осоки, несмотря на «замороженное» состояние, присутствие сита виделось как яркий красный маяк на фоне ночного моря. «Ваш курс ведёт к опасности». «Вымогатель» располагался не в центре эскадры, а несколько ниже, его сенсорные системы, несомненно, были нацелены на поверхность планеты. Что там видели имперцы, оставалось для экипажа «Анкерка» загадкой. В отличие от собственных кораблей акционерного общества, ловец астероидов был оснащён всего одним высококачественным прибором наблюдения – планетологическим, необходимым для поиска минералов и металлических жил. Остальные сенсоры уступали даже ранней «Горгулье», самое дешёвое исполнение. Их хватало только для того, чтобы видеть спускающиеся в атмосферу имперские крейсера и несколько истребителей разведывательной модификации в плотных слоях. Истребители контролировали дороги для наземных машин и берег ближайшей реки.

— Идут на посадку? — удивилась Натуа. — Неужели, всё-таки, бунт?

— Нет, тип «Неустрашимый» плохо приспособлен для десантных операций, — покачала головой Осока. — Смысл задействовать их, когда выше бездельничают два «Гладиатора», набитые штурмовиками? Тут что-то другое.

Их недоумение разрешилось через несколько минут, когда первый из крейсеров достиг зоны малых высот.

— Что это вот там, на окраине? Пожар? — бортинженер увеличил фрагмент изображения, насколько позволяла убогая видеосистема «Анкерка».

— Пожар, — кивнула Осока. — И вызван он вот этим.

Она указала на индикаторное окошко одного из датчиков, отображаемое у края блистера. Как ни

примитивны были сенсоры, отголоски того, что творилось внизу, уловили и они. Больше никто не произнёс ни слова. Трое в рубке маленького грузовичка с окаменевшими лицами наблюдали, как имперские корабли сжигают жёстким излучением густонаселённый город.

* * *

Раздражение Тёмного лорда ощущали все, кто работал с ним бок о бок хотя бы некоторое время: помощники, адъютанты, охрана, пилоты челнока и истребителей сопровождения. Все они сейчас старались не попадаться ему на глаза, а уж если приходилось, стремились выглядеть предметами меблировки, неподвижными и безмолвными. Про себя проклиная двух идиотов, вызвавших неудовольствие Вейдера. Зачистка прошла успешно, флот отработал так, как ему и положено, быстро и чётко, и всё было бы блестяще, если бы не крохотный инцидент в самом начале. Когда Лорд распорядился начать операцию, штабной офицер адмирала Телро тихо сказал командующему:

— Сэр, я передам сигнал отодвинуть оцепление из зоны зачистки?

Вейдер услышал. Развернулся к адмиралу и коммодору всем корпусом:

— Разве я давал такое указание?

— Нет, милорд, — ответил Рэнд Телро.

— Ваши люди слишком много себе позволяют, — произнёс Вейдер. — Начинайте операцию!

Телро отдал распоряжение крейсерам действовать по плану «один-три». И вот тут бы старому дураку промолчать, а он решил, что Вейдер недоволен не самим предложением, а нарушением процедуры. И обратился к Лорду:

— Сэр, пока крейсера занимают исходное положение, мы успеваем отвести наших ребят на безопасное расстояние. Позвольте, я отдам приказ?

— Вы плохо меня поняли, адмирал? — маска смерти угрожающе наклонилась к Телро.

— Нет, сэр, сейчас я понял предельно ясно, — ответил адмирал. — И мне не хотелось бы брать на себя ответственность за это. Я офицер, а не убийца собственных солдат.

— Она и не ляжет на Вас, — голос Вейдера, несмотря на электронный вокодер, казалось, приобрёл брезгливую окраску. — Доложите начальнику штаба, что Вы отстранены от командования и разжалованы до коммодора. Рапорт об отставке можете подать незамедлительно.

— Честь имею, милорд, — старый адмирал чётко повернулся и вышел. Штабной офицер следовал за ним справа, в полушаге позади, и на лице его читалась решимость хлопнуть о стол рапортом одновременно с командиром.

Когда операция завершилась, и начальник штаба эскадры, он же временный командующий, доложил о результатах, лорд Вейдер распустил оперативную группу и удалился в свой кабинет. Двери за ним сомкнулись мягко, но тяжело, как дверца сейфа. В приёмной наступило ощутимое потепление. Теперь можно было слегка перевести дух.

— Я всегда говорил: офицер, у которого на мостике стреляются кадеты, просто обязан глупо кончить, — ухмыльнулся один из адъютантов лорда, пожилой полковник Пройстер с быстрыми глазками прожжённого паркетного шаркуна. — Должен был ценить милость Повелителя, а он…

— Простите, сэр, что за история с кадетом? — поинтересовалась затянутая в слишком тугой для неё мундир блондинка с планкой первого лейтенанта на кителе и пилотским значком на воротнике. Младшие адъютанты из нового набора воззрились на неё с

изумлением, граничащим с благоговейным ужасом. Сами они никогда бы не посмели обращаться с вопросами к Старому Лису Пройстеру, памятуя судьбу предыдущих офицеров, казнённых несколько месяцев назад за недосмотр. Но первый лейтенант – её звали Юна, а фамилия звучала точь-в-точь как слово «затмение» на базик – прекрасно знала устав. Она была офицером флота, а не Корпуса Имперских штурмовиков, и Пройстер являлся для неё старшим по званию, но не прямым начальником.

Полковник посмотрел на неё.

— Это, деточка… — произнёс он, не без удовольствия отметив, как сверкнули голубые глаза женщины, — было очень давно. В семнадцатом году, в системе Бакура. Молодой мандалорец решил, что затронута его честь, и выстрелил себе в башку прямо при всём командном составе корвета.

Семнадцатый… Юна быстро перевела в уме, по Руусану это выходил 982-й. Второй год существования Нового Порядка. Она так и не привыкла к манере некоторых офицеров пользоваться исключительно датами Ресинхронизации, как будто этот календарь чем-то более имперский, нежели прежний. На её родной планете Коралэг использовали Руусанский календарь и от этого не считали себя менее ревностными гражданами Империи.

— Осмелюсь спросить, для Вас честь – пустой звук, сэр? — поинтересовалась она, вновь приведя капитана и первого лейтенанта в серых мундирах в состояние лёгкого шока.

— Э… нет, разумеется, нет! — сообразив, что сморозил что-то не то, пошёл на попятную Пройстер. — Но, лейтенант, застрелиться, проиграв сражение, это одно, а пустить заряд в голову из-за личных отношений убитого неприятеля с твоей семьёй… Впрочем, мандалорцы все психи, поэтому их и во флот брать перестали.

Юна кивнула, про себя, однако, подумав, что не всё, видимо, так просто, раз парень покончил с собой. В то, что уроженцы системы Мандалор все, как один, не дружат с головой, она не верила, иначе они бы не были лучшими вояками в известной Галактике.

— Старый Лис, Старый Лис… — покачал головой другой офицер, в форме майора Имперской Службы Безопасности, ожидавший, когда Вейдер соблаговолит вернуть доставленные ему совершенно секретные документы. — Не хочешь заодно рассказать, что именно в том бою фрегат Рэнда уничтожил злейшего врага нашего Императора, беглую джедайку Тано?

— Да, да, уничтожил. Поэтому он и не вылетел с флота, как пробка. А даже пошёл в гору.

— Велика заслуга – расстрелять из турболазеров девчонку-тогруту на беззащитном курьере! — фыркнул полковник.

— Сначала попробуй **прицелиться** в джедая, хотя бы из бластера. И попасть. А потом говори, — парировал безопасник. — Вы что-то хотели спросить, лейтенант? Не стесняйтесь, всё равно, пока милорд изволит гневаться, делать нам особенно нечего.

Безопасников Юна недолюбливала и, в частности, вот за эту вольность в суждениях в адрес самых высоких лиц. Недаром во флоте ходил анекдот про парад: «Здравствуйте, господа офицеры армии! – Здра-жла, ваш-ство! – Здравствуйте, господа офицеры флота! – Здра-жла, ваш-ство! – Здравствуйте, господа безопасники! – Здравствуйте-здравствуйте, подозреваемый…» Однако, желание получить информацию перевесило.

— Не возьму в толк, сэр, — осторожно сказала она. — Как **девчонка** могла быть злейшим врагом такого могущественного человека, как Император?

— Этого я Вам не могу точно сказать, — развёл руками майор. — Не владею информацией. Однако, узнав

о её гибели, Император был глубоко удовлетворён и наградил энсина, управлявшего орудиями фрегата. А адмирал…

— Коммодор, — поправил Пройстер. — И, скорее всего, в отставке.

— *В то время – гранд-капитан Телро*, — раздельно произнёс безопасник, — не получил взыскания за самоубийство практиканта. Как известно, у нас отсутствие наказания уже поощрение.

Познавательный для первого лейтенанта разговор прервал писк селектора. Пройстар поправил наушник, нажал на нём сбоку кнопку соединения.

— Да. Уточним. Ждите, — он поставил комлинк на ожидание: — Начальник разведки. Просится на аудиенцию. Лейтенант, прошу, доложите Лорду. Вас он сразу не пошлёт, а у разведки важная информация.

Ну, вот, так всегда! Когда не нужна, так «деточка», а как грудью на амбразуру – так «лейтенант, прошу». Впрочем, лорду Вейдеру, кажется, нет дела ни до её груди, ни до других частей тела.

— Милорд, — чётко произнесла она, переступив порог. — Начальник разведки эскадры сообщил, что у него важная информация. Прикажете вызвать его к Вам?

— Незамедлительно.

— Слушаюсь.

Начальник разведки вошёл в приёмную ровно через полминуты после того, как ему сообщили, что Лорд ждёт его. Очевидно, он и не сомневался в положительном решении.

— Милорд, планетарная резидентура обнаружила второй объект. Я приказал не задерживать, следить техническими средствами.

— Разумно. Юна! Распорядитесь поднять по тревоге первый батальон. Мой челнок на старт. Эскорт – четвёркой, ведущая – Вы, — пауза в полсекунды. — И

скажите, наконец, командиру эскадрильи, чтобы не ставил Вас порученцем в приёмную. Полковнику Пройстеру вредны положительные эмоции в таких количествах.

— Будет исполнено, милорд! — Юна позволила себе более неформальный кивок вместо салюта. Судя по последней фразе, к Тёмному лорду возвращалось его обычное мрачно-бодрое настроение.

* * *

Сиррик Деккон и Фанн Хисс сидели в своём излюбленном месте, на проходящих вдоль стены толстых трубах теплообмена, укутанных толстым слоем мягкой изоляции. Отсюда, с высоты почти четырёх метров, им была хорошо видна освещённая площадка, окружённая невообразимым скопищем палаток, ларьков, навесов – «центральная площадь» станционной барахолки. Здесь всегда толпились сотни существ самых разных видов, преимущественно, небогато одетые, а то и вовсе в лохмотьях. Продавали, покупали, меняли. Здесь же шныряли вездесущие пацанята, среди них были и карманные воришки, порой весьма опытные, несмотря на юный возраст. Ребята не раз наблюдали сцены, когда обворованный гражданин или дамочка с воплем хватались за опустевший карман, разрезанную сумку, котомку, пояс. Иногда им удавалось уловить и сам момент кражи. Одного мелкого урода, стащившего у многодетной матери узелок с едой, Фанн отловил в лабиринте палаток и, недолго думая, отбил ему пальцы на обеих руках, чтобы неделю не мог лазить по карманам. Будет знать, как последнее отбирать!

Сиррик нравился молодой фоллин: элегантный, всегда аккуратный и собранный, к тому же умный и принципиальный. Он никогда не колебался, если нужно было отстаивать свою правоту кулаками, хотя самым сильным в округе не был и время от времени бывал бит за

свои убеждения. К тому же Фанн люто ненавидел мафию. В этом чагрианка была с ним полностью согласна. Когда-то её отец служил заведующим складом в портовом комплексе, и однажды к нему пришли два респектабельных на вид фоллина, предложили за хорошее вознаграждение подержать на складе небольшой груз без оформления. Всего один раз. Отец, зная, во что выльется в итоге этот «один раз», отказался. Тогда вечером в переходе транспортного узла его подловила компания гопников. Они избили чагрианина, потом долго глумились, надрезая кожу на теле и прижигая ранки уксусом, а в довершение отпилили отцу половину правого рога. Полиция развела руками: бандиты не были местными, а приезжие, по мнению копов, сами должны разбираться между собой. Пока отец залечивал травмы, его уволили с работы, он запил, опустился и, в конце концов, умер от заболевания печени. Сиррик и её младший брат Брикки остались на попечении матери. Возможности улететь с Фоллина у них не было, прежде всего, из-за отсутствия денег. Мать работала в кантине официанткой, и её жалования вместе со скудными чаевыми едва хватало, чтобы семья не голодала. Положение приезжих на планете, между тем, постепенно ухудшалась, в последнее время – всё стремительнее. Сравнительно либеральный глава «Чёрного солнца» Зитон Мож терял нити управления, и все прекрасно понимали: вскоре тем или иным способом его сместит принц Шезор Сижран, значительно более жестокий и нетерпимый к представителям «низших рас». Спасибо соседке, тётушке Камлин, которая уговорила своего мужа, старосту общины, взять на последний челнок и семью Деккон. Возможно, им даже найдётся местечко и на корабле, который должен был забрать из системы клан Хисс.

Обычно жизнерадостный и подвижный Фанн сейчас был подавлен и мрачен. Он специально увёл сюда Сиррик,

чтобы не видеть бессильной ярости на лицах мужчин, окаменевшего лица тётушки Зоры и дорожек слёз на её щеках. Её пожилые родители остались в сожжённом городе Сиз. Патриарх и его жена отказались улетать, сказали, что прожили в своём доме больше двухсот лет и здесь же желают встретить смерть. Кто мог знать два месяца назад, что их желание осуществится так скоро? Только одно заставляло Фанна испытывать мстительное удовлетворение. Под ударами гамма-излучения превратились в прах не только их дома, но и родовое гнездо ненавистных Сижранов. Вместе с обитателями. Жаль, самого Шезора не было на планете! А потому Хиссам, всё же, придётся бежать с родины. Сделавшись главой синдиката, Шезор постарается стереть в пыль саму память о них. Сижраны издавна ненавидели обедневших, но родовитых соседей. За то, что те славились мудростью и независимостью. За то, что женщины Хисс не сводили волосы на голове, уподобляясь мужчинам, по новой моде, которой всего-то несколько тысяч лет. За то, что в истории рода было немало уважаемых республиканских чиновников и даже несколько джедаев.

— Не надо, Сиррик, — поморщился Фанн, осторожно снимая тёплую руку подруги со своего плеча. — Посидим просто так.

— Почему они это сделали? — спросила девушка. — Неужели те ужасы, что рассказывали об эпидемии…

— Были правдой? Похоже на то. Может, даже не всей правдой, раз они решили не лечить, а выжечь.

— Но кто мог занести на планету такой жуткий вирус?

— Какая же ты ещё наивная! — покосился на неё Фанн. — Тебе никогда не казался странным имперский медицинский центр на Столичном шоссе? Центр, который никого не лечит, даже самих имперцев?

— Ну, бывают же исследовательские центры, — нерешительно сказала девушка. — Ох. Не думаешь же ты…

— Я не думаю. Я уверен. Либо у них что-то пошло не так, либо нарочно решили испытать новенькое на тех, кого не жалко. Мой прадед говорит, это нам ниспослано за грехи. Нас всегда учили, что мы выше, полноценнее других видов, и вот пришли те, кто считает низшими нас самих.

От этих слов, сказанных ровным голосом фоллина, Сиррик поёжилась. В свои четырнадцать лет она видела много несправедливости и обычной бытовой жестокости, но поверить в столь хладнокровное массовое убийство разум отказывался.

— Но в твоей семье, мне кажется, так не ду… — чагрианка запнулась, увидев, что лицо юноши приобрело странное выражение. — Что, Фанн?

— Видишь человека, разговаривает с *найкто* возле ларька Ореирпе? Не тот, что к твоей матери в кантине всегда приставал? Из центра.

— Он, — кивнула девушка.

— А что это он здесь забыл? Почему не подох там вместе с остальными?

— Наверное, был в отъезде, когда началось…

— И решил вернуться не через станцию «Беш», как всегда, а через эту помойку, куда имперцев бифштексом не заманишь? А со слугой хаттов болтает просто о погоде.

— Эй, ты куда?

— Надо за ними проследить. Если вся эта заваруха началась из-за него, разорву в клочья, падаль!

Фанн соскользнул на пол. Девушка за ним. Петляя между торговых точек, замирая в тени навесов, они тенью следовали за имперским медиком и хаттским приспешником. Пока они оставались на рынке, скрываться было нетрудно, а вот в коридорах… Некоторое время их скрывали прохожие, но по мере того, как найкто и человек углублялись в дебри технических секторов, следить за ними становилось всё сложнее. Фанн толкнул подругу в

плечо, сделал знак: «стой!». А сам двинулся дальше. Замер на углу, махнул: «за мной!» Так, перебежками, подростки достигли той части станции, куда не забиралась самая отчаянная пацанва. Ходили слухи, что здесь водится плотоядный туман, который висит в коридоре еле заметной дымкой, а стоит пройти мимо, следует за пешеходом, сгущается, сгущается, набрасывается и растворяет без следа. Прагматичная Сиррик подозревала, что слухи эти распускает «Чёрное солнце» или другие уголовники, чтобы малышне было страшно соваться в места тайных сделок и секретных складов. Фоллин в очередной раз поманил её к себе, и они затаились в нише за проржавевшей створкой неисправного гермозатвора.

— Наверное, здесь будет встреча? — прошептала девушка. Приятель кивнул. Судя по всему, медик и бандит ожидали появления кого-то более серьёзного, с кем человек хотел «перетереть», выражаясь их бандитским языком. Медик выбрал на трубах местечко почище, уселся, расстегнул воротник. Найкто предпочёл остаться стоять, только прислонился к стене. Потянулись минуты, длинные, как жевательная смола, когда школьники вытягивают её изо рта между зубов. Наконец, чагрианка, не выдержав, дёрнула Фанна вниз и зашипела:

— Долго мы ещё будем здесь сидеть??

— Сколько надо, столько и будем. Хочу знать, кто заплатил ему за взрыв лаборатории.

— Нас уже обыскались!

— Ага, обед стынет. Хочешь – уходи. Заодно расскажешь кому-нибудь из старост, что мы здесь увидели.

— Я дороги не найду!

— Тогда сиди тихо.

Внезапно в коридоре, где отдыхали человек и найкто, раздался писк, перешедший в музыкальную трель. Комлинк! Выглянув из-за ржавой плиты, подростки увидели, как найкто поворачивает кремальеру на двери в

боковой стене. Сначала он, за ним человек скрылись за дверью. Фанн приподнялся, чтобы последовать за ними… Но тут крепкая ладонь плотно зажала ему рот и потащила назад с такой силой, что фоллин чуть не опрокинулся на спину. Рядом трепыхалась чагрианка.

— Тихо! — твёрдым шёпотом произнёс схвативший их неизвестно кто. — Вам туда не надо.

* * *

Осознав смысл фразы, Фанн и Сиррик перестали сопротивляться. Державшие их в мёртвом захвате руки тотчас разжались. Чагрианка повернулась и удивлённо вздёрнула вверх брови. Представителей этой расы она прежде не встречала никогда, видела только на голографиях, а уж увидеть именно женщину, да ещё одетую в броню мандалора, ожидала меньше всего. Впрочем, название она помнила. Раса называлась *тогрута*.

— Вы кто? — спросила Сиррик.

— Сейчас неважно. Важнее то, что ты – Хисс, а ты – Деккон, — женщина по очереди посмотрела на них, и подростки машинально кивнули. — И нам нужно быстро отсюда уходить. Скоро здесь будет очень много белой брони. Ну, живо, живо!

Женщина вела их по коридорам и пандусам станции в быстром темпе, так что временами они уже начинали судорожно хватать ртом воздух, затем резко останавливала, грозила пальцем, тихо, мол. И тогда в наступившей тишине где-то вблизи или чуть дальше раздавались слаженные шаги множества ног. И снова быстрый шаг, переходящий в бег, внезапные повороты… Сиррик подумала, что женщина, должно быть, часто и подолгу бывает на этой станции, раз может так чётко ориентироваться в хитросплетении сотни раз перестроенных коридоров.

— Что здесь делают штурмовики в таком количестве? — на ходу спросила она.

— Очевидно, ловят кого-то. Возможно, того, кого вы нашли раньше них. А под раздачу можем попасть и мы с вами. Правда, вам-то особо бояться нечего. Ну, отправят в местную тюрьму, в крайнем случае. Мне на такие милости рассчитывать не приходится. Стоп. Тихо.

— Но тогда зачем Вы за нами пришли? — продолжала допытываться чагрианка, когда шаги строя штурмовиков начали затихать в отдалении.

— Да потому что родители ваши уже на корабле, и без вас улететь никак не могут.

— Мои тоже?

— Говорю же, ваши. Разве непонятно?

— А как Вы нашли нас?

— По запаху, *blin*, — непонятно ответила спасительница. — Ты много задаёшь вопросов, не к месту и не ко времени. Как маленькая.

— Ей, между прочим, всего четырнадцать, — с лёгким оттенком взрослого превосходства заметил Фанн.

— Тебе не сильно больше, если на человеческий счёт перевести, — покосилась на него тогрута. — В любом случае, я в вашем возрасте уже полком командовала.

Ошеломлённые подростки замолчали, переваривая полученную информацию. А Осоке только того и надо было. Джедайка не могла этого чувствовать, находясь в «замороженном» состоянии, но понимала, что челнок лорда Вейдера должен быть где-то на подлёте к терминалу «Е». Требовалось срочно усиливать самоконтроль, а делать это одновременно с болтовнёй, да ещё ориентируясь по всего однажды увиденной на проекторе схеме станции, было непросто. Счастье, что Сила сама предупреждала её о наличии противников в коридорах, как если бы Осока смотрела на экран системы биоконтроля. Дополнительных усилий для этого не требовалось. Она бы, наверное,

удивилась, если бы для этого оставались «вычислительные ресурсы» в мозгу: раньше так хорошо у неё не выходило. Внутренний локатор подсказывал два проблемных места на пути к ангару, где дожидался переполненный, набитый беженцами «Анкерок». Перекроют одно из них – и не обойти, только с боем. Станцию столько раз переделывали, что во многих местах коридоры превратились в гигантские кабель-каналы, набитые коммуникациями так, что пробираться по полчаса. Проход оставался только один – напрямую. Первое место они преодолели успешно, а перед вторым беглецам попался капитан штурмовиков в сопровождении планшетиста и двух рядовых в качестве охраны. Вжав Фанна и Сирррик спиной в первую подвернувшуюся нишу, Осока в порыве какого-то необычайного вдохновения отвела глаза всем четверым одновременно. Однако, время было упущено. И, едва они переступили порог центрального зала последней палубы под ангарами, в свете пыльных ламп у противоположной двери выросла чёрная, как смоляной идол, высокая фигура.

Осока рванула мечи из пенала на пояснице, краем глаза уловила, как округлились глаза у мальчишки-фоллина, но сейчас ей было не до того. Всё же, что-то удержало её от мгновенного включения оружия. Замерев в стойке, она держала в руках неактивированные рукоятки.

Вспыхнул багровым меч Вейдера.

— Что побудило тебя вернуться из небытия? — прогрохотал он. — Хочешь прихватить меня с собой?

«Да, если придётся!» — хотела сказать Осока, но Тёмный лорд неожиданно продолжил:

— Разные? Рад, что мне не придётся оказаться в одном аду со всеми вами. Было бы гнусно целую вечность наблюдать ваши постные рожи!

С кем он говорит? Осока никого не видела. А Вейдер, в свою очередь, похоже, не видел её и подростков, он продолжал разговор с незримым оппонентом:

— Что ж, посмотрим, насколько хорошо твоё искусство. И твоё призрачное оружие!

Он атаковал. Стремительно, напористо, как делал раньше, когда носил ещё имя Анакин Скайуокер. Град ударов сыпался на пустоту, огненное лезвие смазывалось от скорости в кровавый веер. Осока на миг подумала, а не сошёл ли он с ума и не бьётся ли с призраками собственного рассудка? Вдруг ему лишь кажется, что меч упёрся в какое-то препятствие, и что он давит изо всех сил, пытаясь преодолеть сопротивление? А может, сама Сила противостоит ему сейчас? В любом случае, этим следовало воспользоваться. Недалеко от двери – Осока запомнила, когда первый раз проходила здесь – вдоль стены поднимались вверх узкие металлические лестницы.

«Тихо. Идите. Наверх» — жестами показала Осока ребятам. А сама не двигалась с места, пока они не поднялись на галерею, опоясывающую зал. Там царила кромешная темнота, способная укрыть беглецов от любого наблюдателя, не имеющего инфравизора. Если только это не адепт Силы. Но попробовать всё равно стоило, ибо другого способа выбраться отсюда не существовало. К счастью, фоллины лучше людей видят при слабом освещении, что позволяло Фанну уверенно двигаться по галерее, ведя за собой за руку чагрианку. Самой Осоке сейчас зрение и вовсе было не нужно. Внизу между тем продолжался странный танец лорда Вейдера, похожий на бой с тенью. Или… со Светом? Медленно и осторожно продвигаясь по узким металлическим мосткам, Осока не могла удержаться и не бросать туда взгляды. Искалеченный, наполовину сращённый с машиной живой мертвец вовсе не утратил ни мощи, ни быстроты движений. Пожалуй, за прошедшие годы реакция его только ускорилась. Убитый Осокой в Дарнипорте Инквизитор по сравнению с ним казался медлительным и задумчивым. В чистой махаловке она, без сомнения, проиграла бы, тем более, что Вейдер

прекрасно знал большинство её приёмов и финтов. Если что и смогло бы её спасти – только то, чему Осока научилась уже **после** него, в тренировках с Асаж, к примеру. Вейдер наступал на видимого одному ему противника, использовал обводящие движения, кружил… и при этом медленно, но верно продвигался дальше и дальше вперёд, к двери, через которую пару минут назад вошли трое беглецов. Тем временем, Фанн, Сиррик и Осока достигли противоположной стороны. Здесь не было лестниц, галерея продолжалась над дверью, и лишь аварийные скобы вели вниз.

— Тебе не задержать меня! — громыхнул голос Вейдера. — Я победил!

Он сделал шаг назад и скрылся в коридоре. Секунду спустя исчез из виду и мрачный свет его меча.

— Ты проиграл… — одними губами произнесла Осока, и ей почудилось, что странное серебряное эхо повторило её слова.

Как они мчались потом! Словно вдогонку им неслись все бледные твари заброшенной базы «Эксис» и горотские ночные дьяволы в придачу. Не сразу Осока сообразила, что всё ещё сжимает в руках выключенные мечи, и только мгновенный испуг и беззвучное слово «джедай!» на губах одного из встречных существ напомнило ей убрать оружие обратно в пенал. «Анкерок», готовый к старту, стоял на крайней стоянке. Поодаль громоздились контейнеры и баулы – пожитки, которые пришлось бросить клану Хисс, чтобы поместиться в тесных отсеках. Сейчас половина пассажиров расположилась в ожидании вокруг корабля, где было не так душно. Увидев Осоку и спасённых подростков, старосты и Натуа замахали руками, призывая своих побыстрее подниматься и проходить внутрь.

— Паршивец, — с чувством произнесла Натуа при виде внучатого племянника. — Я тебя сейчас убью! — и крепко его обняла.

Перепрыгивая через ноги и другие части тела сидящих пассажиров, Осока добралась до единственного свободного места в рубке – левого пилотского кресла.

— К взлёту готов, — доложил Жозе. — Рампа закрыта и зафиксирована, герметичность есть.

— Экипаж, взлетаю, — произнесла уставную фразу Осока, отрывая корабль от палубы ангара.

— Прыгаем к астероидам? — спросил бортинженер.

— Нет, — качнула головой джедайка. — Вводи координаты. Геридад. По времени получится то же самое, что рандеву здесь.

Время сейчас играло решающую роль. Система жизнеобеспечения «Анкерка» не могла поглотить такое количество углекислоты, процент её в корабле будет повышаться, и важно успеть до красной черты, за которой воздух станет смертельным. Фоллины могут выдержать чуть больший уровень, сама Осока тоже справилась бы при помощи Силы, а вот Форено, семье чагриан и двум представителям иных рас пришлось бы туго.

Корабль уходил в пространство. Внизу медленно поворачивалась планета. Над запретной зоной уже наступил вечер, и там, на поверхности, сияло весёленьким голубым светом правильное круглое пятно. Непосвящённому могло показаться, что это какой-то световой сигнал или праздничная иллюминация, и лишь взгляд на детекторы излучений ставил всё на свои места. Судя по картам, до сегодняшнего дня в этом районе проживало больше двухсот тысяч разумных существ…

— Корабль типа «Телгорн DX-5», говорит имперский патруль «чёрный-три», — послышался в динамике комлинка ровный, официальный женский голос. — Передайте идентификационные данные и включите видеосвязь.

Осока произвела переключения и спокойно встретила изучающий взгляд светлых голубых глаз через стекло маски пустотного костюма. Женщина-пилот? Это

интересно. Империя, вообще-то, рассматривала в качестве полноценных людей исключительно мужчин, женский персонал в армии и на флоте был сведён к минимуму ещё в первые годы Нового порядка. Лишь среди гражданских служащих, сотрудников Имперской разведки и Службы безопасности оставалось значительное количество женщин.

— Данные приняты, — сказала «чёрный-три». — И подтверждены. Ваш курс?

— Геридад.

— На борту есть больные? — женщина ощутимо напряглась, и Осока ощутила это. Ах, да, на Геридаде расположены медицинские и реабилитационные центры, в том числе, пластической хирургии. И джедайка ответила успокоительно:

— Травма. Ожог энергоносителем.

Нет. Всё равно, смотрит так, будто пытается ухватить за хвост какую-то мысль, и не может. Дожидаться, пока сообразит, Осока не стала. И продолжала **особым** голосом, не отрывая взгляда от глаз визави и касаясь женщины в Силе: — Я же не вызываю у Вас подозрений?

— Вы не вызываете у меня подозрений. Можете продолжать полёт. Помните о запретной зоне.

Сильная девушка, уважительно подумала Осока, оборвав соединение. Чуть-чуть не вырвалась. Надо будет сообщить всем заинтересованным службам. С офицером, обладающим природной резистентностью, а, может быть, и другими способностями, агентам нужно быть осторожными вдвойне.

— Привод готов, — доложил бортинженер.

— Уходим за свет.

Когда гиперпространство сомкнулось за стенами корабля белёсым коконом, Жозе Форено вздохнул с облегчением:

— Ну, и передряга! Я уж думал, нам всё, край. До сих пор колотит.

— Экий ты впечатлительный юноша, — проворчала Натуа. — Всё сделали за нас, а мы с тобой только сидели и ждали, и его, видишь ли, колотит.

— А известно ли Вам, высокочтимая, что самое трудное в работе механика – именно ждать? — парировал Жозе. — Разумеется, без сверхъестественного чутья мастера Тано мы бы ребят не нашли. Или попались бы.

— Особенно умиляет твоё «мы».

— Зря ты так. Разве мы не одна команда? Мастер Тано, скажи ей хоть…

Инженер осёкся. Осока Тано не слышала их разговора. Она крепко спала, сидя в пилотском кресле и подложив под подбородок сцеплённые руки. Почему-то сейчас ей снилась планета Мэридун, такая, какой Осока запомнила её когда-то, и какой она давно уже не была. Бесконечные травяные холмы, исполинские деревья с гигантскими жёсткими плодами, вьющиеся среди холмов Дороги Великанов, сдвоенные, словно колеи огромных колесниц. Уходящее за горизонт светило, первые огоньки звёзд на темнеющем небе. Путь вслед за солнцем, подумала она. И в тот миг, когда она увидела чётко каждую травинку, каждый камешек убегающей вдаль дороги, чей-то голос тихо сказал ей:

— Нам ещё рано уходить на покой, не так ли, джедай?

Имперский призыв

Мечтаем каждый о своём,
Но объявляется подъём,
Когда казарме снятся сны.
Капрал командует «Вперёд»,
А сам, конечно, отстаёт
И на войне, и без войны…

В. Макаров

7 ДБЯ, сектор Феллве, Йинчорр

Гудок побудки нельзя спутать ни с чем, он способен разбудить мёртвого, даже если слышишь его сто первый раз. Более жуткий звук – только у сирены боевой тревоги. Ещё не успели смолкнуть последние отзвуки от стен, а КТ-88-1313 уже вылетел из койки и принялся натягивать чёрный поддоспешник. На это нормативом отводилось тридцать секунд, и он почти уложился. На ходу дозастёгиваясь, 1313 помчался в широкий продольный проход, с незапамятных времён именуемый «взлёткой», где практически построились все четыре роты их батальона. Втиснувшись в строй, он занял своё место за две секунды до того, как прозвучал усиленный вокодером голос мастер-чиф-сержант-мажора Урблица, проще говоря – главного сержанта-инструктора их учебного батальона:

— **Смирна-а!!**

Строй вздохнул, колыхнулся, как один человек, и замер.

— Сегодня, сал-лаги, у вас ещё один неудачный день, — начал с дежурной и приевшейся уже шутки Урблиц. Впрочем, тут же добавил нечто новенькое: — Не побоюсь ошибиться, самый неудачный на текущий момент. Сдаём упражнение номер четырнадцать. Имперский штурмовик, как не знают только полные болваны, обязан стрелять, как егерь, и бегать, как курьер. Однако! — воздетый палец должен был обратить на следующие слова

особое внимание: — Штурмовик должен делать это **вместе**. Вот и посмотрим, кто, что и насколько.

По строю пролетел едва слышный шорох. Кросс со стрельбой за последние два месяца батальон бегал четырежды, и каждый раз требования ужесточались. Какую планку между «удом» и «неудом» начальство поставит в этот раз, новобранцы могли только гадать.

— Повторяю, — Урблиц поправил микрофон, и голос его грозно взревел, — это зачёт, а не что-нибудь там. Кто сдаст, получит первое поощрение, а именно: будет допущен к следующему зачёту! Кто не сдаст… — главный сержант-инструктор сделал театральную паузу.

Кое-кто из новобранцев с надеждой затаил дыхание. Насладившись их видом, Урблиц продолжил:

— Не рассчитывайте, что полетите домой, к маме и папе! Империя и так на вас, недоумков, потратилась. В начале прибытия сюда вам обещали, что будут дрючить, пока не кончите? Обещали. И вы у меня кончите! Но доживать до повторных зачётов будете в казармах дисциплинарного батальона. Всем всё доступно, или кому-то повторить на бинарном?

Отпустив эту обычную тупую остроту, Урблиц подал команду взводным сержантам-инструкторам «на усмотрение». Те, выскочив из строя, разогнали новобранцев по «основным учебным местам», как в казарме именовались умывальники и места отхожие. На всех их, естественно, не хватало, а такой вопиющий «дисорднунг»,[1] как живые очереди, нехотя допускался лишь вечером, перед отбоем. Утром всё делалось по команде, первая рота там, вторая здесь, третья и четвёртая на исходных.

КТ-88-1313 в который раз подумал, что блистательная армейская организационная тупость ходит рука об руку с

[1] disordnung - непорядок

блистательным же солдатским остроумием. Чин главного батальонного сержанта-инструктора недаром сокращают до «мисчифа»:[1] явился в казарму – жди беды. Вот как сегодня.

— Слышь, — толкнул его в бок сосед по койке снизу, КТ-88-1291. — Младший инструктор Бадстад сказал, про дисблок – это не пустое «бу», реально переселят, кто не сдаст зачёт.

— Ясен хвост, куда ж тогда следующий призыв селить? — пожал плечами 1313.

— Короче, сдавать надо с первого раза.

— Само собой.

— Вы о чём? — вклинился, как всегда, в разговор, КТ-88-1322, неплохой парень, хотя и с особенностями. Ну, а кто тут без особенностей? Конечно, все люди, все человеки, но планеты разные, разные и обычаи. По национальности 1322 был кореллианец, а родился на Орд Мантелле, поэтому говорил исключительно на *базик*, и половину разговоров ему приходилось пересказывать, чтобы не хлопал глазами, как *ришии*.

— Да вот, мне опять объясняют очевидные вещи, — махнул рукой 1313. — Говорит, что надо сдавать зачёты с первого раза и валить в линейный полк.

— А, ну, это-то да, это и *эопи* понятно. Но, знаешь… если ты снова попадёшь в мою мишень вместо своей, рискуешь остаться здесь.

— А если нет, тогда рискуешь ты, — хохотнул 1313.

— Что-нибудь-то я попаду в любом случае. Не первый день.

— Эй, сыны греха, вы хотите остаться грязными?? — рявкнул на них темп-капрал КТ-88-1277.

— После кросса десять кликов все снова станут одинаковыми, и мытые, и немытые, — философски

[1] mischief – «вред», «беда», «зло»

заметил 1313. — Хочешь – лезь в освежитель сейчас, а мы уж после зачёта.

— Сборище полуидиотов, — проворчал темп-капрал.

— Что ж поделать, в нашем отделении полный идиот только один, — съязвил 1313. Временного капрала перекосило, однако, связываться не стал – это ведь значило признать себя тем самым полным идиотом.

Пауза на естественные надобности окончилась предсказуемо-внезапно, и, как, видимо, и задумывалось, опять нашлись те, кто ничего не успел. Вопли взводных сержантов потребовали от всех срочно построиться, чтобы бежать на завтрак. Именно бежать, так было заведено, хотя залы для приёма пищи располагались тут же в центре крестообразного комплекса казарм учебной бригады. А чтобы новобранцы не сомневались, что передвигаются именно бегом, две или три минуты их заставляли делать это на месте. 1291, на гражданке слывший большим любителем истории, подобрал забавную аналогию. Когда не было ещё репульсоров, допотопные летающие машины прогревали таким образом на старте реактивные двигатели, потом отпускали тормоза и взлетали. Когда он рассказал это в присутствии сержанта-инструктора Кресесса, тот подозрительно на него посмотрел и спросил:

— Рядовой 1291, Вы, что, умный, что ли?

Больше 1291 светить интеллектом не рисковал.

Кормили их как положено, то есть, едой это назвать было нельзя, только «приёмом пищи». Утром отведённых двадцати минут обычно не хватало: слюны во рту ещё нет, а вид и запах «угощения» никак не способствовали её выделению, поэтому «боепитание для органических единиц» проглатывали через силу, давясь и проталкивая с помощью воды – хорошо хоть это не возбранялось. В столовке на завтраке присутствовали и офицеры, они прохаживались с суровым видом между рядами столов. Сейчас новобранцы уже достаточно хорошо отличали их

друг от друга, не то что в начале. Большинство командиров и многие инструкторы в бригаде были клонами, то есть, различались лишь стрижками и – кое-кто – татуировками. Сержанты острили, это хорошая тренировка, приучает опознавать сослуживцев в броне и шлеме без помощи индикаторных очков. Лейтенанты следили за тем, чтобы каждый новобранец впихнул в себя достаточное количество пищи, позволяющее не упасть от истощения во время занятий. Контроль уже особо не требовался, все и так знали, что калории ох как понадобятся. А вот в первые недели, после маминых пирогов и благословенной университетской столовой – случались и обмороки. 1313 тихонько вздохнул: подумать только, когда-то он считал, что продукты в столовую университета поставляют не самого лучшего качества, а автоповара настроены отвратительно. Сюда бы сейчас эту жрачку!

Приём пищи закончить, бегом в казарму, и новая команда – надеть броню и выходить строиться. В блоке послышались характерные звуки, похожие на те, что издают от соударения пластиковые контейнеры. Норматив отводил на надевание и проверку бронекостюма две минуты, и в первые недели казалось, что это нереально, пока один из инструкторов не показал, как можно одеться меньше чем за минуту. Новобранцам до него и по сей день было далеко, тем не менее, в норматив научились укладываться все. 1313 защёлкнул последние замки, нахлобучил шлем, включил его. Чехарда цветных пятен в очках при загрузке вызывала головокружение, а у кого-то и тошноту, поэтому глаза он закрыл, стоя столбом до того момента, как в наушниках не прозвучал сдвоенный писк сигнала готовности. Вот теперь другое дело! Тест системы отображения, дыхательной, связи… Выполнено. На своём месте в строю 1313 оказался одним из первых, через несколько секунд вокруг него, как ячейки, стали собираться остальные. В броне они выглядели одинаково

и безлико, штурмовиков ведь недаром подбирают по росту плюс-минус три сантиметра от стандартного, а по комплекции все становились более или менее одинаковыми после месяца тренировок по императорской методике. Только система опознавания в шлеме и спасала.

— Смирно! Доложить исправность оборудования! — рявкнуло в наушниках. Весь строй синхронно сделал движение, нажимая кнопку «подтвердить». Лишние команды теперь не достигали ушей тех, для кого они не предназначены, и 1313 вместе со своим взводом спокойно дождался своей очереди на получение оружия, затем – на погрузку в челноки. Жаль, спать прямо стоя в броне они ещё не умели, хотя мастер-сержант Черво, клон со стажем ещё времён войны, как-то обмолвился, что это возможно. А уж сидя спали все, про запас перед «лёгкой пробежкой» на десять километров с тремя огневыми рубежами.

Интересное дело, теоретически штурмовая броня герметична, она не пропускает или не должна пропускать воду, отравляющие и радиоактивные вещества. Однако, вездесущая мелкодисперсная пыль умудрялась во время бега успешно проникать в шлем, скрипела на зубах и, казалось, даже в глазах. Мощное пылевое облако преследовало бегущие роты, задним вообще ничего не было видно, разве что, в инфракрасном режиме. Офицеры на своих спидербайках держались поодаль и периодически меняли лидирующий взвод – всем, как говорится, поровну. На третьем рубеже новобранцы ухайдакались настолько, что палили, почти не видя мишеней. И были очень удивлены, узнав, что отстрелялись нормально. Оставалось самое трудное: оторвать пятую точку от пыльного пригорка и загрузиться обратно в челноки. Обратного пути никто практически не заметил, проснулись только от команды «на выход к машинам».

Во время ритуала чистки бронекомплектов отлучаться в сортир не возбранялось, этим и воспользовались трое

хитрецов, по очереди, чтобы не так явно, смотавшись в освежитель. Остальные за все три месяца до этой простой уловки так и не допёрли. А после обеда мисчиф снова выстроил батальон, доложил ротному, и тот приказал лейтенантам огласить список неудачников. В их взводе таких набралось четверо, в том числе, капрал 1277. Морда у парня вытянулась, словно у *мууна*. Он-то собирался делать карьеру, старался, выслуживался, и оказался в таком *шебсе*. Что теперь скажет его отец, десять лет отслуживший в Корпусе и ушедший на пенсию старшим штабным сержантом? Когда два десятка проштрафившихся собрали пожитки и под командой хмурого военного полицейского из дисблока потянулись к выходу, провожать их столпился весь батальон. Инструкторы не стали запрещать «гражданскую панихиду», должно быть, считали полезным наглядно дать понять всем остальным, что ждёт и их при ненадлежащем старании. Вечером отбивались в довольно унылом настроении, у всех создалось стойкое ощущение, что отчисление далеко не последнее.

На следующий день сдавали тактику. Выброска, занять оборону, отразить атаки условного противника, обед, погрузка, снова выброска, атака укреплённой позиции, бой в городе. Атаковали их голографические «призраки», все – жутковатых нечеловеческих рас, со странным оружием в руках и лапах. Многих из чудищ не смог опознать не только 1313, а и те, кто родился на торговых планетах, где можно было встретить сотню разных разумных видов. То ли у программистов была богатая фантазия, то ли брали за образец аборигенов каких-нибудь звёздами забытых планет Внешнего кольца. От первого попадания имитационного выстрела призраки лишь дёргались, оглашая поле боя леденящими душу воплями, и замедляли движение, чтобы уложить их, требовалось попасть два-три раза. Но и тогда голограммы «умирали» не сразу, а долго корчились в жутких муках –

штурмовик не должен отвлекаться на такие вещи. Третью атаку инструкторы устроили прямо во время обеда: «что, деревянные лбы, думаете, мятежники станут дожидаться, пока вы пожрёте?» Суматоха получилась та ещё, и «противник», воспользовавшись слабым ответным огнём, почти ворвался на позиции. Во второй половине дня, уже в лесу, роль неприятеля играла рота подразделения «древесных ящериц». Бывалые солдаты в броне, затемнённой боевыми красками до грязного желтовато-зелёного цвета, держались упорно, как *нерфы* в стаде, местами дошло до мордобоя. Тут уж отвели душу обе стороны. В рукопашке новобранцы уступали «ящерицам» ненамного, зато превосходили численностью, и несколько раз пришлось вмешиваться инструкторам – разнимать. Отсеянных в этот день оказалось всего восемь человек. А следующим зачётом стала теория. Не уставы и инструкции – их знали назубок даже самые ленивые – а «вводные»: даётся ситуация, нужно выбрать вариант действия или, ещё хуже, описать своими словами, а компьютер оценит правильность. Странное дело, но этот тест провалили всего двое. Новобранцы вздохнули с облегчением.

А зря. Четвёртый и последний зачёт, по строевой подготовке, выглядел совсем несложным, и, тем не менее, по его итогам мисчиф огласил список аж из десяти номеров.

— В штрафном взводе, понимаешь, недобор, — пояснил старший инструктор роты, недобро ухмыльнувшись.

— Неужели не видно? — кипятился, собирая казённую сумку, чернокожий парень с планеты Дреария. — Они же сводят счёты!

— Естественно, — кивнул его товарищ по несчастью, скуластый новобранец с Богдена, спокойный, как две *банты*. — Строевая для этого и служит. Сам-то не допираешь, за что нас закатали?

— Ну, тебя явно за то, что ни разу не смогли довести, таких не любят. А вот меня – не знаю.

— А тебя, наоборот, за то, что заводишься с пол-оборота. Между прочим, ротный инструктор слышал, как ты его обозвал вонючим *готалом*, а готалы не такие уж и вонючие.

— Не расстраивайтесь, — встрял всезнающий 1291, — говорят, штрафников потом отправляют в тыловые подразделения, не самая плохая служба.

— Сам иди в тыловые! — огрызнулся дреареец. — Чистильщиком дройдов и загрузчиком автоповаров я и дома мог устроиться!

— Вот об этом я и говорю, — парень с Богдена подхватил пак с бронекостюмом и вышел на «взлётку» строиться.

Оставшихся в батальоне счастливчиков выстроили перед ужином и раздали назначения. Завтра батальон должен был превратиться в несколько маршевых команд для убытия по постоянным местам дислокации. В течение дня их заберут челноки, а уже послезавтра на место «новобранцев слегка обученных» сменит партия «новобранцев совсем необученных», как привычно острили инструктора. Последний день, кто бы мог подумать! Вернее, крайний. «Последний» будет, когда тебя в пластиковый мешок запаяют, поправил сам себя 1313.

После отбоя 1291 пихнул 1313 снизу через койку и зашептал:

— Слушай, давай ночью над мисчифом приколемся? На прощание.

— Иди к хаттам, ты над деканом уже прикололся.

— Ну, и как хочешь, — буркнул 1291.

Наутро выяснилось, что в одиночку 1291 шутить не решился, однако, идея прикола посетила не одного его. Двое «частично обученных», задержанных инструкторами

при попытке намазать поддоспешник главного изнутри оружейной смазкой, были торжественно отправлены в дисблок, но уже не как двоечники, а под настоящий арест. Дисбат в срок службы не идёт, поэтому два придурка и домой полетят на три месяца позже.

— Не ищите неприятностей на свою голову, а то найдёте их на свою задницу, — философски прокомментировал один из мастер-сержантов.

Полёт на челноке, а затем на грузовом транспорте после тёх месяцев непрерывной дрючки показался им раем. 1313, 1291 и 1322 угодили в команду из шестнадцати человек, одну из четырёх, отправляемую с Йинчорра на Амфар. Старшим назначили 22-го, к своим обязанностям он относился ответственно, но без фанатизма. За четверо суток они и отоспались, и отъелись немного – кормёжка-то здесь предназначалась для экипажа, не то что при перевозке подразделений, когда для перевозимых стоят отдельные автоповара, настроенные «привычным образом», то есть, на одинаковую по всей Галактике армейскую бурду. На пятый день транспорт прибыл на место назначения. Выйдя на металлический пол ангара, новобранцы обученные в количестве шестнадцати единиц огляделись.

— Станция, — коротко сказал кто-то. Его правильно поняли все. Если они не на разрушителе, значит, место назначения – не десантное подразделение, а гарнизон. Их встречали четверо главных ротных сержантов. Старшие команд подбежали к ним, выясняя, кто в чьё распоряжение поступит, затем построили своих солдат у каких-то отметок на полу ангара. Сержант с узнаваемым лицом клона старых, «феттовских» поколений заложил руки за спину, прошёлся перед строем, встречаясь с каждым глазами. Распорядился коротко:

— Иды.

Считав декой протянутые согласно строевому уставу идентификационные чипы – первая шеренга на согнутой в

локте, вторая на вытянутой на уровне плеча – сержант сказал:

— Господа новобранцы, вы прибыли в Пятую роту линейного полка двадцать – восемьдесят пять. Моё имя Шрайк. Сейчас по очереди представляемся. По-людски. Цифры оставьте для официальных документов. И называйте планеты.

— Рядовой Швах, Орд Мантелл, — начал 1322.

— Это фамилия или первое имя? — уточнил сержант.

— Фамилия, сэр. Рядовой Курц Швах, сэр.

— Рядовой Кузим Ятровка, Брег, — быстро сориентировался 1291. Когда очередь дошла до 1313, он назвался:

— Рядовой Велимир Троец, Брег.

— Снова бреганцы, даже двое, — задумчиво сказал Шрайк. — Персонально для вас. Условимся таким образом: не умничать, но и не тупить, у нас это не прокатывает. Ясно?

— Так точно!! — гаркнули оба. Выкрик Тройца пришёлся практически в ухо стоящему впереди 1286, точнее, рядовому Эмбадлу, тот даже покачнулся от уровня громкости.

Так, на палубе ангара орбитальной станции, началась их служба в новом подразделении. Рота оказалась неплохая: не из отстающих, но и не показушно-образцовая, где обычно гоняют вдвое больше. И солдаты подобрались всё больше нормальные, не то, что в соседней Шестой роте – «бараны», конечно, встречались, зато «козлов» не было. По крайней мере, среди рядовых. Немного удивительно было и то, что клон в роте всего один – сам Шрайк. Как слышал от инструкторов Кузим Ятровка, обычно их либо нет вовсе, либо несколько человек, «такая кадровая политика». Служили… да нормально, в общем, служили, не лучше и не хуже других. Ходили в караулы, патрулировали

пассажирские сектора, ангары для гражданских судов, кантины и казино, примерно раз в неделю всем батальоном летали вниз, на планету, зачищать притоны, вылавливать наркоманов и мелких воришек. Как-никак, курортная планета, и разновидностей развлечений здесь было значительно больше, чем позволяет закон. На вопрос Шваха, почему имперские штурмовики занимаются тем, что должна делать местная полиция, лейтенант коротко сказал, что «курорт имперского значения, поэтому и занимаемся». Троец про себя подумал, что Курц, всё-таки, немного странный, как и их бывший временный капрал. Нормальному человеку должно быть ясно, что служить в спокойном месте значительно лучше, чем в неспокойном и гонять каких-нибудь повстанцев, виновных лишь в том, что, *ну, задолбала эта Империя*. Видимо, Кузима Ятровку посетила та же мысль, но он не сдержался и, лишь только взводный удалился на безопасную дистанцию, высказался вслух:

— И чего тебе, Швах, не нравится? Отыгрывать копов всяко лучше, чем мятежников выкуривать. Неровен час, наткнёшься на какого-нибудь случайно уцелевшего джедая…

— Случайно уцелевших джедаев не бывает! — двусмысленно заметил наголо бритый командир отделения Торбух. Понимать его можно было и как «ни одного не уцелело», и как «если уж джедай умудрился уцелеть, с ним точно лучше не связываться». Обведя глазами подчинённых, он добавил назидательно: — А если вдруг, всё равно лучше сделать вид, что его нет. Будет шанс отслужить до дембеля.

— Спасибо, сэр, мы всё поняли, сэр, — быстро сказал Швах. Торбух служил третий год и знал, что советовать.

В увольнение их отпускали только по станции, где делать было практически нечего, а из зверья водились

одни военные полицейские, тем не менее, ходили все. Потому что это был единственный шанс пообщаться с женщинами. Переодетые в свинцово-серую форму нижних чинов Космического флота, дабы не раскрывать своей принадлежности – штурмовики должны быть одинаковыми, безликими и бесстрастными – они спускались в транзитную зону. И принимались клеить прилетающих, отлетающих и пролетающих мимо. Выдавали себя за матёрых космических волков, тружеников батарейных палуб, не раз видавших в прицеле турболазера вражеские корабли, а сейчас коротающих на станции недолгую паузу между дальними перелётами. И кое-кому, кто умел выглядеть наиболее убедительно, уже не раз удавалось урвать немного ласки у путешествующих любительниц. Местные диспетчерши, администраторши, кёльнерши и прочий женский персонал на такое не велись, слишком хорошо знали все уловки. Тем не менее, Ятровка как-то сумел познакомиться поближе с продавщицей одного из магазинов и бегал к ней на свидания.

Душевную просьбу сержанта Шрайка «не тупить» выполнить особого труда не составляло: как сержанты обращаются с «баранами», имеющими пониженный коэффициент интеллекта, видели все. Им не поручали ничего сложнее «поднять-опустить». Их ставили на посты в коридоры, где часто появлялось высокое начальство, и требовалось неподвижно стоять у стены с бластером наперевес, а каждого, кто старше майора, приветствовать чётким переводом оружия в вертикальное положение «на караул». В казарме «бараны» занимали самые неудобные койки, где либо мало пространства над головой, либо нещадно дует из вентиляции. В общем, добровольно в эту категорию не хотелось никому. А вот удержаться от соблазна «поумничать» было гораздо сложнее. Как говорят на родине, «бороду можно и сбрить, а умище-то куда девать?» Например, Тройцу до жути хотелось

опробовать идею хитрого кронштейна для быстрого надевания брони. В учебке у него не было на это ни времени, ни материалов, здесь немного времени появилось, а материалы так и вовсе нашлись с избытком. И он попробовал. Приспособление работало, но оказалось не очень надёжным, и однажды ночью развалилось внутри личного шкафчика, с ужасным грохотом высыпав наружу половину элементов бронекостюма и разбудив дежурного по роте. Ятровка внедрил другое изобретение – сигнализацию приближения офицеров. Они ездили на отдельном служебном турболифте, и не воспользоваться этим было грех. Кузим настроил своё устройство так, что при открытии этого лифта на их этаже в кладовке выпадала из креплений щётка для протирки светильников. Отчётливый стук о дверцу был прекрасно слышен дневальному на тумбочке, даже когда тот спал. Беда заключалась в том, что «сигнализацию» после ухода начальства следовало поставить обратно в крепление, а тормознутый дальнианец Кмедлинк однажды забыл это сделать. И щётка треснула по подбородку сержанта Шрайка, когда тот решил проверить состояние инвентаря. Были и другие случаи. Ну, скажем, когда Троец смазал приёмник зарядной батареи в винтовке капрала Прамокса по прозвищу Промокашка вакуум-смазкой, и теперь, даже после двух тщательных чисток, вставляемая и извлекаемая батарея издавала эротичный чмокающий звук. Или когда Ятровка привёл в казарму опоздавшую на челнок девушку – просто переночевать в кладовой, ничего *такого*. Поэтому помещение для чистки дройдов-уборщиков стало для Тройца и Ятровки чуть ли не вторым домом.

Заведовал этим местом «отбывания провинностей» флотский унтер-офицер Дресперт – маленький коротконогий человек с усами щёточкой, в меру строгий, но абсолютно беззлобный. В системе флотских чинов штурмовики откровенно «плавали», их этому обучить не

удосужились, ибо «кораблевождение – не наша епархия», поэтому называли его лаконично «сержант». Недобровольных помощников для него всегда находилось в избытке, некоторым штрафникам приходилось даже ожидать своей очереди по два-три дня – и, возможно, заработать за это время дополнительное взыскание. Иногда контролировать процесс приходил техник-лейтенант Чичвандерс, по поводу которого штурмовики много спорили: является ли он человеком или, всё-таки, помесью между человеком и мууном или *фостом*? Сказать, что он был худощав, значило ничего не сказать: из форменного воротника торчала, как цветок из проруби, цыплячья шея, а из рукавов – тонкие кисти рук. На лице самой примечательной чертой являлись… уши. Оттопыренные, что твои антенны, они, казалось, создавали ветер, когда техник-лейтенант вертел головой, у солдат в такие моменты всегда замирали не успевшие зачерстветь сердца: вдруг да голова сейчас отвалится? Впервые узрев сие недоразумение, Троец живо заинтересовался: как такой нескладёха мог попасть на флот? Всезнающий Ятровка рассказал, что Чичвандерс окончил какой-то математический университет и мечтал сделать карьеру военного аналитика, но ему не повезло. Сюда техник-лейтенант попал совсем недавно вместе со своим шефом, инженер-майором Шеввом, а до этого они, по слухам, служили на какой-то секретной станции. Техник-лейтенант сам по себе выглядел тихим и даже добреньким, никогда не устраивал выволочек, угощал штрафников печеньем и рассказывал анекдоты. Несколько раз в дежурство их роты по гарнизону он приходил в казарму и отбирал людей «на задание» – постоять в оцеплении, пока погрузчики вытаскивают из трюма прилетевшего транспорта опечатанные контейнеры и перекладывают на платформы. Среди отобранных почти всегда были и Троец, и Ятровка, и Швах, и молчаливый Эмбадлу, в

любую свободную минуту утыкавшийся в деку с очередным романом. Казалось, с Чичвандерсом можно даже подружиться, он сам всячески подчёркивал «какой я вам офицер, я в академиях не учился». И всё-таки, что-то в этом человеке настораживало Тройца, и он не спешил доверять Чичвандерсу.

Именно от техник-лейтенанта штурмовики впервые услышали название «Гвори». По словам Чичвандерса, по этой планете мятежники нанесли варварский бомбовый удар.

— Бомбить медицинский центр! — кривился он. — Вот что значит нелюди. Мы для них хуже животных.

— Гвори, если не ошибаюсь, в секторе Класис? — припомнил Швах.

— Совершенно верно, мистер Швах, — совсем по-штатски подтвердил Чичвандерс. — Так жаль… Правда, в самом медцентре я, признаться, ни разу и не был. Мы с шефом там орбитальную крепость строили.

— Сэр, а Вы разве строитель? — удивился Троец.

— Нет, конечно, мы занимались только коммуникациями и антеннами. Работали заключённые, а господин инженер-майор руководил. Очень странно, что бунтовщикам удалось пройти незамеченными. Там стоят лучшие сенсоры, что вообще производятся в Галактике, мы их сами закупали. Должно быть, операторы прохлопали, расслабились, идиоты. Все поели? Капрал, постройте отделение, отведу вас в расположение роты.

Буквально на следующий день на орбитальной станции внезапно началось шевеление. Две роты штурмовиков, в том числе их Пятую, подняли по аварийной тревоге, переодели в комбинезоны для хозяйственных работ и куда-то повели. Троец и остальные находились на станции не первый месяц, но и не подозревали, что здесь есть обширные неиспользуемые сектора. Проходы в них давно были зашиты стеновыми

панелями – то ли для красоты, то ли чтобы излишне любопытные нижние чины и штатские пассажиры не лазили. Сейчас флотские техники, отодрав панели, открыли два прохода, включили гравитацию, воздух, аварийное освещение. Почти до самого вечера, с коротким перерывом на обед, штурмовики вкалывали, как проклятые. Сдирали со стен пыльные остатки старого оформления, бросая дройдам когда-то яркую и блестящую обивку из синтеткани, капители фальшивых колонн, лепнину из крашеной пены. Ставили в выпотрошенные перед оставлением сектора светильники новые лампы, помогали немногочисленным техникам устанавливать новые перегородки и двери. По ним и по планировке помещений нетрудно было догадаться, что строится тюремный блок.

А ещё сутки спустя им же пришлось конвоировать прибывших узников. Те были небритые, в мятой флотской униформе с характерным следом у каждого от вырванной с мясом планки знаков различия, что говорило о проведённой церемонии разжалования. Троец на ней не присутствовал ни разу, зато присутствовал Ятровка – стоял в шеренге сбоку – и потом рассказывал в лицах. Зрелище, по его словам, исключительно мерзкое. Осунувшиеся лица и потухшие глаза узников красноречиво говорили о том, что пощады они не ждут. В колонну по четыре они выходили и выходили из транспорта, и Ятровка, переключив комлинк на канал, неслышимый начальству – ещё один повод почистить уборщиков, если об этой «опции» дознается кто-нибудь из офицеров – пробормотал:

— Хаттская сила, да сколько же их?

Троец молчал, просто считал. И насчитал сто двадцать семь человек. Когда два отделения штурмовиков, взяв колонну в клещи, повели к выходу из ангара внутрь станции, к ним присоединились четыре мрачных типа в

чёрной униформе, с бластерами на поясах и деками в руках. Департамент расследований Имперской службы безопасности. Да, плохо дело. Обычно преступления на флоте и в армии расследовала военная полиция, судил гарнизонный трибунал из своих же офицеров и давал в большинстве случаев срок. Казнить могли только за очень тяжкий проступок и только солдат. Здесь будет хуже, раз замешана ИСБ – трибунал флота во главе с адмиралом, и вполне вероятная смертная казнь даже для офицерского состава.

— Господин майор, они прибыли, — услышал вдруг Троец через наружные микрофоны шлема. Скосил глаза и увидел Чичвандерса. Тот разговаривал с миниатюрным голографическим изображением тучного офицера: — Среди них, действительно, Синкс и первый лейтенант Холнаби.

— Бывший первый лейтенант, — строго поправил тучный.

— Так точно, бывший, сэр.

— Зайди ко мне, нужно переговорить.

— Слушаюсь, сэр.

Троец не поверил своим глазам. Техник-лейтенант, очевидно, владел некими методиками ускоренного передвижения: вот только что стоял здесь, а в следующее мгновение бесследно испарился. Или это у него такое служебное рвение? Странно, в остальное время техник-лейтенант выглядел неторопливым и даже слегка меланхоличным.

С той поры у полка появилась ещё одна задача – охрана тюремного блока. Сержанты, справедливо полагая, что вертухаем быть не захочется никому, тут же начали использовать её в качестве дополнительной меры воздействия на нерадивых. Впрочем, Троец и Ятровка в блок первое время не попадали. Нет, мелких провинностей ни у того, ни у другого меньше не стало, но Шрайк,

ведавший нарядами вне очереди, похоже, понимал, что в большинстве случаев они хотят как лучше и не очень виноваты, что получается как всегда. Увы, эта поблажка закончилась после того, как уволилась следующая партия старослужащих. Не молокососов же из пополнения на боевые посты назначать! Одновременно в полку прошли очередные конкурсы – среди двухгодичников на чин капрала и среди их призыва – в школу сержантов. Подумать только, они на станции уже целый год! И пятнадцать месяцев в армии. Ещё одно пополнение – и можно будет отмечать половину срока. После этого Троец, Ятровка и остальные будут считаться «стариками», впрочем, они уже и сейчас поглядывали на молодняк с известной долей снисходительности: что те могут понимать в жизни сразу после учебки!

Следствие по делу флотских с Гвори, судя по всему, продолжалось. Несколько раз прилетали высокие чины – об этом тут же становилось известно всем, поскольку караул для встречи и проводов выделялся из штурмовиков. Величину «чина» легко было определить заранее по размеру караула – полурота, рота, две. Однажды в ангаре выстроили четырьмя каре весь Второй батальон, и никто из стоящих в строю особенно не удивился, когда из челнока на палубу ступил сам Таркин. Влиятельного моффа знали все. Его суровое худое лицо нередко мелькало в выпусках имперских новостей, ежевечерне просматриваемых в казарме в обязательном порядке. Встречающее начальство заметно нервничало. Третьего дня в тюремном блоке произошёл неприятный инцидент. Повесился заключённый офицер. Очень быстро выяснилось, что ему помогли, и теперь на лицах начальника базы и командира их полка явственно читалась тревога: не поторопились ли они казнить сокамерников и дежурного надзирателя – агента ИСБ, отвечавшего в ту ночь за порядок в секции? Вдруг именно из-за этого

прилетел Таркин? А с ним – существо в чёрном с тонкой красной отделкой плаще Инквизитора. Троец разглядывал постные лица и бегающие глаза начальников не без злорадства: он-то в простую поспешность не поверил ни на секунду. Фамилия убитого была Холнаби…

Контр-адмирал и полковник приблизились к моффу, представились. Тот задал несколько вопросов, затем отдал какое-то распоряжение. Адъютант поднёс к губам комлинк. И буквально через десять секунд из «коробки» выстроенных чуть в стороне офицеров трусцой выскочил майор Шевв. Мофф, тем временем, двинулся к выходу во внутренние коридоры и сделал ему знак «следуйте за мной». Позеленев, Шевв потрусил в кильватере Таркина. Похоже, кое-какие грешки он за собой чувствовал и ожидал серьёзных неприятностей. По другую руку от моффа двигалось существо в плаще. По размашистой, но плавной походке было понятно, что личный представитель лорда Вейдера – женщина, притом нестарая. Интересно, какого вида? Имперский антропоцентризм каким-то волшебным образом не распространялся на высшую номенклатуру, *хуманы* при Императоре и Лорде служили с тем же успехом, что представители базовой линии человечества. А женщины – с тем же успехом, что мужчины.

Дальнейшее Троец и Швах узнали от Кузима Ятровки, того поставили у дверей временных апартаментов моффа. Таркин и Шевв, лицо которого имело уже какой-то серо-зелёный оттенок, вошли в кабинет. Подтянутый пожилой капитан в мундире корпуса штурмовиков, но не из местных, закрыл за ними дверь и скрылся в боковой комнатушке, возле дверей которой и стояли друг против друга Ятровка и другой солдат. В коридоре остался маяться лишь техник-лейтенант Чичвандерс, бледный, как умбаранец. Кузим старался не трястись от хохота, наблюдая за его поведением. Он то

принимался мять одной рукой другую, то теребил по очереди уши, отчего они начали приобретать оттенок сигнальных фонарей боевой тревоги, то дёргал полы кителя. И топтался, топтался на месте, громогласно скрипя сапогами. Прошло примерно полчаса, точнее Кузим не догадался засечь, хотя часы вот они, в очках шлема, и Чичвандерс извёлся совсем. Арестовал Таркин его босса, что ли? Ятровка тоже готов был подумать именно так, но всё неожиданно повернулось совсем иначе. И гораздо грустнее, чем рассчитывал Кузим. Открылась дверь, и в коридоре кормой вперёд появился Шевв.

— Премного благодарен, ваше высокопревосходительство, — говорил он внутрь кабинета. — Рад стараться, ваше высокопревосходительство.

Чичвандерс, путаясь в собственных ногах, кинулся к шефу.

— Господин майор, сэр, всё в порядке?

— «Господин **полковник»**! — важно поправил Шевв, вздёрнув идеально подстриженную шкиперскую бородку. Ятровка едва слышно выругался под шлемом: везёт же некоторым, пришёл на расправу, а вернулся с повышением!

— О… — выкатил глаза техник-лейтенант. — Поздравляю, господин ма… полковник! Я так счастлив, сэр, я искренне рад!

Новоиспечённый полковник снисходительно потрепал подчинённого по плечу:

— Ничего-ничего. Тебя пошлём на Йинчорр на краткосрочные курсы при Академии Императорской Гвардии, я договорился. Три месяца – и будешь сразу первым лейтенантом.

— Премного благодарен, господин полковник! — точь-в-точь с теми же интонациями, что его начальник – Таркину, ответил техник-лейтенант. — Рад стараться, господин полковник!

— Наше счастье, что лорд Вейдер казнил этого Маркула, ну, ты его помнишь… — заметил новоиспечённый.

— Маркула казнили, сэр? — не отрывая преданных глаз от шефа, перепросил Чичвандерс.

— Да. Давно было пора, слишком он зазнался, много себе позволял. Рабынь завёл….

— Для чего, сэр? — удивился Чичвандерс. — Дройды ведь гораздо лучше!

— Разумеется. Дройды, по крайней мере, не могут предать, — убеждённо сказал Шевв, вызвав «хмык» Ятровки, который славился своим умением перепрограммировать разные машины ещё в университете. — Рабыня и оказалась внедрённым агентом мятежников.

— Сэр, дозвольте спросить? Так Маркула казнили, а Вас – на его место?

— Нет. Пока – в аппарат, главным специалистом. Но не всё сразу, Айк, верно?

— Так точно, сэр!

— Ну, ступай, собирай мои вещи. Отлёт в пятнадцать ноль-ноль.

Техник-лейтенант с быстротой молнии метнулся к лифтам, только гвозди на подковках сапог засверкали.

— Горотские дьяволы, — зло сказал Троец, дослушав рассказ Ятровки. — Я думал, этого майора… — он чиркнул ладонью по горлу. — Он же явно при делах! И подследственного грохнули не просто так.

— Может, Инквизиция, всё же, докопается? — неуверенно сказал Швах. — Кого-то ведь, всё же, казнил Вейдер?

— Эх, вы, салаги, — раздался за их спинами голос Шрайка. — Сидите-сидите. Запомните, что я вам скажу. Армия – это такой организм. Во время войны умелый командир ещё может сделать карьеру. В мирное время наверх всплывают только самые крупные куски.

— Точно, — сказал Ятровка. — Я ведь вам не всё рассказал. Чуток попозже я слышал, как Таркин разговаривал с Инквизитором. Знаете, что он ей заявил? «Каждый раз радуюсь, что в шестнадцатом не отдал приказ казнить Вас немедленно. Империя бы много потеряла».

— Казнить?? — Троец даже привстал с лавки от изумления. — Интересно, за что?

— Да было за что, — ротный сержант махнул рукой. — Ещё как было. Вам лучше не знать.

Таркин отбыл на следующий день, прихватив с собой Шевва и Чичвандерса. Одновременно исчез из технического зала и сержант Дреперт. Вместо него теперь был другой немолодой сверхсрочник, рядовой Кавлита. На вопрос проштрафившихся, куда делся сержант, он объяснил, что «этот гунган ушастый» последним распоряжением перед переводом вкатил Дреперту три месяца дисциплинарного батальона «за либерализм к отбывающим наказание». Какого «ушастого» он имел в виду, уточнять не требовалось. Сержанта было жаль всем, хоть Кавлита оказался и не хуже. Тем временем, Инквизитор вплотную занялась следствием по делу Гвори. И, в первую очередь, следственной бригадой. Уже через два часа после отлёта моффа её руководитель был разжалован и отправлен на Кашийк простым дознавателем. Подследственных начали вызывать на допросы с такой интенсивностью, что пришлось выделить дополнительную команду в качестве конвоиров. В число отряжаемых вошли Троец и Кмедлинк, а сержант Шрайк, напутствуя их, сказал:

— Рассчитываю, что у любого из вас хватит ума не будить спящего *стрилла*, ну, а если нет – вас, хотя бы, не жалко.

Ятровка был откровенно расстроен недооценкой себя как «особо отъявленного». Но, разумеется, то, что на

дверях апартаментов Инквизиторши в ту же ночь появилась сделанная синей вакуум-смазкой надпись «ДЖЕДАИ ЕЩЁ ВЕРНУТСЯ», а голокамеры контроля ничего не засекли, было чистой воды совпадением. Слишком уж многие недолюбливали ситов и их прислужников. Самого Ятровку на следующий день назначили патрулировать ангары, чему он был весьма рад: утром солдатское радио в столовой донесло, что на станцию прилетел мандалорский боевой корабль. Увидеть его хотя бы одним глазком было интересно. Отец рассказывал Кузиму, что «бабочка», благодаря форме крыльев, может скользить в атмосфере на малой тяге, не выдавая себя ни горячим выхлопом, ни излучением репульсоров. А при необходимости – двигаться в плотных слоях быстрее звука, на что способен далеко не каждый корабль. В Голонете информации о «ком'рках» было немного – приблизительные характеристики да посредственные снимки через фотоэлектронный увеличитель или с камер наблюдения. Бродить с переносной голокамерой вокруг мандалорских кораблей не отваживались даже *дуросы*, которые буквально помешаны на всевозможной летающей технике. Вблизи «бабочка» была не только красива, но и внушительна. Больше полусотни метров в размахе крыльев. Судя по форме носовой части – вторая, немного укороченная модификация, значит, и длина её пятьдесят с небольшим. Инструкция запрещала патрульным без приказа входить в «жёлтые зоны» стояночных мест, но остановиться у линии никто не мешал. Постояв, сколько можно, Ятровка сделал знак напарнику, и они медленно двинулись вокруг корабля. У противоположного крыла Кузим увидел двоих, видимо, членов экипажа. Молодой мужчина со строгим породистым лицом: высокий лоб, тонкий аристократический нос, выступающий подбородок, светлые голубые глаза под густыми бровями. На нём не

было полного доспеха, но и металлического бронежилета характерной формы хватало, чтобы понять: это мандалор. С ним разговаривала женщина. Ну, как женщина, максимум лет на пять старше Кузима. У неё были зелёные глаза и каштановые волосы, уложенные в причёску-корону. На затылке причудливо переплетённую конструкцию поддерживал голографический видеопроцессор в виде изогнутого полуобруча. Виртуальный экран перед глазами был отключен, но устройство такого класса не узнать было бы трудно. Фигуру девушки Ятровка вовсе старался не замечать, иначе можно забыть про всё на свете и даже собственную казнь пропустить. У твилек, конечно, бывают более соблазнительные округлости, зато у этой и все мышцы на месте, спортсменка, ясно, как день. Внешние микрофоны шлема позволяли слышать разговор этой парочки, слышать, но не понять, потому что говорили они на характерном мандалорском наречии, которое легко узнать по обилию долгих «а», «и», раскатистому «р» и особому придыхательному звуку, отсутствующему в базик. Мужчина кивнул и направился к пандусу корабля, спортивная девушка повернулась… и увидела патруль. Смерив штурмовиков насмешливым взглядом, от которого Ятровка судорожно сглотнул, она и вдруг спросила ласковым тоном:

— *Ну, что уставились, дуболомы? Кастрюли поотворачивать*?

Это был уже не мандалорский, но и не базик, причём, говорила она немного странно, не совсем так, как бреганцы.

— *Нет, мэм*, — от неожиданности ответил Кузим. — *Не надо, мэм.*

— *Бедолага*, — на лице девушки появилось сочувственное выражение. — Брег, Дальна, Батаев?

— Брег.

— *Этот нас не продаст*? — она покосилась на второго штурмовика, влёт определив, что тот не понимает ни слова.

— *Нет, мэм, хороший парень, тупой только слегонца*.

— *А, ну, это не страшно, тупому строем ходить легче. Как же ты умудрился загреметь*?

— *С деканом факультета повздорил, мэм*, — честно ответил Кузим. И, в свою очередь, спросил: — *А Вы откуда родом*?

— *Да я так, с боку-припёку. Дедушка у меня с Батаева. Как служба*?

— *Особо жаловаться грех. Место спокойное, на войну не летаем*.

— *И то хорошо. Кормят как*?

— *По-всякому*, — уклончиво сказал Ятровка.

— *Ясненько, как обычно, то есть*, — понимающе кивнула девушка. — *Сменишься – приходи сюда, я тебе и твоим ребятам пожрать соберу*.

— *Спасибо, мэм*.

— *А сейчас извини, дела*.

Мандалорианка удалилась, а напарник, простоватый крестьянский парень с Таанаба по фамилии Ониксон, спросил через комлинк:

— Ты откуда их язык знаешь?

Ятровка покосился на него. Пару секунд подумав, решил, что лекция на языковую тему может затянуться, пошутил:

— У меня первый муж двоюродной тётки был оттуда.

— А-а. Круто, — на полном серьёзе воспринял это Ониксон. — Ты, наверное, в него такой смекалистый.

М-да, что тут скажешь? «Ваша свинья пестра нашей свинье сестра, по всему выходит, и мы родня»? Кузим только плечами пожал и промолчал. А вечером сразил

сослуживцев, принеся в казарму целую котомку разносолов.

— Откуда такая роскошь? — изумился отделенный.

— А, земелю в ангаре повстречал, вот она мне собрала, — небрежно ответил гордый Ятровка.

— У рядового Ятровки, оказывается, дальние родственники на Мандалоре, — тут же сообщил туповатый Ониксон.

— Типа да? — поднял брови Торбух.

— Да не, у неё просто предки арийцы, — отмахнулся Кузим.

— Странные вы ребята, — покачал головой сержант. — В одном городе морды друг другу бьёте, а за пол-Галактики встретитесь – «yo, zemelya!» и обниматься.

— Так на чужой сторонке рад своей воронке, — процитировал Троец. Почему именно воронку, а не топор, например, или лопату, использовали в этой поговорке, никто уже не помнил, но, должно быть, у предков на то были какие-то причины.

Попировать отделению удалось и на следующий день, когда Ятровка принёс от землячки пакет с фруктами. Но на этом всё и кончилось. Зеленоглазая мандалорша ночью улетала со станции, и кто знает, встретятся ли они когда-нибудь ещё? Хотя, Галактика, она обычно маленькая и тесная, может, и да.

Через неделю после отлёта мандалоров состоялось последнее заседание трибунала по Гвори. Оставшиеся подследственные получили свои сроки и были отправлены к месту отбывания. Впрочем, тюремный блок не то чтобы опустел совсем, теперь сюда привозили штатских государственных преступников, а агентов Службы Безопасности на постах внутри блока постепенно заменяли сотрудники Департамента Юстиции. Засобиралась восвояси и Инквизиторша. Штурмовики вздохнули с облегчением… позабыв древнее армейское

правило: начальство считается убывшим только тогда, когда оно само об этом сообщает. До этого расслабляться рано. Так и получилось. В последний день не вернулся из увольнения Кузим Ятровка, а через час или полтора после ужина в роту прибежал взмыленный лейтенант Согдиян и повёл Велимира Тройца к госпоже Инквизитору на беседу. Топая вслед за взводным по коридору, Троец лихорадочно перебирал возможные косяки, за которые его приятеля могла потянуть сама Инквизиция. Надпись – нет, там были предприняты все меры предосторожности, камеры контроля ослепли и оглохли сто пудов. А вот голонет-кэф... Да, скорее всего, дело в этом.

Войдя в кабинет, Троец вытянулся по стойке «смирно». Инквизиторша только по коридорам всегда ходила в надвинутом на лоб капюшоне, пугая встречных обывателей, в кабинете же слегка расслаблялась, даже распускала завязки плаща. Поэтому все штурмовики, кто водил к ней подследственных, не раз имели возможность оценить её внешность. Красивая баба, несмотря на непривычный цвет кожи. Интересно, некстати подумалось Тройцу, сколько ей лет? Если в шестнадцатом по новому стилю, то есть, в девятьсот восемьдесят первом по Руусану, её уже было за что казнить, наверное, ближе к сорока…

— Вольно, — произнесла черноволосая Инквизиторша, смерив Тройца ледяным взглядом. — Присаживайтесь… пока.

И без долгих предисловий спросила, на какие сайты Голонета заходил рядовой Ятровка во время их совместного посещения «публичного места доступа» (звёзды, как выспренно это звучало, прям что твой публичный дом!)

— Если бы Госпожа изволила хоть намекнуть мне, что именно её интересует, я бы быстрее вспомнил, — осторожно ответил Троец.

— Умного из себя корчишь? — поморщилась она, и кубики татуировок на её щеках на миг превратились в подобие пилы. Так, этот вариант не катит, понял Троец и вскочил:

— Никак нет, г-жа Инквизитор!!

— Сядь. Вы просматривали голоотчёт о залазе в запретное место?

— Так точно, г-жа Инквизитор! — тем же молодцеватым голосом законченного дебила отвечал Троец. — Покинутый Храм, г-жа Инквизитор! Рядовой Ятровка до службы углублённо изучал историю, мэм, и ему это особенно интересно!

— Не ори. Как он вышел на этот отчёт?

— Осмелюсь доложить, при мне нашёл в поиске, мэм!

— Помнишь ли ты имя пользователя, что выложил этот отчёт?

— Так точно, мэм, «Толстый банта».

— Тебе он известен?

— Так точно, мэм. Он выкладывает очень много таких отчётов.

— Известна ли тебе его настоящая личность?

— Доподлинно неизвестна, мэм, но… — Троец, преданно глядя в немигающие глаза Инквизиторши, наклонился чуть вперед, через стол. — Осмелюсь доложить, у меня есть определённые подозрения.

— А именно? — она ощутимо «сделала стойку», чего Троец и добивался.

— Предположительно, под этим ником… — он ещё понизил голос, скорчил многозначительную рожу. Сделал театральную паузу и закончил: — …выступают несколько разных пользователей, Госпожа!

Досада на её лице отразилась столь явственно, что он едва не заржал в голос. Сохранить каменно-глуповатое выражение ему помогли лишь три с лишним года учёбы в

Руянском университете и частое общение с приват-доцентом Чевич по прозвищу «Вейдер в юбке». Всё же, Инквизиторша задала ещё один вопрос:

— А что по этому поводу думает рядовой Ятровка?

— Не могу знать, мэм, мы с ним об этом ещё не говорили. Прикажете разузнать, когда вернёмся в казарму? — с готовностью предложил Троец.

— Не нужно, я уже задавала этот вопрос. Вообще, что он говорил о своих знакомствах в Центральных мирах?

— Затрудняюсь припомнить точно, мэм! — Троец скорчил огорчённую мину. — Вроде бы, на Корусанте он не бывал и знакомых не имеет. Также могу спросить точнее, если прикажете.

— Троец, — Инквизиторша вновь пристально посмотрела на него. — Ты всегда такой угодливый?

— Мэм, родители меня учили, что приказы начальства следует исполнять. А по возможности – предугадывать. Иначе быстро наживёшь неприятности на свою шею.

— Бреганцы… — произнесла женщина, как ругательство. И продолжала задумчиво, словно Тройца перед ней не было: — Один, вроде бы, готов в лепёшку расшибиться, но ничего не знает и не слышал. Второй перечисляет на память все сетевые адреса, где был за последний месяц, так подробно, что джедай от скуки повесился бы. Почему меня не оставляет чувство, что надо мной где-то немножко издеваются?

— Не могу знать, мэм! — Троец снова вытянулся во фрунт.

— Тебя никогда не допрашивали с помощью Силы?

Троец похолодел, но сумел сохранить невозмутимость:

— А что это, госпожа Инквизитор?

— Лжёшь. Ты знаешь.

— Нам такие вещи знать не положено, мэм! И хоть Вы меня придушите, не знаю.

— Неплохой инстинкт самосохранения. Ладно. Иди.

— Осмелюсь спросить, госпожа Инквизитор: что прикажете написать родным рядового Ятровки? Погиб при исполнении?

— Пошёл вон! — прикрикнула женщина. — В казарме твой Ятровка, — и, когда за Тройцом задвинулась дверь, пробормотала: — Идиот.

— Дилетантка! — буркнул, тем временем, Троец в коридоре. — Ни хрена не могут без своей Силы. Старуха Чевич вытянула бы из меня всё, что знаю и не знаю, без всяких шаманских трюков.

В казарме стоял здоровый одобрительный хохот: Кузим Ятровка живописал в лицах свою беседу с Инквизиторшей.

— Я ей слил все мои логи за последние два месяца, какие помнил, — хвастал он. — И, что самое главное – ни разу не соврал. О, а вот и наш второй герой! Накапал ей на мозги?

— Пытался, — сказал Троец. — Между прочим, она прекрасно поняла, что мы валяем дурака. Но почему-то отпустила.

— Потому что вы ни в чём существенном не замешаны, — проворчал Торбух. — И она это тоже поняла. А *крайты* мух не ловят.

— Э… а что здесь делает лейтенант Согдиян? — изумился Троец, заметив на одной из ближних коек распластанную лицом вниз фигуру со знакомым вихром на затылке. Эту особую примету невозможно было ни причесать, ни состричь, ни выбрить: чуть отрастая, волосы в районе макушки ложились в форме галактических рукавов.

— Спит, — сказал Швах. И пояснил более развёрнуто: — Он тут по потолку бегал, пока вы у

Инквизиторши на допросах прохлаждались. Пришлось сержанту Шрайку его микстурой напоить.

«Микстурой» – собственно говоря, на базик то же самое слово означает любую смесь чего-нибудь с чем-нибудь – называлось пойло, когда пайковые витаминные брикеты разводят спиртом и затем разбавляют эту вязкую кислую жидкость водой примерно втрое. От простуды помогало убийственно, кашлять, например, становилось просто невозможно, таким спазмом перехватывало горло. Ну, а для удовольствия в микстуру добавляли сахар или сироп. Тогда она становилась отличным средством от бессонницы, проще говоря, гарантированно валила с ног, если не знать свою норму. Вот и лейтенант, должно быть, не заметил, когда вырубился.

— Надо отнести его на верхний ярус, жене, — сказал отделенный. — Ну-ка, герои, берите и в путь! Миссис Согдиян скажете, что выпил лишнего по случаю окончания следствия.

— Я думал, нам хоть по сто грамм плеснут, — буркнул Троец.

— Вернёшься – подойди к Шрайку, он тебе накапает.

Троец шутку оценил. И был очень удивлён, когда строгий сержант-инструктор, в самом деле, вызвал к себе их с Ятровкой и выставил на стол две стопки-напёрстка.

— Как лекарство, парни, — сказал он, наливая в каждую виски до краёв. — Закусить! Вот так. Вы сегодня избежали очень большой беды, по сравнению с которыми смерть может показаться мелким недоразумением. Кого-то из вас хранит… то, чего не следует называть.

— Просто повело, — ляпнул Ятровка.

— Один генерал любил говорить, что нет такой вещи, как везение, — назидательно произнёс сержант. — Добавлю от себя – и невезения тоже. Не везёт тому, кто сам нарывается. Надеюсь, вас это чему-то научит. Свободны. Отбой.

А в полдень следующего дня Второй батальон стоял в церемониальном строю по случаю отлёта Инквизиторши. По крайней мере, так думали все. В систему пришёл Имперский звёздный разрушитель «Генерал Крелл» – наверное, чтобы везти её на новые подвиги во славу Тьмы. И в открытый портал ангара торжественно влетал челнок типа «Лямбда». Но когда откинулся трап, по нему спустился немолодой офицер в мундире из нарочито простого некрашеного полотна, какие могла носить лишь одна служба – Имперская Безопасность. Планка на его груди свидетельствовала, что это старший полковник. Чуть поотстав, за ним двигались первый лейтенант в чёрном мундире – адъютант, должно быть – полная женщина-служащая в деловом костюме и капрал-штурмовик в сером, он управлял контейнерной тележкой. Инквизитор ленивой кошачьей походкой двинулась полковнику навстречу, да ещё заложила руки за спину, просунув под плащ таким образом, что всем присутствующим стали видны её великолепные ноги. А также висящие на поясе рукояти световых мечей, если у кого возникнут какие мысли.

— Приветствую Вас, полковник, — светским тоном произнесла она. — Надеюсь, полёт был приятным?

— Гораздо приятнее, чем прибытие, — столь же учтиво ответил офицер, а прозвучало это примерно как «до Вас – не пахло, мадам».

Штурмовикам, стоящим в «церемониале», строго запрещалось держать включёнными внешние микрофоны, чтобы не слышать секретных разговоров руководства. Но на это правило многие откровенно чихали, и сейчас по «коробке» строя пролетело лёгкое шевеление: подколку оценили.

— Позвольте узнать, что привело Вас сюда? — задала, между тем, вопрос Инквизитор. —Расследование по Гвори закончено.

— Я прилетел не следствие вести. Мне нужны толковые и ответственные ребята в комендантское подразделение.

— Не хватает добровольцев? — с насквозь фальшивым сочувствием протянула Инквизитор. — Понимаю. Вашу службу недолюбливают даже молодцы из Корпуса Штурмовиков.

— И весьма прискорбно. Наша служба, в отличие от Вашей, — полковник изобразил подобие приветственного кивка, — вынуждена бороться не столько с «подрывными элементами», сколько с неуёмными аппетитами ряда имперских должностных лиц. В частности, с властными амбициями разведки.

— Полковник, неужели Вы всерьёз полагаете, что сможете одолеть Исарда, которому благоволит сам Император? Времена, когда Вы служили вместе с величайшим героем современности и проводили грандиозные операции, давно минули.

При этих словах Ятровка дёрнулся и задел локтем Тройца. Полковник же, усмехнувшись в усы, ответил:

— Вы просто не в курсе, мадам. Мы не раз уже давали ему по рукам, и ещё дадим, когда потребуется.

— Что ж. Желаю успехов. Мой личный корабль на борту «Крелла»?

— Как Вы и просили. Экипаж ждёт вызова.

— Ну, зачем же, я прекрасно доберусь вот этим челноком. Счастливо оставаться.

— Не могу пожелать Вам того же. **Честь** имею, — полковник особо выделил слово «честь». С тем они и расстались. Полковник остался на станции, Инквизиторша поднялась на борт челнока.

— Ты чего дёргаешься, как ужаленный? — спросил Троец Ятровку, когда появилась возможность снять шлем. — Давно в тюремном блоке не стоял?

— Знаешь, кто это был? — с горящими глазами зашептал Кузим. — Юларен! А герой, про которого они говорили – Скайуокер!

— Не слыхал.

— В игрушки надо было меньше рубиться, и больше читать. Скайуокер был великий дж… — Кузим прикусил язык, поправился: — Генерал, то есть. Ученик самого Кеноби, надеюсь, хоть о нём ты слышал.

— Не-а, — повторил Троец, на сей раз не столь честно.

— Темень сельская! — возмутился Ятровка.

— Ага. У меня ж нет мандалорских родственников, как у некоторых. Откуда мне знать про историю с герцогиней Сэтин и Стражами Смерти?

— Придуриваешься. Понятно.

— Ладно дуться, рассказывай. Этот Скайуокер, он кем командовал?

— Пятьсот первым легионом.

— Вейдеровским? Однако.

— Они так втроём на все операции, в основном, и летали: Кеноби, Скайуокер и ученица его, Тано. Я в детстве в неё по уши был влюблён. Жаль, папаша после Дня Империи все её голографии заставил стереть.

— Красивая?

— Эффектная. На Амар похожа, с нашего факультета.

— Чо, тогрута, что ли? — удивился Троец.

— А тогрута разве не женщина? Вот не знал, что ты *хенофоб*.

— Уж и спросить нельзя. Слушай, раз в детстве ты в неё по уши, можешь нарисовать её раскраску?

— Зачем тебе?

— Просто рисуй. Потом скажу.

— Так, так, так и на щеках примерно вот так, — нацарапал Ятровка на экране деки. — И что?

— Помнишь драку весной, перед той сессией, когда нас выперли?

— Когда Неркафи Кру ни с того, ни с сего принялся всех метелить? — до Ятровки постепенно доходило, на что намекает приятель. — Хочешь сказать…

Троец кивнул:

— Хорошо, что она выбрала не меня.

— Не путаешь? Что она могла забыть на Бреге?

— Не «что», а «кого». Свою сестру. Или ты продолжаешь думать, что это совпадение?

Широкоплечая фигура сержанта Шрайка возникла за их спинами неожиданно и беззвучно. Ятровка не успел ни погасить экран, ни спрятать деку. Брови сержанта грозно сдвинулись.

— Вы, всё-таки, идиоты, — вполголоса прорычал он. — Нашли место обсуждать подобные вещи! *Рехен* отключить, и оба за мной.

Оба солдата уже решили было, что им поручат отдраить туалетный блок вместо уборочного дройда, но, войдя в санузел, Шрайк остановился, внимательно их оглядел и произнёс:

— Слушайте внимательно, повторять не буду. Завтра полковник Юларен будет отбирать людей к себе в комендантскую роту. Вы оба, а лучше и ваш приятель Швах, должны туда попасть. Сами не вызывайтесь, будет выглядеть подозрительно. А вот когда взводные постараются подсунуть ему своих главных раздолбаев, и вас вызовут на беседу – там и соглашайтесь.

— Не знаю, сэр, — сказал осмелевший Троец. — Для чего нам это? Жандармами быть как-то…

— А сейчас вы кто? Ангелы с крылышками? А скоро вообще… — он замолчал.

— Что «вообще»? Сэр?

— Пока никто этого не знает, даже офицеры, и я вам этого не говорил, — предупредил Шрайк. — Очередного

пополнения в нашем полку не будет. Что это означает, понимаете?

Троец и Ятровка переглянулись. Конечно, они всё понимали. О таких случаях не раз говорили старослужащие. Бывало, что в полки какого-нибудь легиона вместо молодого пополнения неожиданно прибывали старослужащие из переформируемых частей, отведённых из зоны боевых действий. Это означало, что легион в самое ближайшее время планируют снять с гарнизонной службы и отправить на усмирение очередных беспорядков на очередной неблагополучной планете.

— Ясно, сэр, — кивнул Троец.

— И заткнитесь у меня про жандармов, — продолжал Шрайк. — Полковник – неплохой командир, я его давно знаю, он мне сейчас офицерскую должность предлагал. Марать руки кровью гражданских он вас не заставит, для этого есть агенты из особо отъявленных.

— Сэр, а Вы? — спросил Ятровка. — Вы тоже переходите?

— Я – нет.

— Почему? Офицерская должность, это же такое повышение!

— Как ты там говоришь? «Rad by v rai da grehi ne puskajut»? — Шрайк вздохнул. — Тот самый случай. Я бы, может, и перешёл. Если бы тот мальчишка не выбежал тогда на площадку к спидеру… А гнида Фокс не приказал бы его добить именно мне… Всё. Хватит разговоров. Жду от вас разумного решения.

Сержант как в воду глядел. Сначала их построили в казарме, и командир роты предложил добровольцам перейти в отдельную комендантскую роту, обслуживающую ИСБ. А когда таковых не нашлось, зачитал короткий список и приказал поименованным явиться на беседу. Курца Шваха в списке не оказалось, а Троец и Ятровка в него ожидаемо попали. Интервью у усатого полковника оказалось пустой

формальностью: не иначе, Шрайк предварительно замолвил за них словечко.

— Ты, значит, историк. И мастер тайных операций? — усмехнулся он, поглядев на Ятровку.

— Не могу знать, о чём Вы, Ваше высокоблагородие!

— Надпись вышла великолепно, я специально смотрел. А как виртуозно выедено из строя наблюдение! Такой умелец нам сгодится. А ты, значит, умный, — перевёл он взгляд на Тройца. — Про сестру сразу догадался. Ну, что ж, умные мне тоже нужны.

В тот же день челнок перенёс шестерых отобранных «гавриков» на борт разрушителя.

— Не криви морду, парень, — сказал Юларен, заметив, с каким выражением лица разглядывает Ятровка название корабля. — Пока наш крейсер в доке, приходится летать на корабле, названном в честь этого… Но – тоже корабль и тоже летает.

Через час они были в гиперпространстве. Армейская служба вступала в новую, неведомую им фазу.

* * *

Топливный склад пылал. Столб пламени поднимался в атмосферу на высоту несколько сот метров, и в этом огне ежесекундно сгорали десятки тонн энергоносителя. Из-за этого ночь стала светлой, как день. По узким улочкам городка, примыкающего к складам имперской армии, стремительно бежала женщина. Бежала, проклиная идиотов-диверсантов, которые заложили заряд такой мощности, не сообразив, что в случае детонации город будет стёрт с лица планеты целиком, хорошо ещё, что руки у них кривые. И офицера-клона, так некстати попавшегося ей на площади. Невозможное дело, но он её узнал! И сразу же вызвал подкрепление.

Она бежала налегке, бросив нехитрые пожитки, и преследующие её штурмовики отстали, рассыпались по

переулкам, надеясь, что она свернёт, и её удастся перехватить. Ха! Как будто она не чувствовала местонахождение их всех и каждого в отдельности! Лишь два дуболома продолжали преследовать её буквально по пятам, и это становилось реальной проблемой. Хаттовы спортсмены-перворазрядники бежали, как заведённые, не отпуская её на расстояние, на котором можно было бы скрыться из глаз и затаиться. Да ещё и постреливали на бегу. Плазменные плевки пролетали поодаль, но она всё равно готова была уклоняться от огня, если потребуется. Нет, с этим пора кончать. Остальные преследователи достаточно далеко, и… Женщина нарочно свернула в тупик, прижалась к стене, отводя штурмовикам глаза, и, когда они пробежали мимо и оторопело уставились на стену, возникла у них за спиной.

— Всё, — веско сказала она. — Всё, всё, хватит.

Гудение пылающего лезвия как нельзя лучше подкрепляло её слова. Штурмовики медленно обернулись.

— Брось ствол, — приказала она тому, кого ощущала как более слабого. Тот послушно выпустил бластерное ружьё. Женщина перевела взгляд на второго, хотя он вряд ли видел это – на фоне планетарного пожара она, должно быть, выглядела тёмным силуэтом и в видимом, и в инфракрасном спектре: — Особое приглашение?

Штурмовик качнул шлемом и вскинул оружие. Рефлексы сработали быстрее сознания: удар светового меча отсёк противнику правую руку выше локтя и подрубил торс почти до позвоночника. Штурмовик рухнул на мостовую.

— Зачем??? — закричал второй. Сорвав шлем, кинулся к напарнику: — Сержант!!

— Сам виноват, — сказала женщина. Мальчишка-штурмовик, чуть не плача в голос, снимал шлем с сержанта, и она увидела, что это тоже клон, и тоже старый, ещё феттовской серии. Кровь его заливала пермакрит.

— Не надо, парень… — прохрипел он. — Так будет лучше… Чтобы больше никогда… — сержант посмотрел на неё. — Спасибо… Мастер…

Это были его последние слова. Женщина сделала шаг назад. Взгляд её упал на бластер, рукоять которого ещё сжимала отрубленная рука. И вдруг Рати Ситра с болью в сердце поняла, что всю погоню её преследовал огонь лишь **одного** бластера. Оружие сержанта с самого начала стояло на предохранителе.

Дар на продажу

6 ДБЯ, где-то во Внешнем Кольце

Сознание возвращалось рывками, провалами, будто некто не очень умелый поочерёдно щёлкал тумблерами, пытаясь наугад определить, как же, всё-таки, запускается сложнейшая машина под названием «мозг». Болело всё тело, что было уже неплохо, раз есть чему болеть, значит, руки-ноги на месте, остальное тоже. Хуже было то, что она не знала, где находится и как сюда попала. Мысли ворочались с трудом, что-то тупым сверлом постоянно долбило мозг, не давая сосредоточиться. Даже на то, чтобы элементарно понять, что это такое, ушло несколько минут. Наконец, девушка сообразила: ультразвук! Надо заткнуть уши, и станет легче. Но едва она попыталась шевельнуть руками, как запястья словно огнём обожгло. Боль помогла вынырнуть из глубин беспамятства, и она сквозь медленно тающую пелену перед глазами различила, что руки скованы мощными силовыми наручниками.

— М-м-м, — простонала она, пытаясь закрыть скованными руками хоть одно ухо, а второе посильнее прижать к постели, точнее – тому, на чём она лежала, нормальной постелью эти тряпки назвать язык не поворачивался.

— Изнеженная домашняя зверушка, — презрительно произнёс над ней резкий женский голос. Голову девушки бесцеремонно подняли, повернули, надевая фильтр сначала на одно, потом на другое ухо. Давление на мозг тут же исчезло, нормальные низкочастотные звуки стали ясными и чёткими. И в глазах прояснилось. Теперь она могла рассмотреть говорившую. Очень бледная, почти серая кожа, султан рыжих волос на макушке лысой головы, тёмные круги вокруг глаз… и странные руки с

неприятно длинными, как паучьи лапки, пальцами. Вот это плохо. По-настоящему плохо. Об Орре Синг дома рассказывали много, не меньше, чем про Бобу Фетта, и девушка прекрасно знала, какая это мерзкая тварь.

— Человеческий язык понимаешь? — спросила Синг.

— Я понимаю **много** человеческих языков, — несмотря на плачевное положение, девушка отвечала с достоинством. Стараясь не двигать запястьями друг относительно друга, чтобы больше не жгли наручники, она села на ворохе старых чехлов, заменяющих постель. — Зачем Вы меня похитили? Вам нужен выкуп?

— Судя по кораблям, на которых ты летаешь, у твоей семьи нет денег даже на нормальный билет, — презрительно фыркнула охотница за головами. — Сколько они могли бы заплатить? Нет, я поступлю лучше, я тебя продам. Кое-кто предлагает нехилые баблосы за каждого *одарённого*.

Слово, которое употребила Синг, девушке не понравилось ещё больше, чем встреча с самой Оррой. Существа, имеющие связь с Силой, в Галактике называли по-разному. Чувствительные, *фосеры*, или, например, мозгокруты. И лишь одна разновидность адептов использовала для обозначения наличия или отсутствия этой связи пару слов «одарённый» – «бездарный». Ситы.

Довольная произведённым эффектом, Синг вышла, заперев за собой дверь тесной каморки. А пленница попыталась восстановить последовательность событий. Так. Она прилетела на транспортном корабле на базу, где должна была проходить дипломную практику. Причалов для судов такого класса у ремонтного дока нет, поэтому транспорт стыковался к общему причалу. Чтобы добраться от него до гермоворот своего сектора, нужно было спуститься на пять уровней вниз, а так как недавно прилетел ещё и пассажирский лайнер, к лифтам

выстроились огромные очереди. Ждать и толкаться ей не хотелось, и она решила воспользоваться межпалубными пандусами, где обычно передвигались грузовые тележки и дройды. Дура. Помнится, у лифтов она почувствовала что-то вроде пристального взгляда в спину, а значения не придала. Подумала, что просто знакомый увидел её издалека, но спешил и поздороваться не подошёл. Вдвойне дура. Последнее, что девушка помнила – как спускалась по второму пандусу. Дальше – темнота.

В последующие трое суток охотница за головами не особенно баловала пленницу своим присутствием. Заглядывала пару раз в день, задавала один и тот же вопрос «Ты тут не сдохла?», бросала на чехлы пластиковую ёмкость с противной затхлой водой и уходила. За время заточения пленница успела убедиться, что обыскали её очень качественно. Ни иголки, ни булавки Орра ей не оставила, сняла и ремень, и декоративные пряжки с ботинок. Накопитель, конечно, тоже прикарманила, ну, и пусть подавится: без пароля его можно, разве что, отформатировать. А попытается подбирать – форматирование произойдёт само помимо её воли.

Наконец, характерный лязг возвестил, что корабль совершил посадку на металлическую поверхность, скорее всего, ангарную палубу. Значит, скоро Синг придёт за ней. Так и случилось.

— Поднимайся, — сказала она. — Пошли. А то покупатель заждался.

— Наконец-то! — ответила пленница. — Ты, в сущности, права, я летала на таких лоханках, вспомнить страшно. Но хуже твоего корыта в жизни не видела. Звенит, гремит, брыкается, того гляди, разваливаться начнёт.

— Маленькая дрянь! — зашипела Синг и замахнулась. Но не ударила. Вознаграждение было совсем

рядом, только руку протяни, и портить уже доставленный товар она не хотела.

В громадном ангаре их встречал имперский офицер в зелёном флотском мундире со знаками различия контр-адмирала. Он был весь такой пухленький, упитанный, румяный. И очень добродушный с виду. А за его спиной маячили четверо штурмовиков и пара двухметровых дройдов-охранников «Магна». Пленницу это немного удивило, она полагала, что машины этого класса Империя не использует в принципе. Румяный контр-адмирал обошёл девушку вокруг, взял за подбородок, заглянул в глаза.

— Великолепный экземпляр, — констатировал он. — Что ж, госпожа Синг, вот деньги. Поставьте подпись.

Повинуясь знаку румяного, один из штурмовиков подал контейнер с наличностью и деку. Орра Синг размашисто расписалась на экране.

— Пересчитывать будете? — с улыбкой осведомился румяный.

— Зачем? Не джедаи, не обманете. Тут ведь всё, как мы договаривались?

— В точности, — улыбка румяного стала ещё шире. — За наш небольшой контрактик плюс стандартное вознаграждение за голову *одарённого*.

— В таком случае, позвольте откланяться.

— Ведите её, — совсем другим голосом распорядился румяный.

Дройды синхронно сделали шаг к пленнице и толкнули её наконечниками выключенных силовых пик. Несколько минут передвижения по широким коридорам, где офицеры и прочий персонал жались к стенам, пропуская конвой, и вместительная кабина турболифта вознесла их высоко вверх. Если девушка правильно понимала, такие расстояния могли быть лишь на крупной космической станции или Имперском звёздном

разрушителе. Да, точно, разрушитель. Из окон мостика, где они оказались, на фоне чёрного неба была прекрасно видна часть треугольного корпуса исполинского корабля. На подиуме мостика, вокруг тактического стола, работали несколько офицеров.

— Ваше Высокопревосходительство! — чётко произнёс румяный.

Один из офицеров повернулся к ним. Был он выше среднего роста, немолодой, лет примерно шестидесяти, с седеющими волосами, высоким лбом, впалыми щеками, крупным носом и пронзительными глазами пепельно-голубого оттенка. На левой стороне его мундира красовалось сочетание знаков, какого пленница не видела ещё ни разу. Неужели целый мофф? Счастье-то какое, прямо безмерное. Худощавый подошёл ближе, заглянул девушке в лицо, поджал и без того тонкие губы и недоумённо перевёл взгляд на румяного контр-адмирала.

— И что ты мне приволок? — раздражённо бросил он. — Это не она!

— Но наёмница сказала, что девчонка *одарённая*.

— Ну, запри её в камеру, свяжись с Инквизицией, пусть за ней прилетит представитель, — поморщился высокий чин. — Там разберутся, на что она годна.

— Извините, Ваше Высокопревосходительство, я уже взял на себя смелость… И сюда летит сам Лорд лично.

— Лично? Хм. Как любопытно получается… — худощавый потёр задумчиво подбородок, на его лице промелькнуло нечто вроде удовлетворённой усмешки. — Можно считать, ещё одно косвенное доказательство… Жаль, я не смогу сам увидеть его реакцию.

— Что-то срочное? — осторожно поинтересовался румяный.

— Опять объект номер восемь, — махнул рукой худощавый. — Всё приходится контролировать лично.

— Ваше Высокопревосходительство, может быть, казнить этого… — румяный пощёлкал пальцами.

— Нет, ограничимся разжалованием. Вот что, Андал. Я, как всегда, полечу на «Сальмонелле», чтобы не привлекать внимания, а ты встречай Лорда. Отдашь ему девчонку. Да не забудь упомянуть, что я вернусь через неделю. Поглядим, захочет ли он задержаться, чтобы обсудить тот вопрос…

— Понял. Будет исполнено-с.

Дройды подтолкнули её обратно в коридор. Румяный вышел следом.

— Не стоит пытаться бежать, — почти ласково сказал он. — Охрана не застрелит тебя, как ты, может быть, надеешься. Просто в этом случае ожидать аудиенции у Лорда будешь распятой на раме с силовыми полями.

Путь до камеры оказался совсем коротким. Сначала вниз, затем немного по коридорам. Девушка сообразила, что это явно не корабельный тюремный блок, слишком маленькими были его размеры по сравнению с махиной разрушителя. Скорее уж, отдельное место содержания для личных пленников, оборудованное по распоряжению того, худощавого. Внутри камеры размером два на четыре метра находилось возвышение, покрытое жёстким матрацем-подстилкой, туалетная ниша и всё. Не было даже кормушки, а во всех тюремных учреждениях это обязательный элемент, так говорил ей один из программистов на базе – он-то знал не понаслышке, сам сиживал в предвариловке за хакерские атаки.

— Персональные апартаменты для юной леди, — ухмыльнулся румяный. — Посидишь дня два, а затем тебя ждёт много интересного. Не волнуйся, в Академии Инквизиции тебе не понравится, но это именно то, чего от тебя ждут. Возненавидев весь мир, ты быстро окажешься на Тёмной стороне.

— Гад! Да я тебя… — девушка вдруг сообразила, что делает не то, совсем не то. И сменила тон: — Я тебя прощаю, хоть ты и злорадствуешь над тем, кто в твоей власти.

Она села на край возвышения, поджав под себя ноги, развела в стороны локти, а ладони сложила перед собой. Вот теперь правильно: у румяного заметно вытянулось лицо.

— Страстей нет, есть покой… — тихо, словно ей безразлично, слышат ли её, видят ли, произнесла она. — Смерти нет, есть Сила.

— Ну-ну, джедай доморощенный, — румяный усмехнулся, но она видела, что сомнения у него, всё же, возникли.

Запертая дверь, ровный свет потолочных ламп, разные механические звуки извне, передающиеся по дюрастиловым стенам и полу. Пленница достаточно слышала о Лорде и Тёмной стороне в целом, чтобы понимать: встречаться с Вейдером ей нельзя. За эти два дня нужно отыскать способ либо выбраться отсюда, либо, хотя бы, покончить с собой. Смерти она боялась точно так же, как почти любое живое существо, но выхода не было. На допросе у Лорда она расскажет всё, что знает, а разных важных сведений в её голове хранилось слишком много, в университете её всегда хвалили за цепкую память. Пока ничего путного не придумывалось. Да, она уже успела прочувствовать, как проходят по стенам и за потолком трубы, но пока не знала, каким образом это можно использовать, ведь непосредственно над камерой их не было, только в коридоре. Оставалось сидеть неподвижно, прикрыв глаза, сохраняя концентрацию и пытаясь **звать** в надежде, что её почувствует кто-нибудь из своих. Вероятность этого была крайне мала, слишком ограничены её способности, и всё же, не стоило пренебрегать даже призрачным шансом.

Когда рабыня-твилека принесла ей еду, девушка чуть не вскрикнула от неожиданности. У женщины была не бирюзовая, а нежно-салатового оттенка кожа и серые глаза, но в остальном твилека невероятно напоминала её подругу! Нет, не так: это подруга была похожа на женщину в ошейнике, по возрасту та ей в матери годилась. Радуясь, что успела сдержаться – в камере наверняка имелся голографический глазок, и не один – девушка постаралась внимательнее рассмотреть твилеку. Ну, да, и подбородок, и форма скул, и губы, и кончик носа, всё было очень знакомо. Нола говорила, что от отца ей достались только глаза, а остальное… Надо было рисковать. Девушка поела, дождалась возвращения твилеки и тихо, на пределе слышимости, произнесла:

— Кои…

У той дрогнули лишь ресницы. Затем рука словно бы невзначай сдвинулась так, что оказалась прикрыта торсом, и твилека погрозила пальцем. Ага, значит, отсюда не видно ни глазкам, ни стоящему в дверях дройду.

— Госпожа, — нарочно тоненьким заискивающим голоском пролепетала девушка, — можно мне ещё воды? Здесь очень сухой воздух, я заболею.

— Хозяин позволит – принесу, — грубым тоном ответила твилека. А глаза её смотрели ласково и ободряюще.

«Магна» сдвинулся в сторону, выпуская рабыню, дверь камеры задвинулась. Девушка хотела усесться в прежней позе, но потом подумала, что не случится ничего дурного, если она приляжет ненадолго. И незаметно для себя уснула.

Ей приснилась рубка корабля. Пилотское кресло, дышащая в руке ручка ориентации, далеко вперёд сдвинутая рукоять главной тяги… И ощущение полёта, радостное и ни с чем не сравнимое. А затем пленница мгновенно проснулась. У неё было странное ощущение,

что сон этот кто-то подслушивает. Может ли быть такое? Вейдер, наверное, смог бы, но его на разрушителе ещё нет. Ведь нет же? Наверное, почудилось. Зашипела, откатываясь по направляющим, дверь камеры. На пороге стояла Кои.

— Вопрос, — тоном, не терпящим возражений, сказала она. — Откуда знаешь меня?

— Не Вас. Нолу.

— Ясно. С ней всё хорошо?

— Да. Жива. Здорова. У нас.

— Отлично. Не волнуйся. У нас девять минут. Оператора слежения я усыпила, запись подделала.

— Тётечка! — девушка кинулась к твилеке и буквально повисла у неё на шее. — Спасите меня! Или… или помогите умереть. Сюда летит Вейдер. Нельзя, чтобы я к нему попала, я столько знаю!

— Ну, ну, детка! — твилека успокаивающе гладила её по голове. — Не надо так отчаиваться. До Вейдера ещё больше суток. Я что-нибудь придумаю. Дай мне день на подготовку, а завтра ночью…

— Какая мелодрама! — послышался из коридора медоточивый голос румяного Андала. — Назад! Ах ты, сучка хвостоголовая! Давно надо было заподозрить, что с тобой что-то не так. Слишком уж ты идеальна.

— Проклятье, — пробормотала Кои.

Оружие в руках толстячка смотрело на женщин чёрным срезом ствола.

— А ты что уставилась, зверёныш? — сказал он, обращаясь к девушке. — Бластер мой ты не перехватишь, у него блокировка.

— И не надо!

С громким щелчком на стене над дверью лопнула одна из труб, и в лицо Андала брызнула струйка пара. Румяный взвизгнул, хватаясь за глаза, и в то же мгновение

твилека сбила его с ног, ударила локтем куда-то в район шеи.

— Бежим! — приказала она. — Восемь минут!

— Вы его убили?

— Хотелось бы, да нельзя, датчик жизни.

Девушка кивнула, она знала, что такие датчики имперцы вешают на своих часовых. Если часового убьют, приборчик поднимает тревогу. Существовали и более сложные устройства, реагирующие на ранение или сон, но в армии считали, что у них слишком высока вероятность ложного срабатывания, и массово не закупали. На их с твилекой счастье.

Туфли тогруте пришлось бросить в камере: на тоненьких каблуках по кораблю особо не побегаешь, ноги переломать недолго, да и стучат они, как барабанные палочки. Твилека быстро и бесшумно вела её всё дальше по лабиринту коридоров. Пленница чуть замешкалась, пробегая перекрёсток, и в этот момент из бокового коридора прямо на неё вышел имперский офицер. Испуганная девушка действовала почти рефлекторно. Она отшатнулась, на стене лопнула ещё одна труба, и из неё прямо в руки девушки выпала длинная сосулька. Ею она наотмашь, «с окаянной», и ударила имперца в висок. Тот попытался прикрыться рукой, но только чуть смягчил удар и рухнул, как подкошенный. Твилека подхватила откатившийся кодовый цилиндр.

— Однако! — покачала головой она, подталкивая пленницу к незаметной двери в стене коридора. — Кто тебя учил?

— Никто, сама.

— Талант!

— Ну, я больше ничего и не умею.

— Слушай меня внимательно. Спускаемся на четыре уровня, там ангар левого борта. Нам нужна либо «лямбда», такая, с крыльями домиком, либо «скипрэй»…

— «Скипрэй» знаю, у нас есть.

— Прекрасно. Надеюсь, коды этого летуна подойдут. Как-никак, целый капитан.

Первое, что они увидели, выбежав на ангарную палубу – готовый к вылету челнок «лямбда». Радуясь своему везению, женщины бросились к нему. Через транспаристиловую стенку командно-диспетчерского пункта на них глядел неподвижными глазами мёртвый дежурный офицер. Его детектор жизнедеятельности был аккуратно переклеен на щёку спящего старшины-связиста. Снаружи другой челнок, проводивший регламентный осмотр корпуса, вот уже второй раз тщетно запрашивал разрешение на посадку…

Капитан Джей Лоусон лежал в коридоре лицом вниз. Из ссадины на голове текла кровь, заливая правый глаз, но капитан улыбался. «Лямбда» беглянок только что покинула ангар «Душеприказчицы». И только после этого на корабле взвыли ревуны боевой тревоги. Капитан был уверен: крошка тогрута справится с челноком, не зря же он проверил её в Силе час назад. А потом, падая, незаметно вытолкнул из кармашка кодовый цилиндр прямо под ноги твилеке. Он искренне скорбел о дежурном офицере, но первый лейтенант Драо Хнобст, увы, оказался мутантом, иммунным к ментальному воздействию… К капитану бежали санитары. Он сосредоточился и добросовестно потерял сознание.

— Упустили?? — прорычал лорд Вейдер, и Андал Маркул захрипел, чувствуя, как невидимая костяная рука сдавила гортань. Тёмный лорд продолжал: — Запись! Покажите её голограмму!

— В-вот… — с огромным трудом выдавил Маркул, нашарив нужную клавишу управления. — Пожалуйста, м-милорд.

— Это не она!

— Так точно, милорд! — Маркул перевёл дух и подумал, что на этот раз гроза, похоже, пронеслась мимо. Нет, с него довольно, вот вернётся Таркин, и надо подавать в отставку. Маленький трёхэтажный домик на курортной планете с небольшим садиком в два акра[1] и отличная космическая яхта ждут – не дождутся своего владельца.

— Каким же образом ей удалось сбежать? — спросил Вейдер более ровным голосом.

— Информация этой Орры Синг подтвердилась, милорд. Девчонка, действительно, владеет какими-то аспектами Силы. Я пришёл, чтобы допросить её, а она обожгла меня паром из водопроводной трубы и сбежала.

— Одна?

— Н-нет, к сожалению. Ей помогла рабыня.

— Ваша рабыня? Та твилека?

— Да, милорд.

— Как же надо было с ней обращаться, чтобы она бежала с первой же попавшейся пленницей? Вы её истязали? — в голосе Вейдера проскользнула нотка брезгливости.

— Нет-нет, — замотал головой Маркул, — что Вы, милорд, пальцем не трогал. Единственное, что приходит в голову – Китти была тайным агентом одного из кланов Рилота.

— Вы так спокойно об этом говорите? В Вашем аппарате работал чужой агент, а Вы **улыбаетесь**??

— Но, милорд, кланы нейтральны… — пролепетал Маркул.

— Полагаете, что этот факт Вас оправдывает?

— Нет, о нет. Милорд, я виноват, это больше не повторится!

— Безусловно.

---

[1] *акр* – имперская (англоамериканская) мера площади, около 40 соток

Маркул почувствовал, как ноги его отрываются от пола, и вовсе не потому, что у него вдруг выросли крылья. Последняя мысль старого казнокрада была о том, что в отставку, всё же, следовало подать в прошлом году.

Стреляющие тени Рилота

У незнакомого посёлка,
На безымянной высоте…
М.Матусовский

21 ДБЯ, сектор Гаулус, Рилот

За последний час солнце приподнялось над горизонтом на максимальную высоту, и на гребне стены ущелья становилось всё жарче. Но что значила буквальная жара в сравнении с тем адским пеклом, что творилось внизу! Там кипел бой. Сепаратисты волна за волной накатывали на подразделение клонов, и когда очередная волна жестянок отходила, среди камней и чахлых кустов оставалось всё больше неподвижных фигур в белой броне. Подкреплений ждать было неоткуда, силы неумолимо таяли, а дройдам, казалось, не будет конца.

Фийн Токвема лежала, укрывшись между камней, прижимала к глазам макробинокль, который позволял видеть сражение во всех неприглядных его подробностях. Время от времени она бросала в микрофон комлинка короткие команды, направляя на врага смерть, невидимую и неощутимую до того момента, пока она не ударит в корпус очередной вражеской машины. Заряды трёх тяжёлых плазменных ружей разрывали на части безголовые фигуры Б2, прошивали защитные поля дройдек, сплавляли в оплывшую массу подвижные части пушек средних танков, лишая их возможности вести прицельный огонь. Если бы ещё скорострельность! Увы, для перезарядки буферного накопителя требовалась четверть минуты, и с этим ничего нельзя было поделать. Такова плата за компактность и приемлемый вес ружья.

— Двойка, смена позиции! — скомандовала Фийн. Выстрел из «снайперки» сложно засечь в чехарде боя, но, всё, же возможно, и пара, остающаяся на месте слишком

долго, рискует схлопотать заряд из танковой пушки или, того хуже, торпеду с летучей «гиены», после которой хоронить обычно нечего. Правда, летающие бидоны позиции клонов почти не тревожили, выпускали ракеты с дальней дистанции в белый свет, как в децикред, и уходили. Всё потому, что двадцать минут назад Сумари Дару удалось завалить одну «гиену» на пролёте, и управляющий центр, очевидно, дал команду не входить в зону возможного зенитного огня. Делать сложные противозенитные манёвры на Рилоте не позволяли вечные пассаты, дующие с ночной стороны планеты на дневную. Силу их можно было сравнить с девятибалльными штормами других, более спокойных планет. Фийн поджала губы. Она-то знала, что последний турболазер клонов разбит, и ничто, кроме их ружей, не способно теперь бороться с «гиенами». Хорошо, что жестянки, как обычно, тормозят и поймут это нескоро. А Сумари, между прочим, стала хорошим стрелком. Можно, пожалуй, переводить её в постоянные первые номера, а себе брать новую, молодую ученицу. Если, конечно, в клане найдётся подходящая… Фийн гибким кончиком лекки стукнула в микрофон комлинка, это означало, что обращается она к напарнице:

— Креш-три, влево пятнадцать, прорыв!

— Принято.

Два выстрела, три… Фийн была вынуждена дать команду ещё одному ружью перенести огонь на этот участок, иначе Б2 сошлись бы с клонами вплотную. Отбились! Ох, надолго ли?

Когда час назад генерал Има-Гун Ди, громадного роста *найкто* с пронзительными голубыми глазами, храбрец и умница, отдал приказ подорвать последний «нерф» у развалин Шестого Посёлка, Фийн поняла: это конец. Всё, что можно сделать – оттянуть момент гибели солдат гарнизона до тех пор, пока мирные граждане не укроются в дальних катакомбах Каладина. И гарнизон

держался, а они прикрывали солдат сверху – такая малость после уничтожения станкачей. Если бы здесь оставались ополченцы, можно было бы спасти и часть солдат, вот туда, в узкие норы пригорода, где *лайлек* ногу сломит, не то что дройды. Однако, «пламенный борец за свободу» Синдулла смотался одним из первых, уводя с собой всех боеспособных мужчин. Мерзость, всё-таки, эта политика и все политики до кучи! Фийн поморщилась, отгоняя неприятные мысли, легко скользнула по камням в направлении Сумари.

— Смена позиции!

По всем правилам ей давно положено было отдать другой приказ, но внизу, в ущелье, всё ещё сражались те, прикрывать кого направили её Старейшины. И она собиралась выполнить задачу с честью, как любая женщина клана. Пользуясь минутой затишья, напарницы перетащили ружьё и запас батарей подальше к левому флангу, откуда удобнее было зачищать слишком обнаглевших жестянок. Сменила позицию и пара-три.

— Эта атака будет последней, — Сумари, дочь титульного семейства клана, смотрела на Фийн большими серыми глазами, и во взгляде её была боль.

— Да, моя маленькая баронесса, — вздохнула Фийн. — Они выполняют долг, потому что его не выполнил кое-кто ещё. И умирают за нас. Будь готова.

Клонов оставалось едва ли больше десятка. Проклятье! Жестянки применили гранаты, это означало, что командный центр считает дистанцию кинжальной, дальше – рукопашная. В этой мешанине невозможно будет выбрать цель. Сумари впритирку к голове генерала срезала ещё одного Б2. Внизу осталось только двое своих – сам генерал и тяжело раненный ротный Кили. Они стояли спина к спине, и дройды окружали их.

— Девочки, — тусклым голосом произнесла Фийн. — Прощальный салют.

Опыт показывает, что позицию снайпера, не «зашумлённого» огнём других средств, засекают после второго выстрела. Этот-то «прощальный салют», по паре зарядов на ствол, делали сейчас её стрелки перед тем, как отойти. Едва слышно скрипнул ускоритель, разгоняя последний заряд, и её девочки синхронно отпрянули от краёв стены, оттаскивая оружие. Вторые номера уходили с небольшой задержкой, ловя в прицелы бластерных карабинов возможную угрозу. И в этот момент над позициями жестянок, над головами снайперов с электрическим шорохом пронеслись сигаровидные туши республиканских транспортов. Два звена шнельботов шли поодаль, длинные рыла их пушек изрыгали плазму, накрывая какие-то цели там, далеко за спинами последних защитниц позиции. Гуманитарный конвой! Они, всё-таки, прорвались! Что ж, по крайней мере, планета получит партию продовольствия, а какое-то количество раненых отправятся в госпитали Панторы и Набу.

Фийн и вторые номера догнали снайперш в полусотне метров от места боя, в выемке, где те деловито разбирали оружие на части. Хрупкий многофункциональный прицел – в чехол. Ускоритель – снять. Приклад с резервуаром *тибаны* – отсоединить. И всё закрепить на ранцевой площадке.

— Отходим по оврагу! — распорядилась Фийн. — Синья, какая информация об обстановке?

Раненная в плечо осколком ракеты Синья Эян на бегу одной рукой возилась с декой, сделав лекками знак: секундочку. У девчонки это был первый бой, и она излишне старалась, потому и пострадала. Встать за турболазер, оператор которого погиб от снаряда – отважный поступок, но очень неосмотрительный. Позиция засечена жестянками, стрелять с неё было смертельно опасно, и хорошо ещё, что щит и преобразователь приняли на себя основную часть осколков реактивной гранаты.

— Командир, наблюдатели сообщают, что дройды высаживаются везде, — доложила Синья. — Салкааса, Лебрийн, Набат…

— Наследница!! — одновременно ахнули Фийн и Сумари. Именно в Набат, подальше от столицы, с началом боевых действий отправили Наследницу Крови. Да, с позавчерашнего дня, когда Лонай Дару погиб в бою над космодромом Салкаасы, она точно Наследница, вне зависимости от того, жив Нат Секура или нет. Впрочем, кто и когда замечает Дару? Их зовут, если Секурам или Феннам покажется, что голова какого-нибудь поганца непозволительно долго остаётся на плечах. А в число влиятельных клан не входил никогда, хотя и свою «дюжину имён» имел, и в финансовом плане был не из последних. Вот если не объявится Нат, тогда… Тогда девочка унаследует ещё и кровь сильнейшего из кланов планеты.

— Синья, детка, сможешь поддерживать темп? — спросила Фийн. — К сумеречному часу нам нужно пройти пятьдесят кликов.

— Смогу, — кивнула девушка.

Они бежали мерной заученной рысью, изредка переходили на шаг, чтобы перевести дыхание, снова бежали. На коротких привалах – немного воды, только чтобы поддержать баланс организма. И снова вперёд. По оврагам и каньонам, через заросли кустарника, цепляющегося за склоны. Несколько раз приходилось идти в обход, так как овраг, ещё вчера проходимый, оказывался завален. Подниматься выше, на ровную, как стол, поверхность плато, было нельзя. Всего в нескольких метрах от верхних, словно по линеечке подстриженных, ветвей кустов проносились струи пассата. Именно они за десятки тысяч лет так отполировали эти скалы, не позволяя закрепиться на них ничему живому.

— Вижу сбитого! Наш, — Сумари указала в направлении небольшого скального выступа. Из-за него

виднелась заострённая кормовая часть одного из тех самых шнельботов.

Экипажи этих маленьких корабликов – самые отчаянные ребята после коммандос. Если что не так во время атаки, «нерф» с десантом может уйти с планеты, способно дотянуть до низкой орбиты и «коромысло» с подвешенным танком. Шнельбот – нет. Такова плата за скорость в атмосфере. Без буксира или большого корабля катерники обречены остаться на планете. Чаще всего – занятой врагом. Фийн надеялась, что хотя бы пять из шести шнельботов добрались до транспортов и эвакуированы.

— Проверяем, есть ли живые, — распорядилась она.

Живых членов экипажа не оказалось. Пилоты погибли при ударе о скалу, оператор же… Он с кем-то дрался и был убит ударом виброклинка между пластинами брони. Фийн не потребовалось слов. Взмах руки – и остальные женщины, рассыпавшись, быстро осмотрели ближайшие окрестности места катастрофы. След посадки нашла Налан, первый номер пары номер два. Судя по расположению и форме посадочных опор – вооружённый челнок Техносоюза.

— «Мясо», — констатировала Сумари.

— Да, диверсионная группа «мочил» или трандошаны, — сказала Фийн. — Вряд ли они спустились добить единственного солдата, а потом решили полюбоваться достопримечательностями.

— Следы уходят примерно в нужном нам направлении, — сообщила Палакви, напарница Налан.

— Ну, что ж, тогда пойдём следом, догоним и при случае познакомимся, — Фийн говорила обыденным тоном, тем не менее, увидев её лицо, наёмники однозначно бы потеряли всякий интерес к знакомству и поспешили бы вовсе убраться с планеты.

Двигавшуюся в маршевом темпе группу наёмников женщины догнали через полчаса. Шестеро существ разных

национальностей, увешанные оружием. Один, слишком молодой, чтобы быть предводителем, оторвался шагов на двадцать вперёд. Очевидно, изображал передовой дозор. Фийн быстро оценила поклажу наёмников. Два ракетомёта, десять зарядов к ним и увесистые контейнеры. Похоже на бинарную взрывчатую смесь. Что же они хотят здесь взорвать, если планета фактически в их руках? А, скорее всего, станцию слежения Серый пик. Вернее, не саму станцию, без перехватчиков она бесполезна, объект диверсии – нода, обслуживающая даталинки во всей округе. Уничтожь передатчики и процессоры – и оставшиеся ополченцы превратятся в разрозненные полуслепые группы, без разведки, без возможности координировать действия. Бомбардировкой ноду не взять, вместе со станцией она укрыта глубоко в горе, а антенны расположены на самом пике и соседних вершинах в выплавленных проходческим лазером узких щелях. Лишить энергии тоже не получится: аварийные генераторы проработают стандартную неделю,[1] а за это время ополчение успеет сделать немало «добрых дел» захватчикам.

— Этих будем зачищать, — распорядилась Фийн.

— Вижу удобное место для засады! — тут же отозвалась Синья, привстав и подкручивая настройки бинокля.

— Не торопись. Один мой знакомый зверолов любил говорить: лучше побегать от зверя налегке, чем волочить до лагеря тушу на себе. Направления у нас совпадают. Так пусть понесут пока ракетомёты. Займёмся ими в сумерках, когда остановятся на ночлег.

Дальнейший путь можно было бы назвать необременительной прогулкой, если бы не нервное напряжение. Скорость движения наёмников была

[1] В галактическом календаре неделя пятидневная, 120 часов

значительно ниже, чем привыкли твилеки. Несколько раз Сумари обходила «солдат удачи» спереди и пропускала мимо себя, слушая их разговоры. Наёмники говорили на *бочче*, кто-то из них не владел *базиком*, либо вот то бесхвостое ящероподобное существо, либо странная фигура в маске, с головы до ног плотно укутанная в пятнистую коричневую ткань. Из реплик наёмников удалось выудить главное: они действительно идут к хребту, где расположен Серый пик. Солнце, наконец-то, спустилось к горизонту, от кустарников и скал потянулись длинные вытянутые тени. Холодало. Слабые отголоски пассата, мирные и безопасные на таком расстоянии, начали проникать в долину, смягчая жару. Они приносили с собой Тёмные Запахи, знакомые каждому жителю Рилота, хотя мало кто имел представление, какие цветы или животные испускают эти ароматы.

— Остановились, — доложила Синья. — Устраивают бивуак.

— Прекрасно, — голос Фийн был тих, как дуновение Нижнего Ветра. — Здесь наши дороги и разойдутся.

Наёмники поужинали разогретыми на термобрикетах консервами и улеглись спать, выставив часового. Старший группы назначил смены и предупредил, что подъём будет ранним, как только первые сполохи короны звезды покажутся над горами. До Серого пика оставалось примерно четыре часа пути, а задание должно быть выполнено к полудню. Вторая смена досталась Томусу Иррайлу с планеты Броэст. Закутанный в неизменный пятнистый бурнус Тзокет растолкал его, проверил, не забыл ли он зарядить и поставить на предохранитель бластер и завалился спать. Томуса такое поведение злило. Хатт побери, ему уже двадцать четыре года, из них три он работает по найму. Ему доверяют непростые задачи, не сомневаясь, что он справится, а в таких вот мелочах нянчатся, как с младенцем! Особенно этот тускен – или

косящий под тускена, хатт его разберёт – Тзокет. Тьфу! Он бродил вокруг спящих и зорко вглядывался в полумрак местной ночи объективами усилителей изображения. Злость постепенно отпускала. Странные запахи родины хвостоголовых совершенно не походили на ароматы лугов и полей его родной планеты и, возможно, поэтому так хорошо успокаивали. Томус прекрасно помнил ферму своего отца, распаханные поля, землю, в которой копались поколения его предков, и сам бы он копался до смерти, если бы вовремя не сделал ноги. Пусть бездари и неучи роются в грязи, а он, Томус Иррайл, откроет свой бизнес и когда-нибудь вернётся домой с целым состоянием, чтобы навсегда избавить отца и мать от фермерской каторги. Вот только поработает ещё пару лет в наёмниках и подкопит деньжат на стартовый капитал. На этой планете группа выполняла уже четвёртую задачу, за каждую хорошо платили, и если уничтожение одной из столичных водопроводных станций и пусковой установки противоракет были достаточно опасны, то здесь… Безлюдная местность, где нет ни строений, ни нор, откуда так любят шмалять исподтишка аборигены. Местные хищники такой опасности не представляют, у них нет бластеров. Взломать взрывозащитные ворота ретранслятора будет не так просто, но взрывчатки, что несёт с собой группа, хватит и на вход, и на основное задание.

Какой-то звук? А, нет, это просто Цур всхрапнул во сне. К Цуру Томус относился неплохо, ну, хвастлив немного, но кто из нас без недостатков? Взять, хотя бы, его россказни о том, как на флоте он отучил себя храпеть. Плёл что-то про старинные «техники», про медитацию, а на самом-то деле всего лишь приучился слышать во сне собственный храп и по этому сигналу поворачиваться на бок, как дрессированная крыса по щелчку. Зато в драке Цур просто демон. Как он бросает гранаты! С подрывом в

воздухе, высший пилотаж! У самого Томуса пока не получалось так точно, разброс точки подрыва составлял несколько метров, один раз чуть себя осколками не посёк. Иррайл посмотрел на хронометр. О! Пора сменяться. Улыбнувшись, он направился к спальнику Цура.

— Эй, Цур! Смена караула! Поднима… — Томус тронул коллегу за плечо, и крик застрял у него в горле. Голова Цура откатилась в сторону от тела. Клапан спального мешка был сплошь пропитан кровью, чёрной в слабом свете местной луны, и вокруг начинала растекаться лужа.

— Э? А… Йу-у… — захрипел наёмник, бросаясь к остальным. Все они были так же безнадёжно мертвы, трое заколоты, один задушен тонким чёрным шнуром. Пять трупов лежали в спальных мешках, ни один из них не успел не только потянуться за оружием, но даже начать просыпаться. А где само оружие? Ни бластеров, ни ракетомётов не было, лишь контейнеры со взрывчаткой продолжали стоять так, как поставили их вечером наёмники. Томус быстро присел, поводя стволом бластера. Ну, где вы? Твари хвостоголовые! Опять исподтишка?? Напасть на бодрствующего воина побоялись?? Он всадил очередь плазмы в показавшийся подозрительным куст. Тот вспыхнул, разгоняя мрак. Иррайлу послышался какой-то шорох в отдалении, он щедро брызнул огнём и туда. И только после этого понял, что аборигены ушли. Надо беречь заряды. Запасных батарей взять будет негде, всё унесли эти хвостоголовые. А ему ещё нужно устроить диверсию. Да! Он, Томус Иррайл, один выполнит заказ, и денег получит в шесть раз больше! Он подошёл к контейнерам со взрывчаткой. Больше двух одному не унести… И тут одна маленькая деталь, которой он не заметил раньше, заставила Иррайла отпрянуть. Лента! Сорванная лента на горловине контейнера. Прежде чем уйти, аборигены смешали компоненты! Теперь

контейнеры не только переносить, наклонять было опасно. Наёмник сделал шаг назад, но запал термобарической гранаты, насторожённый «на отдаление», уловил его присутствие. И шаг стал последним в жизни Иррайла.

Взрыв был такой силы, что обрушились каменистые склоны оврага. Столб пламени поднялся вверх… и был мгновенно сметён вечным пассатом. От стоянки наёмников не осталось ничего, только ровная полузасыпанная камнями выжженная плешь. А шесть женщин, которых клан научил не только стрелять, уходили по оврагам и распадкам всё дальше в направлении Набата, где ждала их помощи девочка с глазами цвета осени.

За три с половиной дня группа прошла почти триста километров по оврагам и долинам. Там, где по поверхности передвигаться было не просто нельзя, а абсолютно невозможно, ненадолго спускались в каньоны или подземные галереи, затем вновь поднимались наверх – так спокойнее. Населённые пункты обходили, приближаясь лишь настолько, насколько требовалось, чтобы оценить обстановку. И везде видели примерно одно и то же. Отряды дройдов под командованием живых офицеров – неймодиан, финдиан или муунов – устраивали повальные обыски, твилеков, у которых находили что-то предосудительное, без долгих разговоров расстреливали прямо у порога собственного дома. А предосудительным, по мнению сепов, было не только оружие, но и датапады военного образца, и даже продовольственные пайки с республиканской маркировкой. За несколько таких коробок финдианский офицер приказал казнить целую семью – супружескую пару и подростка. Велик был соблазн начать отстреливать негодяев, и именно этого финдианина в первую очередь, однако, Фийн сдержалась, несмотря на осуждающие взгляды товарок. Да, без дройда-тактика или живого командира простые жестянки

зверствовать не станут, они запрограммированы на военные действия и не стреляют в безоружных. А что будет, когда прилетят новые офицеры? Прикажут казнить каждого десятого? Такое случалось на других планетах. Нет, Фийн не собиралась умножать количество жертв и вела группу дальше, в направлении города Набат.

— Что здесь произошло? — недоумевала Сумари, оглядывая панораму улиц-каньонов в электронный бинокль. Они с Фийн лежали, укрывшись за каменными останцами, на высоте, с которой неплохо просматривались северо-западные кварталы Набата.

— Надеюсь, не самое худшее, — отозвалась командир.

— Где, в таком случае, все жители?

— Очевидно, куда-то согнаны. Здесь они, похоже, не зверствовали, видишь, ни одного убитого. Где дом семьи Брилов?

— Смотри, вот торговая палатка без тента, вправо десять, фасад с двойным навесом.

— Вижу. Не нравится мне, как повреждена входная дверь. И следы…

Сумари добавила увеличение, озадаченно потёрла бровь:

— *Гаткёры*? Они обычно не заходят в города.

— Значит, кто-то их отловил и выпустил на улицы. Схожу, посмотрю.

— Позволь лучше мне, Фийн?

— Хорошо, я прикрою.

Сумари возвратилась через десять минут и сообщила, что в доме совсем недавно кто-то был. Гаткёры недаром туда ломились. Но следов пиршества хищников не видно.

— Зато в спальне есть решётка циркуляционной системы, её часто поднимали, — добавила она. — Возможно, и сегодня тоже.

— Таким образом, понятно, куда делись те, за кем охотились гаткёры, — кивнула Фийн. — Ты топологию местных кяризов[1] знаешь?

— Нет.

— Значит, не полезем. Идём, нам надо отыскать жителей.

Население города женщины нашли меньше чем через час, на городском стадионе. Жители сидели и лежали в центре арены, вокруг развёрнутого сепаратистами командного пункта. А вдоль скальных стен, обрамляющих трибуны, стояли громадные шагающие орудия. Их расположение наводило на мысль, что старший воинский начальник – вот тот важного вида тактический дройд – планирует использовать их против десантных кораблей в дополнение к четырём турболазерным башенкам, развёрнутым наверху, над стадионом. Жителями же металлический ублюдок решил прикрыться от бомбардировки. Знает, что республиканцы, в отличие от него, гражданское население будут щадить.

— Дройдов здесь, кстати, не так уж и много… — прошептала Налан на ухо Фийн.

— … и орудия не имеют силовой защиты, — поняла её с полуслова Токвема. — А что делать с турболазерами?

— Расположены неудачно, смотри, какая здесь позиция для нас.

— Так-то оно так, но и уйти нам не дадут. Плюс три танка внизу.

— Надо думать.

Фийн взяла деку, нанесла расположение противника, и они стали прикидывать, что можно предпринять в такой ситуации. По всему выходило, что группа гарантированно

---

[1] *кяриз* - система орошения в поселениях Рилота, примерно такая же, как в Афганистане, с той разницей, что служит ещё и своеобразным «центральным кондиционером» для жилых помещений, охлаждая и увлажняя воздух

погибала, в то время как успех диверсии был при этом вовсе не гарантирован. Башенки, в отличие от орудий внизу, имели генераторы дефлекторного поля, уничтожить их одним выстрелом из ракетомёта не получится – защита врубится автоматически, как только сенсоры засекут вспышку пуска. Заклинить лазеры внезапным выстрелом из ружья тоже не выйдет, это не танк, зазоры там – пролезть можно, а навешенные поверх них наклонные щитки прекрасно отражают плазму. Значит, что? На одну башню потребуется две ракеты и несколько выстрелов из снайперского ружья. М-да, вторую ещё можно успеть, а потом танки и два оставшихся турболазера достанут группу. Нет, напролом тут не получится, слишком мало сил.

— Жестянки куда-то собрались, — доложила Сумари, которая наблюдала за обстановкой внизу.

— Видимо, вот туда, — Фийн указала на дым, показавшийся над соседними кварталами. — Это нам на руку. Слушайте: если у нас не хватает огневых средств, надо их получить. Захватываем цели номер один и четыре, сносим из них два и три. Одновременно ты и ты бьёте ракетами по орудиям внизу. В отсутствие танков это реальная возможность.

— Вот же… — Сумари выругалась такими словами, какие приличной девушке и знать-то не положено. Фийн кинулась к ней заглянула вниз… и не поверила своим глазам. Двое республиканских солдат-клонов и мужчина-человек, в руках которого пылал световой меч, молниеносно расправившись с конвоирами, освобождали заложников. Не замечая, что стволы турболазеров в башнях на гребне, до этого смотревшие в небо, уже пришли в движение, башни окутало защитное поле. Кто его только рожал, этого долбанного джедая??

— Отмена! — скомандовала Фийн. — Все, сосредоточенным, по цели номер два с переносом на цель три. Двойка-прима, командуй!

И метнулась к ближайшей башенке турболазера. Её тут же заметили сенсоры, но теперь дройдам надо было просчитать решение, и все башни замерли на секунду, пока их командир перераспределял цели. И тут ударили ракетомёты. Теперь ситуация стала ясна даже дройдному мозгу. Лишившаяся полей «цель номер два» и её соседка, довернувшись, залили огнём то место, откуда стартовали ракеты. Разумеется, стрелков там уже не было, они, как и планировалось, укрылись за соседним каменным останцем. А залп трёх плазменных ружей добил башню номер два. Оператору «цели три» снова пришлось переносить огонь, и ему на подмогу разворачивались стволы башенок один и четыре. Лазерный огонь лишь плавил равнодушные ко всему камни и поджигал растительность, окутывая площадку дымом, к несчастью, недостаточно плотным, чтобы поглотить импульсы. Скорее! Фийн, словно преодолевая быструю реку, продавила собой защитное поле, как кошка, взлетела по наружной конструкции башни к куполу. Короткой очередью из бластерной винтовки под край снесла подвижный щиток сбоку от турболазерных стволов. Граната, чтобы разом покончить с установкой, у неё имелась, однако, использовать её сейчас было нельзя. Вместо этого твилека ужом проскользнула внутрь башни. Выстрел в дройда Б1, оставленного здесь для устранения мелких неполадок и самообороны. И – прикладом по проводам, связывающим казённик с мозгом автоматического оператора. Откинув складные рукояти ручного управления, Фийн развернула колпак в направлении «цели номер четыре» и надавила спусковые клавиши. Спустя две секунды – рекорд сообразительности, однако! – та огрызнулась ответным огнём. Это было похоже на дуэль двух древних воинов, что в незапамятные времена разгонялись навстречу друг другу на верховых животных, держа копья наперевес. Кто кого вышибет из

седла. Краем глаза Фийн видела, как из башни номер три потянулся чёрный дым, и столб его становился всё толще. Внизу тоже что-то происходило. Скалы вздрогнули от мощного взрыва. И, словно в ответ на него, лопнуло защитное поле башни четыре. Дройдный мозг не боялся гибели, поэтому продолжал стрелять даже тогда, когда импульсы Фийн располосовали колпак. Затем в турболазере что-то замкнуло, и начался фейерверк. А над стадионом уже появились две треугольные туши штурмовых кораблей Республики.

Фийн развернула лазер, приблизила изображение в прицеле, оценивая, не требуется ли помощь. Нет, уже не требовалась. Клоны, джедай и бывшие заложники проверяли, не осталось ли на стадионе недобитых жестянок. Ну-ка, а кто это вот там? Наследница, живая и здоровая, на руках двоюродного дяди Нилима Брила. Фийн облегчённо вздохнула.

Нижнюю дверь башенки сепы, как обычно, приварили к косяку «в целях безопасности», и Фийн пришлось срезать её шнуровым зарядом. Она вылезла в образовавшееся отверстие, поискала глазами своих… и улыбка тут же сползла с её лица, а радостное чувство выполненного долга улетучилось без следа. Синья Эян лежала навзничь на камнях, глядя остановившимися глазами в хмурое небо. Первые капли дождя падали на её спокойное, умиротворённое лицо. Место, куда попал плазменный плевок, подруги прикрыли плащом и молча стояли над телом, стараясь глядеть в сторону.

— Патруль жестянок, — мрачно сообщила Налан. — Я подбежала, а она… «Не говорите маме». И всё.

Надо было сказать какие-то подобающие слова, но Фийн не могла найти ни одного. Что тут скажешь? Мучительно больно терять напарниц, и вдесятеро больнее, когда это случается в последнем шаге от победы.

Пискнул даталинк деки. Клан вызвал на связь, для них было новое задание. Фийн приняла сообщение, отстучала на голографической клавиатуре краткий отчёт: «Проведён самостоятельный рейд. Набат под контролем Республики, Наследница в безопасности. Приступаем к дальнейшей работе». Всё. Пора было идти. Сумари вынула из пенала сигнальный огонь и воткнула его плазменным наконечником в камень в изголовье погибшей напарницы. Потом придёт похоронная команда, увезёт тело, а сигнал ещё долго будет гореть здесь мерцающим язычком, алым при свете дня и бордовым в сумеречные часы, как память.

— Будем помнить, — произнесла Фийн, и четыре остальных эхом повторили:

— Будем помнить.

Они уходили, не оглядываясь, точно так, как тысячу лет уходили в сумерки и ветер их сёстры предыдущих поколений и, наверное, будут уходить поколения следующие. Принято было считать, что воительницы кланов *сэск'обирри* не испытывают эмоций. Что ж, пусть думают так, по крайней мере, не будут жалеть их, всё немножко легче. Фийн смахнула непрошенную слезинку в уголке глаза и прибавила шаг.

* * *

6 ДБЯ, сектор Митаранор

Кантина на терминале «D» планеты Рэндон не отличалась ни особой чистотой, ни приятной музыкой, ни какой-то изысканностью публики. Экипажи кораблей, мелкие торговцы с разных планет и разные подозрительные личности, то ли контрабандисты, то ли маклеры чёрного рынка. Преимущество у этого заведения под названием «Первый приют» было всего одно: оно находилось ближе всего к выходу в зал отлётов и прилётов. Именно по этой причине Сумари Дару выбрала

его, несмотря на дороговизну и на то, что работы в этой системе у неё не было – всего лишь пересадка по дороге с очередного задания. В последнее время клан всё реже выделял или нанимал для своих агентов корабли и всё чаще посылал на «исполнение» одиночек. Экономили. Спору нет, в Империи твилекам жилось с каждым годом всё труднее. Особенно тяжело в последнее время было передвигаться наложницам местоблюстителя Седрисса, увешанным драгоценностями, как Поминальное Дерево, да и ему самому – с голоду опухал, не иначе. Матери семейств давно требовали от жрицы приструнить обнаглевшего начальника, но несколько новых перстней на её пальцах появились тоже не из воздуха, поэтому всё оставалось по-прежнему. Сумари вздохнула: клан, от одного упоминания о котором у политиков и бизнесменов тряслись кончики лекк, был бессилен сделать что-либо с собственным заевшимся боссом, к тому же, неполноправным. Разве что сменится жрица, теоретически она без труда может сместить местоблюстителя. Или отыщется пропавшая Наследница Крови и выйдет замуж, вот тогда Седриссу самому придётся прогуляться в Яркие Земли.

— Не занято? — спросил мужчина, стоящий рядом со столиком. Его присутствие Сумари уловила боковым зрением ещё при приближении, но демонстративно не обратила внимания: может, сам сообразит и уйдёт. Не ушёл. Твилека чуть приподняла голову, чтобы взглянуть на человека прямо. И удивилась. Клон. В форме имперского офицера, майор. Как принято ещё со времён Великой Армии, он старался выделиться среди миллионов других копий Джанго Фетта – носил специфические усы, переходящие на подбородок, но не образующие цельной бороды.

— Ошиблись адресом, майор, — равнодушно произнесла она. — Девочек снимают чуть дальше, у того конца стойки.

— Вот теперь вижу, что **точно** не ошибся. Мне не нужна сейчас шлюха. Хочется просто посидеть. Возможно – поговорить. Уж простите, что нарушил Ваше одиночество.

— Ладно, присаживайтесь.

Майор опустился на табурет напротив. Щёлкнул пальцами, подзывая дройда-официанта. Сделал заказ. Предложил:

— Позвольте Вас угостить. Закажите тоже на свой вкус.

Сумари выбрала довольно крепкое и довольно дорогое белое вино, майор кивнул и подтвердил заказ.

— Прошу прощения за вопрос, Вы с Рилота или ещё откуда? — поинтересовался он.

— С Рилота.

— Странная планета. Но чем-то очень красивая.

— Бывали у нас?

— Всего один раз, во время войны.

— Неужели Битва за Рилот?

— Она самая. Возле города Набат, знаете, конечно?

— Ещё бы не знать.

— Мы тогда высадились с первой волной, но зенитный огонь был слишком сильный, и командование прекратило десантирование… — майор стушевался, замолчал, затем сказал: — Вам, наверное, неинтересно всё это?

— Ну, что Вы, расскажите, — подбодрила Сумари, уже приблизительно зная, что за историю может услышать.

И клон стал рассказывать. Взгляд его затуманился, то, несомненно, было очень яркое воспоминание для него. Он говорил о том, как они во главе с генералом – «ну, Вы понимаете, что это был за генерал» – спасались от гаткёров, как отправились с напарником в разведку и в покинутом квартале нашли девочку. Сумари слушала, не перебивая, она таких подробностей не знала и не могла

знать, и была благодарна этому офицеру, что заполняет пробел. Она не собиралась говорить ему о своём участии, но майор говорил так живо и увлекательно, с таким чувством, и Сумари слегка расслабилась. Что ни говори, а приятно после стольких лет встретить кого-то, кто был там и тогда.

— Да где бы вы были со своим генералом, если бы мы не снесли турболазеры с гребня! — вырвалось у неё. Глаза майора широко раскрылись, он изумлённо пробормотал:

— Вы? Так ты тоже была там??

— Была, — кивнула твилека, чего уж там. — А вообще, ты и твой напарник настоящие герои. Если б ты только знал, кого вы тогда спасли!

— Неужели легендарную принцессу твилеков, которая рождается раз в тысячелетие?

— Ох, и выдумщики же вы, люди! — коротко рассмеялась Сумари. — Нет ничего такого у нас. А девочка – Наследница Крови, старшая дочь в роду барона, где не осталось ни братьев, ни сыновей. Её муж станет следующим главой клана.

— Её звали Нума, — неожиданно мягко улыбнулся клон. — А нас с напарником она называла «нери», то есть, «братец».

— Мой дорогой майор, «нума» означает всего лишь «сестрёнка», — улыбнулась Сумари. — Её зовут Нолаас'екура.

— Секура? Из тех самых?

— Ну, да. Дочь покойного баронета Вана, младшего брата барона Пола.

— Вот хаттская жизнь! — вздохнул он. — Как тесна наша Галактика! Получается, мы с Ваксером спасли племянницу, а теперь приходится служить под началом того, кто убил её тётку.

— Блай? — быстро спросила Сумари.

— Генерал Блай, — поправил он.

— Высоко же оценили его заслуги.

— Ну, не только же за это! Хотя… — клон махнул рукой, — кого я пытаюсь обмануть? Нашего тогдашнего командира Коди понизили в должности и отправили служить на Камино именно за то, что не смог уничтожить Маг… ну, того самого генерала, о котором мы с тобой говорили.

— Вот не ожидала, что он сумеет уйти, при его-то умении видеть дальше собственного носа, — не без сарказма молвила Сумари. И добавила задумчиво: — Кстати. Кажется, по законам военного времени за убийство командира во время боя – смертная казнь?

— Э, э, не вздумай, — понизил голос майор. — Тебя поймают и тоже казнят.

— Меня ещё никто ни разу не поймал. Если, конечно, ты сам меня не арестуешь.

— Не вынуждай, — его лицо приняло страдальческое выражение. — Я ведь обязан… Ну, послушай, зачем тебе это?

— Нола и моя племянница тоже. Со стороны матери. Видел бы ты, как она гордилась…

— Понимаю. Увидишь её – передавай привет от «нери» Бойла.

— Обязательно, — сказала Сумари, а про себя подумала, что обязательно расскажет Ноле… если им суждено когда-нибудь встретиться.

— Пожалуй, слетаю-ка я вниз, на планету. Давненько не играл в казино Тингембе. Завтра всё равно выходной. А тебе лучше поскорее покинуть систему. До утра, ты меня понимаешь?

— Как скажете, майор Бойл, как скажете.

Клон поднялся. Подошёл к бару.

— Бутылку с собой, — сказал он. — Неплохой виски.

— Как угодно господину майору, — отозвался бармен. И предупредил: — Не забывайте закусывать, сэр. Он крепкий.

— Парень, — усмехнулся Бойл, — разве это крепкий! Ты ещё под стол пешком ходил, когда мы геонозианский спирт пили, неразбавленный.

Сумари глядела ему вслед почти с нежностью. Верно говорила её наставница Фийн, не все клоны послушные исполнители чужой воли, встречаются среди них и настоящие солдаты, знающие, что такое честь и совесть. Теперь у неё есть время до утра.

Первым делом твилека разыскала место, где обретались *кубазы* – на каждой станции есть такое. Немного денег – и у неё на носителе план терминала, не туристический, где занятые военными палубы закрашены жёлтым и помечены «запретная зона», и не технический, с разметкой только коммуникаций, проходящих через эту зону, а полный. Прокрутив его на навигаторе-стекляшке, Сумари обнаружила и штаб с кабинетом начальника гарнизона, и его апартаменты.

— Имеется дополнительная информация для желающих освободить тех двоих, — проскрипел кубаз, что продал ей схему.

— Эноо… Не совсем Вас понимаю, — не скрывая удивления, сказала она. — Я прилетела недавно и не в курсе событий.

— Арест также произошёл чуть более часа назад. Но, раз Вы не знаете, совершенно бесплатно могу сообщить, что люди генерала Блая захватили беглого клона, номер пока не установлен, предположительно – коммандо, и человека, у которого нашли световой меч. Где их держат, информация платная.

Сумари снисходительно улыбнулась:

— Где же, как не на корабле Имперской Инквизиции, пришвартованном к причалу шесть-четыре? Световые мечи – их компетенция.

Кубаз хрюкнул носом-хоботком: какая жалость, не обломилось. Спросил с надеждой:

— Не желаете знать, когда он улетает?

— Нет, я же не пойду его провожать, — небрежно ответила твилека. — Впрочем, обмен: ты мне время, я тебе имя Инквизитора. Интересует?

— Да! — очки кубаза блеснули. Он написал на экране деки время. Сумари, наклонившись к его капюшону, произнесла имя.

— Хр-кзз! Ошибки быть не может?

— Нет. Госпиталь на Орд Цестусе. Я была там одновременно с ней.

Провожать корабль Инквизиции Сумари, действительно, не собиралась, однако, была уверена, что Блай-то обязательно туда придёт. На этом и на особенностях планировки станции она и строила свой план. Времени оставалось немного, чуть больше двадцати минут, и нужно было торопиться. Сумари побывала в холле причала шесть-четыре и, прикоснувшись, словно бы ненароком, к комингсу внутренних гермоворот, прикрепила к его краю мини-камеру. Поле её зрения как раз охватило внешние гермоворота, ведущие в переходную галерею, пятачок перед ними и двух дуболомов в белом, охраняющих переходник. Камера была изготовлена *кси-чаррами* и содержала компоненты со столь малым уровнем шумов, что не определялась стандартными сенсорами шлемов, только специализированным детектором. Затем следовало сделать некоторые покупки для предстоящего спектакля, на что и ушёл остаток времени. В блоке общественных освежителей Сумари изменила цвет кожи и переоделась. Обыватели обычно считают, что перекрасить всё тело – задача не из простых, для этого нужен

квалифицированный гримёр, живой или дройд, и уйма времени. На самом деле, средства, изобретённые расой *хо'дин*, позволяют вносить в кожу любой цвет, временно усиливать либо, наоборот, обесцвечивать собственный пигмент. Или пигменты, как у твилеков, у которых их бывает до трёх. Так и поступила Сумари: аэрозолем из небольшого пульверизатора нейтрализовала жёлтый компонент своей окраски, из девушки зелёного цвета превратившись в светло-голубую. Капли для глаз – и радужка из серой стала бирюзовой. Раздумывая, как лучше привлечь внимание Блая, неприкрытую эротику Сумари отмела сразу: в наши дни в увеселительной индустрии работает достаточно твилек, выбирай любую. Нет, костюм должен быть дорогим и без провинциальной вульгарной крикливости. А манеры – изысканными. Или нет, пусть поведение диссонирует с образом богатой стильной женщины, на это она и будет ловить добычу! Новое одеяние Сумари состояло из сиреневой туники совершенно непристойной длины, выполненной из слегка просвечивающей ткани, и того же оттенка длинной юбки из двух свободно висящих полотнищ более плотного материала, расшитого золотой нитью. Шитьё и золотая лента пояса прекрасно сочеталась с отделкой по верху туники. Привычный головной убор твилека задрапировала сиреневой лентой, оставив её концы свободно свисать на висках ниже подбородка. Дополняли костюм ажурные ботильоны на «стеклянных» шпильках и платформах, металлические браслеты, унизывающие запястья и лекки, и, как завершающий штрих, оправленный в жёлтый металл камень прозрачной воды на лбу. В руках она держала банальный пакет, наполненный крапчатыми *сиханами* с Сапеллы.

Мини-камера позволяла Сумари в деталях наблюдать прощание Инквизиторши с Блаем. Сцена была далека от романтизма. Сухо поблагодарив за ценных пленников,

посланница лорда Вейдера повернулась и, сопровождаемая полами своего плаща, словно крыльями летучей мыши, скрылась в переходнике. Твилеке очень хотелось бы завалить изменницу и выручить джедая – а кто ещё мог иметь световой меч и помощника из беглых клонов-коммандос? Но она трезво оценивала свои возможности. Справиться с адептом Силы, да ещё таким опытным, могла бы, разве что, Тесс, легендарный Исполнитель Департамента Юстиции Калевалы, а из мужчин – Кэд Бейн да Фетт-младший. Поэтому Сумари позволила Инквизиторше улететь. Продолжая делать вид, что говорит с кем-то по комлинку, она двинулась к лифту, чтобы встретиться там с генералом в заранее рассчитанной точке. Столкновение получилось эффектным. Твилека весила вдвое меньше генерала, поэтому постаралась отлететь от него, как детский мячик от гранитной скалы. И с размаху сесть на пол. Сочные сиханы раскатились по лифтовому холлу, несколько из них помялись, оставив пятна и брызги сока. Как повела бы себя в такой ситуации разбогатевшая провинциалка? Начала бы шумно возмущаться, сваливая всю вину на Блая. Аристократка, скорее всего, выругалась бы сквозь зубы и вошла в открывшийся весьма кстати лифт, перед ней ведь «всего лишь паршивый клон». Сумари поступила не так и не эдак. Молча поднявшись, она присела на корточки и принялась собирать рассыпавшиеся плоды. И только в процессе этого бросила через плечо кроткий взгляд на генерала, возвышающегося рядом, словно башня. Крупная слеза выкатилась из глаза, размазав тушь – твилека насилу отыскала на местном базарчике такую, что потекла бы с первого раза.

И генерал Блай дрогнул: тоже присел и стал помогать. Впрочем, при этом он не забывал коситься на её ногу, как бы невзначай демонстрируемую ему благодаря конструкции юбки.

— Простите, господин офицер, — робким голосом произнесла Сумари, будто бы не зная, что перед ней генерал.

— Все мы бываем неосторожны, — ответил он. — Вы расстроились, я вижу.

— Да. Глупо, конечно…

— Может быть, для поднятия настроения не откажетесь быть… эноо… В общем, приглашаю Вас где-нибудь посидеть. Проклятье, не умею я говорить красиво.

Да, подумала Сумари, убить в спину получилось у тебя гораздо лучше. Вслух же сказала:

— Даже не знаю. Планов на вечер у меня не было. Пожалуй, можно и посидеть.

И чуть-чуть улыбнулась, ни глазами, ни кончиками лекк не выдав своих истинных чувств. Всё-таки, в клане их учили не только стрелять.

Лифт, конечно же, ушёл, и им пришлось вызывать его снова. Кантина, куда привёл Сумари генерал, располагалась выше причальных поясов, непосредственно под запретной зоной, и посещали её преимущественно офицеры и существа, судя по одеяниям, принадлежащие к администрации терминала. Понятно, почему майор Бойл не пошёл сюда, а спустился в «Первый приют» – хотел отдохнуть от опостылевших на службе физиономий. Профессиональных проституток в кантине не было, их роль с успехом выполняли офисные девицы. По крайней мере, одна уже восседала на коленях у наголо бритого младшего лейтенанта в зелёном флотском мундире. Большинство присутствующих были людьми, и на Сумари начали коситься. Ничего, пусть! Двигаясь между столиками, она специально изгибалась всем телом, заставляя мужчин выворачивать головы и судорожно сглатывать слюну. Её должны запомнить и описать именно такой. А генерал провёл её к столику недалеко от эстрады, отгороженному ширмой-плетнём. Сумари

сначала изумилась столь дорогому украшению: ближайшие планеты, где растут «нормальные» деревья – Кашийк и Чалакта, везти оттуда дерево довольно накладно. Потом разглядела, что неизвестные мастера переплели раскрашенные металлические трубы обрезками толстых кабелей, обработав изоляцию кислотой, чтобы было похоже на деревянные прутья. Не иначе, потрудились умельцы-солдаты перед уходом в запас, решила она. Блай, тем временем, подозвал живого официанта, судя по виду – чалактанца, заказал выпить и закусить.

Ей не пришлось прикладывать ни малейших усилий, чтобы довести генерала до кондиции – он надрался сам. Первая пара рюмок кореллианского виски развязала Блаю язык, и он принялся, вначале скупо, затем всё красочнее, рассказывать о своей боевой молодости. Твилека не могла решить, что это, просто пьяная болтовня, или он реально считает себя таким сверхгероем. Генералу не повезло – о некоторых событиях Сумари Дару слышала раньше от Айлы Секуры или своей старшей сестры Кои и знала, например, что не «героический Блай», а маленькая тогрута по фамилии Тано выволокла Анакина Скайуокера из горящего коридора. И она же на голой гидравлике прошла через корону звезды, умудрившись с гиперболической скорости посадить подбитый корабль на планету, не спалив его об атмосферу. Как после этого относиться ко всему остальному? Делить на десять, наверное, как говорила ещё одна знакомая Сумари, археолог. Об Айле Блай тоже упомянул весьма своеобразно:

— Вообще не пойму, чего вы, твилеки, не соберётесь и не побьёте своих мужиков скалками, чтоб не продавали вас в рабство? Вы можете, уж я-то знаю. Была у нас одна… Командирша. Красивая, почти как ты. Кремень баба. Посмотрит своими глазищами, и у здоровенных лбов коленки подгибаются. А одевалась как! Вся в обтяжечку, с

ума сбеситься можно. Особенно здорово было идти за ней в атаку. Такой видик, временами забываешь, что по тебе, между прочим, стреляют. Одно плохо, мнила о себе до небес. На нас, простых клонов, и ухом не вела, не то чтобы поговорить по душам или там пообедать.

Сумари мучительно захотелось прирезать его прямо здесь, наплевав на условности, пусть даже её арестуют. Да, Айла могла быть твёрдой, резкой, властной, когда требовалось, но она – и высокомерие? Кому он это рассказывает?? Да, Сумари общалась с ней нечасто, но в памяти сразу всплыл случайно услышанный разговор Секуры и Кои. Айла, между прочим, сказала тогда, что «разговорилась со служанкой одного из сенаторов», и та женщина ей что-то посоветовала. Он же врёт, этот Блай! Несмотря на то, что знал Айлу гораздо ближе и не мог не видеть… Стоп, спокойно. Конечно, он всё видел. В том числе, что Айле нравится красавчик Фисто. И у самого Блая никаких шансов нет. Вот и придумал удобное оправдание.

Свет в зале слегка ослаб, как будто наступили сумерки, и на эстраду вышла певица, молодая женщина-человек в длинном платье из зелёного шёлка, складками падающем с груди до самого пола. Походка её сразу подсказывала, что она на очень высоких каблуках, то есть, на самом деле, гораздо меньше ростом, чем казалась. У женщины были длинные двухцветные волосы, Сумари на миг предположила, что она *фиререо*, и густо татуированные плечи. И снова твилека пригляделась… совершенно напрасно, потому что, несмотря на тренированную психику, по спине у неё побежали мурашки. Татуировки были нанесены не ради украшения, они маскировали нечто, хорошо знакомое Сумари, как многим твилекам. Следы шоковой плети. Вот откуда белые пряди в её тёмных волосах! Людям свойственно седеть от пережитых

страданий или сильного стресса. Прозвучали первые аккорды мелодии, и женщина запела.

Слова любви Вы говорили мне в городе каменном,
А фонари с глазами жёлтыми нас вели сквозь туман.
Любить я раньше не умела так, огненно, пламенно.
В моей душе неосторожно Вы разбудили вулкан…

Сумари не понимала языка, но с самого начала была очарована звучанием голоса, то низкого и вибрирующего, казалось, внутри тебя, то высокого и звонкого, как ноты духового *траза*. Такому звучанию и диапазону, могли, пожалуй, позавидовать самые одарённые тиилинские дивы.

Нам попугай грозил загадочно пальмовой веточкой,
А город пил коктейли пряные, пил и ждал новостей.
Вы называли меня умницей, милою девочкой,
И не могли понять, что шутите Вы с вулканом страстей…

— П-пойдём отсюда? — чуть заплетающимся языком предложил генерал. — Маа'Ша поёт классно, но больно уж тоскливо. Сегодня у меня настроение не то. Мне бы счас *джизз*, да погромче, — он ухмыльнулся.

— А куда мы пойдём? — спросила Сумари.

— Можем ко мне. Тут недалеко, два уровня вверх.

«Ну, раз не хочешь пожить ещё часик…» — подумала Сумари, и продолжала вслух: — … что же, идём к тебе. Необычайную кульминацию вечера гарантирую.

— Куль… что? А, понял. Ты просто прелесть, крошка!

— Допьём? Оставлять – дурная примета, — она протянула ему его бокал, растягивая губы в самую обворожительную улыбку, прикрывая ресницами глаза, чтобы не выдать себя их блеском, как учили наставницы. Беря бокал со стола, Сумари, словно ненароком, провела кистью над ним, и с массивного кольца на среднем пальце, прикрытая рукой, сорвалась в виски маленькая капля.

Этому её тоже научили очень хорошо. Генерал выпил, поставил опустевший бокал на стол. Вот и славно. После их ухода бокалы немедленно отправят в мойку, и состав древнего кланового яда останется загадкой для имперских следователей.

Войдя в холостяцкую берло… простите, квартиру генерала, твилека собрала в кулак всю силу воли, чтобы не поморщиться. Нет, здесь регулярно работали дройды-уборщики, и чистота была отменная, но вот ароматы… В тамбуре громогласно пахло полиролью для обуви, чуть разбавленной дешёвым ароматизатором для общественных мест. У двери на видном месте стояли начищенные до зеркального блеска парадные сапоги. Генерал отодвинул шторку стенного шкафа. Там, рядом с мундирами и теплозащитным костюмом, висела старая, исцарапанная во многих местах броня «фазы два» с облупившимися жёлтыми метками Седьмого Легиона, солдаты которого расстреляли Айлу.

— Заслуженный кос-стюмчик, — гордо сказал он. — Полвойны прошёл. Где я т-только в нём не побывал…

— На Фелусии – тоже? — невинным тоном спросила Сумари.

— Знаешь Фелусию? Да, и там тоже. Вот это, я тебе с-скажу, была драка! Но мы сработали чётко. Императору Пл… Палпатину не в чем было нас упрекнуть!

Сумари смотрела на Блая, а перед глазами стояла другая картина: пятно голой, словно выжженной почвы, высокий камень-надгробие и искросиловой резак в её руках, высекающий одну за другой буквы: «**Будем помнить**». Она даже не сразу опомнилась, когда генерал облапил её за талию, притягивая к себе.

— Ну, ну, не здесь же? — ласково сказала она. — Тебе потребуется кровать.

— Ид-дём! — кивнул он.

— Тебя, должно быть, здесь смотрят в три глаза и слушают в три уха? — спросила она.

— Что-о? Кто посмел?? Казню без суда и следствия! Не боись, мои орлы только вчера всё тут обнюхали, ни одного «клопа»!

Втащив её в комнату, он попытался завалить женщину на постель, но она ускользнула и заставила его перевернуться на спину, усевшись сверху в сравнительно безопасном положении. Его руки блуждали по её телу, и Сумари вновь захотелось заколоть его прямо сейчас, не дожидаясь финала.

— Куда же ты так спешишь? — успокаивала она. — Сейчас, сейчас…

Расстегнув юбку, она отбросила её в сторону и принялась медленно, одну за другой расстёгивать пуговицы его мундира. Ткань, из которой была сделана туника, имела достаточную прочность, чтобы не разорвать её руками, и генерала это возмутило. Пришлось уступить, сбросив тунику с плеч. Теперь грудь её прикрывала лишь хитро перекрученная и затем пропущенная ниже, по рёбрам, тканевая лента. Как её развязать, генерал, разумеется, не знал, и попытался просто сдёрнуть вниз. Но руки почему-то плохо слушались, и Сумари теперь уже без труда отодрала их от себя. Блай всхлипнул, проглатывая наполнившую рот слюну, и твилека отметила это про себя: слюнотечение – первый признак действия препарата. Отраву можно было нейтрализовать одним уколом в шею, но Сумари не собиралась этого делать. Отбросив руки генерала, она встала, возвышаясь над ним, как статуя Предка.

— Пожалуй, я передумала, — холодно произнесла она, — ты не в моём вкусе.

— Что? Что т-такое? — Блай попытался встать, но всё, что ниже пояса, ему уже не повиновалось, да и руки ослабли.

— Я не зря спросила про Фелусию, — продолжала твилека.

— Ик… Я выполнял приказ!

— Преступный приказ. Ты совершил военное преступление и знаешь это.

— Нет! Не хочу… Пощади!

— А её ты пощадил? Хотя бы, умри, как мужчина! — презрительно скривилась она.

У генерала, кажется, было своё понимание этого вопроса. С жуткой гримасой он превозмог нарастающую слабость, потянулся рукой… и сумел вытащить из-под матраса компактный бластер.

— Джедайское отродье… — прохрипел он. Но навести оружие в цель не смог. Пальцы не слушались, и бластер глухо стукнулся о пол. Да. Такие не раскаиваются. Сумари наклонилась к самому его лицу и сказала:

— Ты умрёшь. К сожалению, это не больно. Именем Республики.

Подхватила с пола одежду и вышла, оставив генерала парализованным. Это, действительно, не больно. Он даже сможет дышать до самого последнего момента, а потом просто остановится сердце. Каждая из *сэск'обирри* во время тренировок испытала на себе действие этого яда, почти до конца. Чтобы знать, что и как происходит. Теперь надо было пошевеливаться. С большой вероятностью, генерала не хватятся до утра, однако, её учили, что никогда не стоит искушать судьбу. Уходить, и не через дверь. Сумари сняла в углу комнатки освежителя панель, закрывающую технический колодец. Мужику мимо труб и кабелей не пролезть, а вот она проскользнёт с лёгкостью. На то, чтобы нейтрализовать датчики сигнализации, у Сумари ушло меньше двух минут. Сигналка хорошо замаскирована и рассчитана на проникновение извне, с внутренней же стороны достаточно найти подводящую проводку, и делай всё, что

захочешь. Именно поэтому в настоящих, а не военных, системах безопасности не стремятся создать иллюзию свободного прохода, а перекрывают технические каналы решёткой. И контролируют её целостность дистанционно, с нескольких точек. Твилека спустилась на два уровня вниз, до гермовставки в аварийной переборке, где несколько часов назад оставила сумку со всем необходимым. Быстро восстановив цвет кожи и глаз, Сумари переоделась в тонкий коричневый комбинезон переменной жёсткости. Сейчас он выглядел, как мягкий блестящий шёлк, но стоило включить заряд, и невесомая ткань стала похожа на грубый брезент. Прикрыв штанинами вышитый верх мягких полусапожек, Сумари придала себе вид одной из сотен девушек-техников, среди которых на терминале встречались и представительницы её вида. Сиреневое одеяние, украшения из латуни, ботильоны – удобные, кстати, жаль их – отправились в утилизатор. Теперь следовало пробраться на какой-нибудь корабль и срочно покинуть эту звёздную систему.

Проходя по ангарам, твилека обратила внимание на потрёпанный, но сверкающий свежим покрытием кореллианский корвет «консульской» серии, у которого вместо пассажирского отсека был приварен короб барбета для трёхорудийной башни главного калибра. На борту красовалась табличка с аккуратной надписью «Великий консул». Среди существ возле трапа Сумари заметила соплеменницу, одетую в белую куртку врача. Редкость. Во время войны живые доктора попадались не реже, чем медицинские дройды, сейчас их можно было встретить, разве что, в частных клиниках на зажиточных планетах. Ах, вон оно что! Сумари не сразу разглядела на спине куртки зловещую полосу – чередование чёрного и малинового. Противоэпидемическая служба. Улучив момент, Сумари обратилась к девушке на родном языке:

— Привет, доктор. На терминале какая-то инфекция?

— Нет, не волнуйтесь, — улыбнулась та. — Я не на работе, проездом.

— Чья будете? — задала Сумари ритуальный вопрос.

— Вао. Алем'авао. А Вы?

— Сумарид'аруу.

— Как? Сумари? Вы – сестра Коид'аруу-эс'екура? Невероятно. Галактика полна совпадениями!

— О… — выдохнула Сумари, не скрывая охвативших её эмоций. — Вы знакомы с моей сестрой? Позвольте спросить, давно Вы её видели?

— Дней шесть назад. Да можно на «ты».

— Взаимно. У неё всё хорошо? Где она?

— Вот уже месяц – сотрудница нашей компании.

— Отрадно это слышать. Ты, случайно, не знаешь, что с её дочерью, Наследницей Крови?

— Знаю. Тоже у нас.

— Ты вдыхаешь в меня вторую жизнь, — Сумари скрестила на груди лекки в жесте благодарности. — Скажи, ваш корабль берёт пассажиров? Не бесплатно, разумеется, в средствах я не стеснена. Хотелось бы увидеться с сестрой и племянницей.

— К сожалению, мы не летим на главную базу, но, если тебя устроит сеанс связи из нашего филиала…

— Ну, конечно, устроит! — воскликнула Сумари. — Где ваш капитан?

— Говорить с ним нет нужды, он подчиняется мне. Сколько тебе потребуется, чтобы собрать вещи?

— Ни часа. У меня только эта сумка.

— Дару всегда готовы к переездам? — засмеялась Алема. — В таком случае, прошу на борт.

Женщины поднялись по пандусу в чрево корвета.

— Кстати, Сумари, у тебя есть сейчас работа? — спросила Алема. — Нам нужны специалисты по профилю вашего клана.

— Занимаетесь деликатными поручениями?

— В основном, наоборот, частной охраной. Но, как ты понимаешь…

— Понимаю.

— Коллектив, в основном, люди, но отношения просто великолепные, за это даже не беспокойся.

— Неужели настолько хорошо?— За два года тридцать четыре смешанных брака, это как? — улыбнулась Алема. — И всё идёт к тому, что скоро будут ещё.

— На такую фирму я бы поработала, — сказала Сумари. — Но, поскольку я на подряде, окончательное решение за кланом.

— Думаю, Генеральный Директор и Наследница легко уладят этот вопрос.

Сумари кивнула и усмехнулась про себя. Кажется, её жизнь переходит на новый этап. А для местоблюстителя их клана настают нелёгкие времена. Теперь ему частенько будут сниться в кошмарах голоса свадебных труб, играющих для Наследницы, дорожная котомка и испепеляющий свет солнца над выжженными вечным днём равнинами Ярких Земель.

Принцесса Альдераана

6 ДБЯ. Главная база компании «Индесел».

Вызов по голосвязи от Библиотекаря Джин-Ло Рэйсса стал для нас неожиданностью. Обычно общение с Библиотекой сводилось к пересылке сообщений – отчётов, запросов, пакетов информации. Сейчас над линзой проектора появилось изображение сидящего в своём летучем кресле Джин-Ло собственной персоной.

— Привет, Джин-Ло, — сказала Осока. — Смотрю, у тебя по-прежнему цветущий вид. Что-нибудь случилось?

— И тебе не хворать. Ко мне поступил запрос. Имперский сенатор планеты Альдераан Бэйл Престор Органа просит выяснить возможность связаться с теми, кто уничтожил фабрику на Гвори. Он хотел бы с ними встретиться. Что ответить ему?

— Не знаю, не знаю. Дай немного подумать.

— Здравствуй, Джин-Ло, — Рийо вошла в фокус приёмника видеосигнала. — Как ты думаешь, что может быть нужно уважаемому Сенатору от этих людей?

— В тексте сообщения сказано однозначно, — ответил Библиотекарь. — Хотел бы обсудить их возможное сотрудничество с Сопротивлением.

Панторанка и тогрута переглянулись.

— Сотрудничество, не найм, — с нажимом сказала Осока. — Стоит побеседовать, как считаешь?

— Мне кажется, да. Вполне вероятно, их заинтересует не только чисто военный аспект.

— Ну, что, предложу назначить время и место? — спросил Джин-Ло. — Или сами назначите?

— Ни то, ни другое, — отозвалась моя подруга. — Сообщи, что люди согласны и найдут его сами.

— Тоже разумно. Так будет безопаснее всего. До связи!

Голографическое изображение погасло.

— Хочешь слетать к нему на Альдераан? — улыбнулась Падме, слушавшая беседу.

— Да, *как снег на голову*.

Альдераан мне понравился. Хвойные леса умеренного пояса к экватору сменялись степными равнинами с разбросанными тут и там исполинскими округлыми «термитниками» – покинутыми обиталищами древних хозяев планеты, насекомоподобных *киликов*. Дальше к экватору степи переходили в саванну и тропические мангровые леса побережий. Несмотря на двухмиллиардное население, планета не была загрязнена отходами производства и выглядела почти девственной. Я бы не заметил многие здешние города, если бы Осока не указала мне на тектонические разломы коры планеты, в которые и были органично встроены жилые массивы. Громадные летательные аппараты медленно плыли над поверхностью, каждый из них представлял собой отель размером с небольшой городок. Подруга объяснила, что сюда в поисках красот прилетают художники, писатели, музыканты чуть ли не со всей Галактики. Альдераан являлся больше культурным, чем промышленным центром, и такое положение в ряду центральных миров жителей очень устраивало.

Планетарная столица Альдера архитектурой перекликалась с жилищами киликов. Те же округлые формы устремлённых ввысь массивных башен и тонких шпилей, крыши, напоминающие шляпки грибов, и всё это выдержано в мягком молочно-белом цвете. Сверкающие ряды окон, то прямоугольных, то арочных, зрительно рассекали контуры зданий, убирая тяжеловесность, а большое количество растительности у подножия любого из них и зелёный травяной ковёр, покрывающий всё пространство вокруг, создавали ощущение единства

архитектуры и природы. Всё движение транспорта в столице было либо в высоте, на уровне крыш, либо уходило вниз, под город. Подходящие к Альдере трассы заканчивались приземистыми, но широкими порталами туннелей, в которых исчезали тысячи летающих машин, а тысячи других выныривали, чтобы начать полёт к другим городам.

К столичному космодрому мы приближаться не стали. Дворец семьи Органа находился в стороне от его суеты вблизи предместий столицы, и именно сюда хором направили меня Падме и Осока.

— Видишь посадочные площадки? — голограмма указала рукой вперёд, одновременно подсвечивая контуры на экране. — Парадная нам ни к чему, служебная тоже, будем, как на ладони. Лучше сесть на старой стоянке для спидеров, со стороны города, она хорошо укрыта деревьями… и вообще, нравится мне больше всего.

Едва мы приземлились, из аллеи парка выкатилось транспортное средство, компоновкой весьма напоминающее аэродромный тягач. Приземистая платформа, большие колёса во всю её высоту... Впечатление мирности агрегата портила лишь установленная наверху ионная пушка. В комлинке зашипело, и строгий голос произнёс на общей частоте:

— Вы не имеете разрешения на посадку здесь. Немедленно покиньте территорию, или возьмём корабль штурмом!

— Штурмом? Меня? — слегка обиделась Падме. — А город им не жалко? Шальные выстрелы как раз долетят до крайних кварталов.

— Надеюсь, до штурма не дойдёт, — успокоила Осока.

— Хорошо бы. Иначе их ждёт неприятный сюрприз. Они ещё не знают, на какие углы я умею выворачивать носовые спарки.

— Открой боковой переходник, пожалуйста.

Встав в проёме открытого люка, Осока заговорила, увеличивая с помощью Силы громкость звука:

— Мы к Сенатору Органе! Сообщите ему, что он нас приглашал, и мы прибыли!

На доклад строгих встречающих высшему руководству ушло не более минуты. Затем тот же голос через комлинк сказал:

— Прошу простить, произошло недоразумение. Сенатор лично прибудет встретить вас через семь минут.

Открытый спидер сенатора, более всего походивший на огромную персидскую туфлю с поручнями для пассажиров, появился у корабля даже быстрее. Управлял аппаратом стоящий в центре человек в мундире. Сам сенатор – плечистый смуглый мужчина с усами и бородкой, делающими его похожим на испанского идальго – расположился справа от водителя. Разглядев, кто ожидает его на площадке, Бэйл Органа широко улыбнулся и, спрыгнув с платформы спидера до его полной остановки, поспешил к нам:

— Леди Чучи! Это Вы? Вот так сюрприз! Чем обязан столь приятному визиту?

— Здравствуйте, Сенатор, — отвечала Рийо. — Мне казалось, Вы прислали нам приглашение. Через Библиотекаря.

— Не может быть! Так операция на Гвори – это Вы?? Сударыня, но Вы же были убеждённой пацифисткой!

— И сейчас остаюсь ею, — улыбнулась Рийо. — Именно поэтому, если где-то возникают предпосылки для развязывания очередной войны, предпочитаю уничтожить оружие раньше, чем оно начнёт убивать моих друзей.

— Весьма разумный подход, — согласился Органа. — Что ж, прошу, Вы и Ваши спутники, будьте моими гостями.

Я вежливо кивнул. Осока – тоже. Голова моей подруги была замысловатым образом укутана в голубую ткань, лекки – убраны на спину под светлую накидку, видны оставались лишь глаза и переносье. Так её и я бы не узнал, не то что сенатор после двенадцатилетнего перерыва.

— У вас чудесный корабль, — продолжал он, идя вместе с нами к спидеру. — Серия «Мгла», если не ошибаюсь?

— Ошибаетесь, но совсем ненамного, — ответила Рийо. — Это прародительница серии.

— Вы прилетели в самый подходящий момент, — сообщил сенатор, пока спидер нёс нас на уровне крон деревьев ко дворцу. — У меня гости, именно те, с кем мы можем обсудить наши общие интересы.

Гости ждали нас в одной из богато украшенных комнат дворца. Две эффектные женщины и мужчина, одетый в длинный золотистый балахон и причёсанный в манере, больше уместной для придворной дамы эпохи Возрождения. Подобным образом, в виде конических буклей, любила в торжественных случаях укладывать волосы наша Рийо. У мужчины букли были ещё больше, во всю ширину плеч, и лицо его от этого казалось узким и вытянутым, как у актёра Сергея Филиппова.

«*Айстер Падди, сенатор и глава Первого Дома Семерии*, — подсказала Падме. — *Был оппозиционной, но второстепенной фигурой. Так же, как и дама с рыжими волосами, Тэрр Танийл с Нийланона*».

— Вторая?

«*Это же Мон Мотма, ты не видел её голографий?*»

— Не-а.

Я с интересом разглядывал знаменитую сенаторшу, идеологиню Сопротивления. Было в ней что-то общее с Дэей Р’Валуси, только у зелтронки, несмотря на строгое обычно выражение лица, глаза были широко распахнуты,

у Мон Мотмы – слегка прищурены. Сразу видно, трактор: переедет и не заметит. Впрочем, завидев нас, сенатор мгновенно переменилась, теперь взгляд её излучал доброжелательность и радость. Тепло поздоровавшись с Рийо и вежливо кивнув нам, она стала интересоваться у панторанки, как та поживает, что творится на её станции, и вообще какие новости. Рийо объяснила, что почти два года уже не директор, а занимается частным предпринимательством, возглавляет акционерное общество. На вопрос, не является ли наше предприятие **чем-то бóльшим**, Рийо, улыбнувшись, ответила: если имеется в виду ширма для военной организации, то нет. Охранными услугами «Индесел», действительно, занимается, но лишь как одной из сфер деятельности. Если не возникает острой необходимости в дополнительных шагах.

— Понимаю, — сказала Мон Мотма. — Отчаянно-смелый рейд на Гвори нас потряс. Как жаль, что экипаж торпедоносца погиб!

— Мы позаботились, чтобы имперцы думали именно так, — лукаво улыбнулась Рийо.

— О, так атака прошла без жертв? Замечательно. Не всегда удаётся сберечь солдат, но к этому надо стремиться.

— Полностью с Вами согласна.

— Директор Чучи, как Вы смотрите на то, чтобы объединить наши усилия? Я имею в виду, в борьбе против тирании самозванного Императора.

— Шаг очень серьёзный, нужно всё тщательно взвесить.

Мон Мотма принялась уговаривать. Напоминала о том, какой людоедский режим установил Император со своими моффами, как дискриминируют нечеловеческие разумные виды, сколько средств тратится на военные расходы и устрашение непокорных. Затем перешла на

восхваление демократии и «общечеловеческих ценностей», говорила о великой миссии объединения всех народов, стремящихся к свободе, рисовала радужные картины всеобщего процветания, которое наступит, ну вот прямо наутро после свержения тирании… Я это всё сто раз слышал по нашему земному «зомбоящику», поэтому не особенно вслушивался. Госсекретарь США с трибуны, да и только. Осока демонстративно разглядывала свои ногти – она явно относилась к речи сенаторши примерно так же, как я, что меня не могло не радовать.

— Разумные Галактики устали от всепроникающей Империи, — говорила Мон Мотма. — Не зря же в разных местах стихийно и независимо возникают сотни групп Сопротивления. К сожалению, не со всеми нам удаётся связаться. Например, группу, что недавно уничтожила пиратов в секторе Атривис, мы так и не нашли.

— С пиратами мы боремся по мере сил, — небрежно вставила Осока. — А то в последние два-три года они окончательно обнаглели.

— Как? И это тоже вы?

— И это, и сектор Дантус тоже.

У Бэйла Органы, между тем, медленно вытягивалось лицо. Я готов был поспорить, он узнал голос. Немудрено: судя по рассказам подруги, они были знакомы ещё с той конференции, где Орра Синг пыталась убить Падме. Да и потом пересекались довольно часто. Осока легонько дёрнула за один из хвостов тканевой ленты. Укрывающий её голову тюрбан непостижимым образом рассыпался, кольцами оказавшись на плечах. Три сенатора ахнули в один голос.

— Осока Тано?? — на мгновение Мон Мотма даже утратила величавую солидность. — Деточка, ты жива? А мой агент сообщил…

— Видимо, он, опять-таки, опирался на **имперские** источники, — развела руками Осока.

— Если в наших рядах будет владеющий Силой на твоём уровне… — начала сенаторша.

Так, подумал я, эту разнузданную агитацию пора прекращать. На экране моей деки светились кое-какие данные, которые я, слушая вполуха Мон Мотму, запросил у Падме, а она нашла в Голонете. Получалось очень занимательно.

— Рийо, Осока, вы позволите? — спросил я. — Хочу задать пару уточняющих вопросов.

— Конечно, Алекс, — быстро сказала Осока. Рийо, кажется, хотела попросить отложить вопросы, но, к счастью, не успела. Потому что высказаться требовалось срочно: ещё минут пять, и Мон Мотма её уболтает.

— Мне ясно, против чего вы боретесь, — произнёс я. — И в этом вам возразить трудно. У Империи есть некоторые плюсы, но совокупность минусов их перевешивает. Непонятно другое: к чему вы хотите прийти.

Мон Мотма, повторяя клише, начала вновь говорить о демократии, о свободе.

— Постойте, сударыня, — я покачал головой. — Говорите, демократия? Вроде той, что погубила Старую Республику? Не хотелось бы, знаете ли, вторично *наступать на те же грабли*.

— Простите, я не совсем поняла последнюю фразу.

— Алекс говорит, что вы снова вешаете над головой ту же самую гирю, — пояснила Осока.

— Да, — кивнул я. — Но, может быть, дело вообще в другом? Вот тут у меня некоторые интересные циферки, они, как мне кажется, многое объясняют. Сопротивление, которое представляете вы четверо, очень не устраивает Империя как таковая. Чем же? Смотрим. Сенатор Органа, Вы создали на своей планете замечательные условия, Вы настоящий меценат и истинный миротворец, но Вы и бизнесмен. Ко всем остальным это относится ещё в

большей степени. Вы все баснословно богаты, а имперские порядки не позволяют вам так же легко, как в прежние, демократические времена, вести бизнес. Осока, переведи товарищам буржуям, как у вас принято говорить про *ловлю рыбки в мутной воде*. Спасибо.

— Инсинуация! — вскинулась Мон Мотма.

— Вы сердитесь, значит, Вы не правы, — сам перевёл я на базик известное изречение.

— Это Вы не правы, Алекс, — более спокойно произнесла женщина. — В Ваших «цифрах» указаны суммы, которые я истратила на организацию борьбы из собственного кармана?

— А как же. Только в итоге затраты-то окупятся. И Вам это известно. А эти средства… Вы бы их и так потеряли благодаря драконовским пошлинам имперских властей, чуть больше или чуть меньше. Нет уж, давайте прямо, положа руку на сердце: вы боретесь за свободу бизнеса и только во вторую очередь за интересы простых людей.

— Хоть бы и так, — подал голос сенатор Падди. — Без бизнеса не будет рабочих мест, а работникам станет нечего кушать.

— Не спорю, — кивнул я. — Но, внимание, вопрос тебе, товарищ Генеральный: ради вышеописанной цели готова ли ты послать на смерть тех, кто тебе доверился?

— Я поняла, что ты хотел сказать, — медленно произнесла Рийо. — И моё решение как генерального директора, будет таким. Сенаторы. Мы готовы на взаимовыгодное сотрудничество с вашими группами Сопротивления…

Она пояснила, что имеется в виду. Перевозки. Торговля топливом, материалами, кораблями с верфей «Индесела». А в заключение добавила:

— Более того. В нашем распоряжении имеются ненужные нам крупные корабли: пять разрушителей

«Зверолов», крейсеры «Неустрашимый». Мы готовы безвозмездно передать их вам. Однако. Воевать на вашей стороне мы не будем, на это не рассчитывайте. Перевозить военные грузы – тоже.

— Что ж, меня такой расклад вполне устраивает, — с неожиданно тёплой улыбкой сказал Бэйл Органа.

— Меня – не вполне, но тоже устраивает, — Мон Мотме удалось вернуть самообладание, она встала, подошла ко мне и пожала руку: — Благодарю. Дискуссия была предметной и весьма поучительной.

— Надеюсь, вы не откажетесь отужинать с нами сегодня? — продолжал хозяин дворца. — Присутствуют только свои.

— О, будем очень рады, — улыбнулась Осока.

— Тогда жду вас через час.

Падме встречала нас у трапа.

— Брат, ты был неподражаем! — воскликнула она. — Так вовремя перевёл разговор с высоких идей на банальные интересы бизнеса.

— Молодчина, молодчина, — одобрила и Осока. — Сладкоголосая Мон Мотма чуть не уговорила Рийо обеспечить их пушечным мясом.

— Да ничего она не уговорила! — фыркнула панторанка. Вздохнула: — Хотя, вообще-то, да. Почти. Спасибо Алексу, вовремя вмешался.

— Давайте пройдёмся по парку, — предложила голограмма. — Полагаю, Бэйл Органа не будет против, если мы покажем Алексу и Рийо место действия того инцидента…

— Главное, чтобы он **тебя** не увидел откуда-нибудь из окна, — заметила моя подруга. — Или на экране камер наблюдения. Иначе придётся вызывать врачей.

— Здесь нет камер, — возразила Падме. — Это же Альдераан, островок мира и спокойствия.

— Ах, да, забыла. Давно мы здесь не бывали. Помнится, надо обогнуть дворец слева, оттуда всё как на ладони.

Дорожки парка то поднимались на пригорки, то спускались в низины. Строители не стали выравнивать ландшафт, сохранив естественность и прелесть альпийских лугов. На нескольких небольших холмах стоял и сам комплекс зданий. Заходящее солнце спустилось к самой гряде недалёких гор, освещая дворец с одной стороны. Покои хозяев и гостевые комнаты располагались, как раз, в этом крыле, а зал заседаний, где состоялось то самое выступление Падме, куполом возвышался в противоположной, деловой части замка. Осока только начала рассказывать, как на вечернем заседании они придумали заменить живую Падме дистанционно управляемой куклой, как сверху послышались голоса. Они доносились из-за одного из балконов в нижних этажах дворца. В первые секунды слова разобрать было невозможно, только сердитые интонации говорящей женщины. Затем послышался мужской голос, хозяина дома:

— Это твоя обязанность, и ты не можешь относиться так пренебрежительно, — укоризненно говорил Бэйл Органа.

— Визит официальный? — спросила собеседница. Голос женщины был молодой, немного отрывистый, и, всё же, у меня моментально возникло ощущение, что интонации мне знакомы.

— Нет, — ответил сенатор. — Деловой.

— В таком случае, точно нет, — сказала невидимая девушка. — Присутствовать ещё и на встречах с твоими деловыми партнёрами мне вовсе не обязательно.

— Но, детка, госпожа Чучи не просто деловой партнёр, она заседала вместе со мной в Сенате ещё во времена Республики.

— Восхитительно! Ещё одна старая скучная тётка-политик.

— Это я-то ста… — возмущённо начала Рийо. Я взял её за плечи, призывая к молчанию.

— И вовсе она не старая! — Бэйл, кажется, начинал терять терпение. — Молодая эффектная женщина. Умная и тактичная.

— О, в таком случае, тётушки Тия, Руж и Селли весь вечер будут ставить её мне в пример. Ах, как она элегантна, как одета, какие манеры! — девушка иронизировала, и от этого речь её становилась ещё более знакомой.

— Кроме неё, у нас ещё одна гостья, — не сдавался Бэйл. — Её тётушки не будут ставить в пример, однако, ты очень много о ней слышала и наверняка будешь рада познакомиться.

— Кто?

— Не могу сказать заранее.

— Глупо будет утверждать, что меня не гложет любопытство, но третий званый ужин за неделю для меня чересчур. Час наряжаться и причёсываться ради этого, потом сидеть за столом, как пришитая, и изображать из себя мороженую рыбу *квекка*. Нет, извини, сегодня без меня.

— Ну, что ж, не буду настаивать. Сама пожалеешь, что не познакомилась.

— Пусть так, — ответила девушка, и легко можно было представить, как она упрямо взглянула на сенатора исподлобья.

— Ох-хо, — вздохнул он. — Ладно, что с тобой поделать.

Бэйл, очевидно, удалился, а девушка толкнула в стороны раздвижные створки французского окна и вышла на балкон. Солнце к тому времени коснулось недалёкого хребта, мы оказались в тени, балкон же был ярко освещён

последними лучами заката. Девушка оказалась совсем юной, лет двенадцати-тринадцати, худенькой, но круглолицей, тёмные волосы небрежно заплетены в две пухленькие косички на плечах. И она была невероятно похожа на…

— Святые звёзды! — прошептала Рийо. А Падме, судорожно сжав мне запястье, выдохнула:

— Лейя… Моя… дочь.

Лейя не заметила нас на лужайке под балконом. Положив на балюстраду маленький голопроектор, она стала кому-то звонить, как оказалось – подруге по имени Винтер. Спрашивала, долго ли та ещё пробудет в Апалисе. Голограмма подруги была слишком мала, чтобы я мог её рассмотреть, видел только, что у Винтер длинные светлые волосы. Подруга Лейи сказала, что вернётся только завтра к вечеру, и расстроенная девушка, попрощавшись, разорвала связь.

— Я должна с ней поговорить, — шёпотом сказала Падме.

— Хорошо подумала? — спросил я.

— Да. Никогда себе не прощу, быть так близко и просто улететь, не сказав ни слова.

— Осока, а у тебя на этот счёт никаких предчувствий?

— Вроде бы, нет, — покачала головой Осока. — По крайней мере, на ближайшее время.

К этому моменту линия тени, поднимаясь всё выше и выше, закрыла балкон и коснулась следующего этажа. Юная Лейя задумчиво смотрела в сторону гор, на последние лучи уходящего дня. Сделала движение, чтобы повернуться и идти к себе, и в это время Падме, воспарив ввысь, как самый настоящий призрак, поравнялась с балконом и присела на край балюстрады. От неожиданности Лейя отшатнулась. Повисла долгая тягучая

пауза. Наконец, девушка, сглотнув комок в горле, произнесла:

— Ты – ангел?

Тут уже вздрогнула голограмма. Фраза эта означала для Падме нечто особенное.

— П-почему ангел? — спросила Падме.

— Но ведь ты умерла… моя настоящая мама.

— Да. Умерла, — произнесла Падме. И замолчала, не зная, что ещё сказать, как объяснить. Они смотрели друг на друга, мать и дочь, такие похожие… и такие разные. Пауза затягивалась. Первой нарушила молчание Лейя.

— Какая ты красивая… — тихо сказала она и сделала шаг вперёд. — Ты не исчезнешь, если я до тебя дотронусь?

— Нет, конечно, нет, — Падме спрыгнула внутрь балкона, не заметив, что ноги её прошли сквозь пермакрит, и протянула к дочери руки.

— А я думала, призраки бесплотны, как туман, — Лейя взяла ладони матери в свои. — В легендах всегда так.

— И я так думала, — призналась Падме. — А потом научилась прикасаться. Мне подсказал один очень мудрый человек. Его зовут Оби-Ван Кеноби.

— Магистр? Папа… — Лейя запнулась, смутившись, — то есть, Бэйл Органа, говорил мне о нём.

— Ты так много знаешь…

— Иногда мне кажется, что слишком много, и моя голова лопнет от постоянной учёбы, — пожаловалась девушка.

— Покажешь мне, как ты живёшь?

— Ну, конечно. Идём.

— Нелепое какое-то получилось знакомство, — проворчала Осока, наблюдая, как Её Высочество Лейя вместе с Её Величеством Падме скрываются за балконными дверьми. — Я ожидала чего-то более прочувствованного. Что ты смеёшься, Алекс??

— Могу напомнить не менее нелепую сцену, — улыбаясь, сказал я. — У нас в рубке, после бегства с Шили.

Теперь смутилась Осока. Изо всех сил укоризненно на меня посмотрела и сказала:

— Ладно, пусть теперь пообщаются, и… — она вдруг повернула голову в сторону ближайших кустов и продолжала резко: — А ну-ка, выходи оттуда, Ферус Олин! Ты бы ещё с мечом на меня накинулся, право слово.

Кусты раздвинулись, и на аллею выбрался худощавый мужчина в невообразимо драной куртке, с которой тут и там свисали лоскуты материи. Застёжек на куртке давно не было, и, чтобы не болталась, она была подпоясана грубым толстым шнуром. На этом импровизированном ремне висел видавший виды, отполированный ладонями световой меч.

— Что здесь происходит? — резко спросил мужчина. — Осока Тано, для чего вы подсунули девочке голозапись её матери? И кто управляет ею? Неужели не понимаете, что это жестоко??

— Она не запись, Ферус. **Потянись**, и ты сам поймёшь.

— Что-то я ничего… Проклятье!

— Понял теперь? А теперь рассказывай, что ты здесь делаешь?

— Как что? Должен же кто-нибудь охранять Её, — Олин не назвал имени, но даже местоимение прозвучало у него с заглавной буквы.

— Она знает? — спросила Осока.

— Никто не знает. Оби-Ван запретил мне показываться на глаза обитателям дворца. Что бы ни случилось.

— Ах он старый… — под моим укоризненным взглядом подруга стушевалась и поправилась: — хитрец. И ведь ни слова не сказал!

Я решил промолчать. Магистр Кеноби дал достаточно убедительное объяснение, почему «не сказал

ни слова». И, кстати, был прав. Из рук Инквизиции я тогда вырвался буквально чудом. А если бы я ещё и о Лейе знал?

Пока Олин вкратце пересказывал Осоке, что произошло с ним за эти годы, как он прятался, как был двойным агентом при лорде Вейдере и, наконец, стал стражем маленькой Лейи Органы, прошёл почти час. Пора было отправляться на ужин, не то нас станут искать, а найдут, чего доброго, Феруса.

— Будет что-нибудь нужно, — на прощание сказала Осока коллеге, — связывайся вот через этот ящик в Голонете, привезём.

— Благодарю, — кивнул он. — Да пребудет с вами Сила.

И бесшумно, как заправский ниндзя, скрылся в сумерках.

За роскошной трапезой во дворце нам только и оставалось, что тянуть время, позволяя нашей Падме подольше пообщаться со своей повзрослевшей дочерью. Никакого труда это, кстати, не составило. Сёстры Бэйла Органы, те самые «тётушки», которых упоминала Лейя, и его супруга, королева Брия, окружили нас вниманием и заботой. И расспросами. Мне удалось уступить инициативу моим дамам и некоторое время сидеть тихо, а затем Селли Органа обмолвилась о давнем инциденте на конференции. Выяснилось, что именно она являлась председателем движения в поддержку беженцев. Тут-то я, наконец, услышал всю историю от начала до конца с позиции не скромниц-участниц, а стороннего наблюдателя. А в качестве ответной любезности рассказал, как мы захватили Орру Синг снова и отправили туда, откуда она долго не сможет сбежать.

— Ах, Алекс, Ваша девушка всегда была слишком добра, — вздохнула Селли. — Я бы так не рассчитывала на исправление этой злодейки.

Так мы просидели до того момента, пока одна из женщин, прислуживающих за столом, не коснулась незаметно моего и Осокиного плеча и не сказала едва слышно знакомым голосом:

— Не пора ли нам?

— Да, пора, — кивнула Осока. — Сенатор Органа, весьма сожалею, но нам надо лететь. Дела.

Бэйл Органа проводил нас до трапа и тепло попрощался с каждым за руку. Падме, сбросившая личину дворцовой служанки, ждала нас внутри. Глаза у неё были печальные.

— Что-то не так? — встревожился я.

— Нет, всё было просто чудесно. Она столько мне рассказала… А потом уснула у меня на коленях.

— Может быть, так и лучше, — отозвалась Рийо. — Возможно, завтра утром твоё появление покажется ей просто сном.

— Как жаль, что мы не можем забрать её с собой! — сказала Осока.

— А, собственно, почему нет? — спросил я.

— Как ты себе это представляешь? — хмыкнула Осока. Рийо подхватила:

— Во-первых, исчезновение дочери сенатора вызвало бы вопросы. Она любимица всего Альдераана. А нам пришлось бы прятать её, скрывать ото всех. И постоянные перелёты. Что за жизнь для девочки?

— Ну, есть пояс Дарналы, где скрываться не надо, — возразил я.

— Как же не надо? У главной базы, всё же, есть какая-никакая связь с остальной частью Галактики. Кто может дать гарантию, что в один прекрасный день не просочится слух о том, что у нас живет дочь Падме Амидалы? И уж тогда Вейдер все Неизвестные Территории перевернёт, а отыщет. Ресурсов у него хватит, решимости тоже. И что будет с Лейей? А с Землёй?

— Верно, верно. Об этом я не подумал.

— Не о том вы, ребята, совсем не о том… — покачала головой Падме. — Вы забываете, что Лейя – отнюдь не моя мини-копия. У неё успело сформироваться вполне определённое мировоззрение.

— Скорее, его сформировали, — вставила Осока. — Причём, из самых благих побуждений.

— Слышали бы вы её рассуждения о светлом демократическом будущем… — Падме тяжело вздохнула. — И о том, как она поведёт туда стройными рядами всю Галактику, когда станет взрослой.

Меня это нисколько не удивило. При подобном круге общения принцесса Лейя с детства впитывала идеи о «всесокрушающем пламени демократии», о священной миссии по насаждению оной всюду, куда только можно дотянуться. И, скорее всего, о её, принцессы, великом предназначении на этом тернистом пути. Со своей юношеской восторженностью и непосредственностью девочка может далеко пойти. Причём, преимущественно по головам.

— М-да… — протянула Осока, она, как видно, подумала примерно о том же. — А пороть поздно… Может дать обратный результат.

«Амидала» пробивала атмосферу. Небо над нами становилось всё темнее, сквозь редкую воздушную дымку проступало всё больше звёзд. Падме смотрела затуманенными глазами сквозь блистер, и я буквально ощущал её мысли. О дочери, которая никогда не сможет смотреть на звёзды так же, как она сама. И решил сменить тему:

— Послушайте, девчонки… Вот Рийо обмолвилась насчёт Земли. А я не могу взять в толк. Допустим, Империя найдёт Землю. Не дай бог, но вдруг. И вмешается в нашу историю. Если всё так, как мы предполагаем, тогда не будет ни первых межзвёздных кораблей, ни

последующей колонизации, а в итоге и самой Империи. И некому будет находить и захватывать Землю. Бред получается.

— Бред, — согласилась Падме. — Он же парадокс. Но, если позволить шутить со временем, возможно всё. Кто знает, в этом случае может получиться мир, где ни я, ни, тем более, Рийо и Осока, никогда не существовали. Где нет вообще ничего, что мы знаем, поскольку не произошло экспансии человечества. И в Галактике правят раката или геонозианцы.

— Следовательно, нам нужно позаботиться, чтобы Земля не была обнаружена Империей, — перевела рассуждения в более практическую плоскость Осока.

— Проще всего, если никто не будет знать, что она может быть Настоящей Прародиной, — сказала Рийо. — Ты передавала эту информацию в Библиотеку?

— Нет. Слышали всего семь существ: мы с вами, Натуа Хисс, Сакис Тамитриати и мама. Даже Эрдени не в курсе.

— Вот пусть так и остаётся.

— Само собой. Маму и остальных я предупредила сразу.

— Нам ещё на самой Земле предстоит многое сделать, — заметила Падме. — Извини меня, Алекс, но ваше нынешнее общество, оно как… петух. На высоту не пойдёт и выше забора не взлетит. А нужно, чтобы вы когда-нибудь, всё же, стали нами.

— Дело говоришь, — согласился я. — Правда, кое-кто уже вмешался, но толку что-то нет.

— Значит, нужно что-то посущественнее, чем устранение одного спившегося самодура, — сказала Осока. — Главное, не перестараться. Иначе получим активное и поголовное сопротивление. Ренатасия. Тебе обязательно надо увидеть эту планету, чтобы понять, что к чему.

— Ещё будет такая возможность, — сказала Рийо. — А сейчас предлагаю отправиться на Землю и наметить ближайшие шаги. Хотя бы начерно.

Падме посмотрела на меня. Я кивнул:

— Летим домой. Вводи координаты.

Звёзды смазались, вытянулись в линии, и серая пелена гиперпространства окутала клиновидный корпус «Амидалы». Мы возвращались на Землю.

Необходимое послесловие

Все права на персонажей оригинальной Саги, а также Расширенной Вселенной, ныне называемой «Легендами», принадлежат Джорджу Лукасу, Давиду Филони, их командам сценаристов, а также авторам соответствующих произведений. Я лишь взял на себя смелость подобрать некоторых героев, брошенных авторами на произвол судьбы, и слегка развить их в рамках, намеченных создателями. Смею надеяться, что мне это удалось. Приложил максимум усилий, чтобы не вступать в противоречие ни с каноном, ни с Расширенной Вселенной, заодно попытался объяснить некоторые нестыковки и непонятности, присутствующие в фильмах Саги. Надеюсь, авторы не будут на меня в обиде…

Литературно-художественное издание

Машошин Александр Валерьевич

БЕЛЫЕ ПЯТНА ТЁМНЫХ ВРЕМЁН

Сборник рассказов

цикл Посредине ночи, № 4

в межавторской серии
Легенды Звёздных Войн

Художник: Анна Куликова
Дизайн оригинальных космических кораблей:
Адам Копала (Польша)

© 2012 – 2016. Версии текстов:

Церемония	v1.11
Старшекурсница	v2.00
Ария тональности форс-маржор	v1.24
Чёрная смерть	v1.08
Имперский призыв	v1.11
Дар на продажу	v1.14
Стреляющие тени Рилота	v2.27
Принцесса Альдераана	v2.06